

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Стурова Мария Викторовна

**СИСТЕМА НАЧАЛЬНОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В СТЕПНОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент
Лысенко Юлия Александровна

Барнаул – 2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Этноконфессиональный аспект в образовательной интеграции казахского населения (вторая половина XIX в. – 1917 гг.)	42
1.1. Принципы и методы инкорпорирования Степного края в образовательное пространство России в 50–70 гг. XIX в.	42
1.2. Становление и развитие системы государственного управления деятельностью мусульманских школ в Степном крае в 80-х гг. XIX – начале XX вв.	64
1.3. Распространение в Степном крае начального государственного образования для казахского населения в 80-е гг. XIX – начале XX вв. (на примере русско-казахских, аульных и миссионерских школ)	93
Глава 2. Становление и развитие системы начального школьного образования для православного населения Степного края (вторая половина XIX в. – 1917 гг.)	128
2.1. Механизмы управления и тенденции развития системы светского начального школьного образования для православного населения Степного края	128
2.2. Место и роль церковно-приходских школ в формировании образовательного пространства Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.)	154
Заключение	171
Список сокращений.....	178
Список использованных источников и литературы	179

Введение

Актуальность исследования. На протяжении последних десятилетий имперское измерение истории России неизменно остается предметом пристального внимания исследователей. Распад Советского союза и мировой социалистической системы привели к глобальным политическим последствиям и актуализировали изучение вопросов устойчивости многонациональных государств, национализма, национально-освободительных движений и поиск наиболее эффективных форм государственного устройства с точки зрения сохранения их территориальной целостности и оптимального регулирования межэтнических отношений.

В этом смысле значительный научный интерес представляет исторический опыт Российской империи по формированию единого политико-правового и экономического пространства в условиях этноконфессиональной и социокультурной гетерогенности общества.

Одним из регионов, сосредотачивающих на себе исследовательское внимание, является Степной край. Историческая практика управления территорией с неоднородным религиозным и этническим ландшафтом, национальная политика российско-имперских структур в культурно-цивилизационном отношении представленная русификацией, появление в начале XX в. феномена движения Алаш как синтеза процессов управления и саморазвития культурно-религиозного пространства, и на современном этапе – стратегии двух суверенных государств, России и Казахстана, ориентированные на долгосрочное геополитическое сотрудничество, включающее и культурно-языковую сферу отношений¹ – все вместе указанные обстоятельства вызывают внимание с научно-исторической и международно-политической точки зрения,

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке (Екатеринбург, 11 ноября 2013 г.). Ст. 9, 22, 23, 25 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499073635>; Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. Алматы, 2003. С. 245–253; Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. Исследования по прикладной и неотложной этнологии / О.И. Брусина, Д.А. Митина; ред. группа: Тишков В.А. (отв. ред.) [и др.]. М., 1996. Вып. 94; Жолдасбекова А.Н. Казахстан и Россия: проблемы и перспективы международного сотрудничества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 4, 19.

побуждают к исследованию национальной политики и раскрытию логики образовательной интеграции Степного края в общеимперскую структуру.

Особого внимания с позиции современности заслуживает опыт взаимодействия различных министерств и ведомств в вопросах конкретного наполнения содержания образовательной политики, направленной на нейтрализацию вызовов и угроз интеграции. В этом смысле имперской администрации требовалось обеспечить идеологический контроль над сформированной в культурных традициях казахского этноса мусульманской школой. Принципиальное значение приобретало наличие русификаторского компонента в содержании образовательных программ и вопрос степени вмешательства министерств в конфессиональную образовательную систему казахов. Исследование именно «механики действий» министерств позволит выявить ключевые проблемы, связанные с эволюцией образовательной политики и, в целом, ее ресурсным потенциалом для аккультурации казахского населения.

Изучение исторического опыта управления этническими и межэтническими процессами в Степном крае, регулирования государством образовательной сферы на предметном содержании системы начального школьного образования позволит вывести на новый уровень дискуссию о природе и системных характеристиках Российской империи, внести коррективы в оценки национальных историографий о ее роли в развитии того или иного этноса, предложить современным органам власти альтернативные механизмы решения «национального вопроса» на основе культурно-образовательной коммуникации.

Степень изученности проблемы. Поскольку в дореволюционный период исследователи и просветители являлись свидетелями интеграционных мероприятий имперской администрации по инкорпорированию Степного края, комплексной рефлексии образовательной политики не проводилось. Однако следует подчеркнуть – вклад представителей этого направления все же существенен: проводился анализ отдельных мероприятий в области образования в

рамках «инородческого», «мусульманского» вопросов². Например, одним из ключевых проблем являлась тематика влияния религии на образование³. Соотнесение понятий «грамотности» и «религиозности», а также проблема «наукоемкости» ислама и его способности к генерированию поступательных интенций в развитии общества стали одними из центральных в исследованиях дореволюционных авторов. Наступательную позицию на ислам заняли М.А. Миропиев, Н.П. Остроумов, Ч.Ч. Валиханов⁴, подчеркивавшие отрицательное воздействие философских оснований ислама на интеллектуальное развитие этносов-приверженцев, а также губительное нивелирование их этнических особенностей в связи с принятием данной религии. Решение проблемы ими виделось в ограничении «фанатизма» мусульман и переходе на российско-имперскую модель образования (с разной степенью религиозной ассимиляции (принятия православия)).

² См., например: Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (репринтное издание монографии 1832 г., СПб.) / Под общ. ред. академика М.К. Козыбаева. Алматы, 1996; Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-хаир хана (1748–1765 г.). Уфа, 1853–1855. Т. 1–2; Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868; Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873; Харузин А.Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). М., 1888; Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. СПб., 1895; Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890–1891. Т. 1–2; Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг. СПб., 1897; Он же. Разделы «Ислам», «Культура мусульманства», «Мусульманский мир» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. VI. С. 81–297; Семенов П.П. Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть европейской России. СПб., 1900; Мушкетов И.В. Собрание сочинений. Вып. 2: Путешествие на Алтай и Памир в 1877 году. СПб., 1912; Атласов Х.М. История Сибири (опубл. в 1911 г.) / Пер. с татар. яз. А.И. Бадюгиной. Казань, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://protatar.narod.ru/Kitaplar/HadiAtlasi/SibHis.html>; Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910; История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Том VII. Потанин Г.Н. Исследования и материалы / Под ред. И.Н. Тасмагамбетов. Алматы, 2006.

³ См., например: Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869 [Электронный ресурс]. URL: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_003582732/viewer/?page=2; Харузин А.Н. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и кара-киргизов // Этнографическое обозрение. М., 1891. Кн. IX. Прибавления. С. 1–68.

⁴ Миропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. С. 4, 43, 51, 67, 74–279, 292, 371, 381–388, 390–391, 491–492; Остроумов Н.П. Коран и прогресс: По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман. Ташкент, 1901. С. 138–139, 192, 208, 218, 230–248; Он же. К. П. фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания и исторический очерк народного образования в крае. Ташкент, 1899. С. 12, 31, 70–72, 106–107, 111, 114, 128–129; Он же. Что такое Коран? По поводу статей Г.Г. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурзы-Алима. Ташкент, 1883. С. 21, 28, 32–34, 48–52, 145–147, 154–155; Валиханов Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата, 1985. С. 48–70; Он же. О мусульманстве в степи // Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата, 1985. С. 71–75; Он же. Словесность // Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. Алма-Ата, 1985. С. 383–389.

Позицию защиты ислама занимали представители мусульманской интеллигенции. Однако принятие/отрицание самодостаточности ислама также стало разделяющим критерием. Например, Искандер-Мурза, санкт-петербургский ахун А. Баязитов отрицали необходимость привнесения достижений европейской цивилизации для прогрессивного развития мусульманского общества, полагая, что собственно религиозно-философские основания содержат необходимую для этого основу⁵. Напротив, роль достижений европейской науки для модернизации в широком смысле высоко оценивал И. Гаспринский. В сфере национального образования отражением изменений должен был стать весомый «светский компонент», а ведущую роль в модернизации – занять татарский язык⁶. В последующем сторонники и противники модернизации мусульманской системы образования оформились в направления джадидизма (новометодная школа) и кадимизма (старометодная школа)⁷.

Специального упоминания заслуживает направление исследователей, акцентировавших внимание на изучении этнических особенностей интегрируемого инородческого населения. Обличение губительной для иноэтничных сообществ политики обрусения и обоснование необходимости «грамотной аккультурации» содержится в трудах областников Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина⁸. Применительно к населению Туркестанского края присутствие

⁵ Искандер-Мурза. Русские школы для мусульман в Туркестане // Восточное обозрение. 1883. № 36. С. 11–12; Он же. Русские школы для мусульман в Туркестане (продолжение) // Восточное обозрение. 1883. № 38. С. 9–10; Баязитов А. Отношение ислама к науке и иноверам. СПб., 1887. С. 10–12, 17–25, 99–102; Без указания автора (ред. заметки Н.М. Ядринцева). Вопрос о просвещении инородцев // Восточное обозрение. 1885. № 10. С. 10–11.

⁶ Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881 [Электронный ресурс]. URL: <http://qrim.org/?p=16813>; Бобохонов Р. Джадидизм – как школа модернизации ислама в Центральной Азии // Информационный портал «Центральная Азия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1424558880>; Загидуллин И.К. Исмаил Гаспринский о школьной политике правительства в отношении мусульман Поволжья и Приуралья во второй половине XIX века // Издательский дом «Медина» [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/pedagog_zagidullin.htm#_ftnref8

⁷ Мухаметшин Р., Исхаков Д. Идеологические разногласия между представителями кадимизма и джадидизма // Научно-документальный журнал «Эхо веков». 2007. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_2/05/05_3/&ssearched=1

⁸ Обоснование представленных взглядов было изложено Г.Н. Потаниным в докладе «На притоке реки Токрау», прочитанном на собраниях Западно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества в Омске, общества изучения Сибири в Томске, и (опубликован в газете «Сибирская жизнь» в 1914 г. (№ 35, № 82 (20 апр.); № 83 (22 апр.), № 86 (25 апр.)). Более того, Г.Н. Потанин обращал внимание на проблему усиления возможностей Сибирского казачьего войска как «колониационного материала» для интеграции казахского населения Прииртышья. См. подробнее: Потанин Г.Г. Труды по этнографии и фольклору. Репринтное изд-е. Павлодар, 2005. С. 72–78, 97–103, 107–108; Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске (опубл. в 1861 г.)

негативных сторон во взаимоотношениях российско-имперской администрации и коренного населения, обусловленных неправильными действиями первых, отмечал в своих трудах В.В. Бартольд. Обстоятельный критический анализ политики русификации во всей полноте ее отрицательных проявлений содержится в работе В.П. Наливкина, продемонстрировавшего на примере управления Туркестанским генерал-губернаторством «этноконфессиональную некомпетентность» чиновников имперской администрации, не заинтересованных, по мнению автора, в выработке оптимальных моделей взаимодействия, и тем более – в нахождении диалоговых форм общения с местным населением⁹.

Отметим также, что параллельно существовало и направление исследователей, анализировавших собственно имперскую систему образования. Здесь следует назвать работы С.В. Рождественского, П.Ф. Каптерева, Н. Сперанского, Е.Ф. Сосунцова¹⁰. Особенно необходимо выделить мнение А.П. Щапова, изучавшего образовательную систему государствообразующего этноса. Историк акцентировал внимание на социально-педагогических условиях интеллектуального развития русского народа, «государственной народообразовательной системе опеки». Автор вышедшей в 1870 г. работы подчеркивал негативное влияние государственной образовательной системы, следствием которой являлась неразвитость критического мышления русского народа и отсутствие «рационального сомнения», которые должны быть «предтечей духа исследования и мотивом к самостоятельным умственным трудам»¹¹.

// История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VII: Потанин Г.Н. Исследования и материалы. Алматы, 2006. С. 303–330; см. также: Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб., 1891. С. 222–226, 229–242.

⁹ См. подробнее: Бартольд В.В. Раздел «История культурной жизни Туркестана» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 296, 300–302, 308, 319, 321–322, 359, 362–365, 373–374; Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь: Этнографические очерки о тюрко-монгольском населении Туркестанского края. Репринт издания 1913 г., изд-е 2-е. М., 2012.

¹⁰ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902; Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Пг., 1915; Сперанский Н. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. М., 1910; Сосунцов Е.Ф. Основы национального русского воспитания. Казань, 1915.

¹¹ Щапов А.П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Репринт. Изд-е 2-е, испр. М., 2010. С. 280.

Тематика религиозного воспитания и образования, просветительской миссии церкви и отдельной от церкви правительственной школы также становилась предметом изучения дореволюционных исследователей, таких как А.И. Гренков, П.Н. Милюков, Н. Сперанский, С.И. Миропольский¹². Однако проблеме образовательной политики в отношении государствообразующего этноса в условиях преобладания иноэтничного населения и конкретно восточно-славянского этноса в Степном крае не уделялось большого внимания (например, по сравнению с тематикой о русификации «инородцев»). Вопрос «обынородчивания» восточно-славянского населения подвергался изучению в отдельных случаях в работах ранее упоминавшихся Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева¹³, рассматривался как феномен, частное явление колониционных процессов¹⁴. Но четкого звучания применительно к этноконфессиональному влиянию на территории Степного края данная тематика не получила, как и проблема образовательной сферы в контексте этих процессов.

Таким образом, на дореволюционном этапе проблема образовательной политики в отношении казахского населения рассматривалась через призму «инородческого» и «мусульманского» вопросов, наряду с проблемами образования у татар, башкир. Однако в сравнительном ключе образовательная политика в отношении интегрируемого и государствообразующего этносов на территории Степного края не изучалась.

¹² Гренков А.И. Церковь и школа. Исторический очерк западно-европейских идей по вопросу отделения школы от церкви // Православный собеседник. 1875 Ч. 3. С. 300–353; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1897. Ч. 2: Церковь и школа (вера, творчество, образование). С. 341–354, 360–365; Сперанский Н. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. М., 1910. С. 9–32; Миропольский С.И. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Изд. 2-е. СПб., 1910.

¹³ Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске (опубл. в 1861 г.) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VII: Потанин Г.Н. Исследования и материалы. Алматы, 2006. С. 305–306; Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб., 1891. С. 168–169, 171–172, 174, 187, 189, 193, 199, 201; шире об ассимиляционных процессах, которым подвергался государствообразующий этнос, см.: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 88–98; Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. 18. Киргизский край. СПб., 1903. С. 184–190; Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь., М., 1905. С. 192–196; Пыпин А.Н. Русская народность в Сибири // Вестник Европы. 1892. № 1. С. 294–295, 303.

¹⁴ Подробнее о внутренней колонизации и в т.ч. трансформации восточной «окраины» в «Азиатскую Россию» см., например: Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемир. Выставка 1900 г. в Париже, Ком. Сиб. ж. д. СПб., 1900; Драницын Д. Колонизационные задачи в Закаспийской области // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 117–139; Орлов. Ходяческое движение, водворение переселенцев и связанные с ним мероприятия в Азиатской России в 1909 году // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 3–33; Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914.

Характерной чертой историографии советского периода была изначальная установка на нивелирование значимости этнорелигиозных предпосылок в объяснении изучаемых процессов. В центре внимания находились проблемы национально-освободительного движения против колониального гнета империи, при этом детерминантами выступали социально-экономические условия и характеристики исторического процесса. Показательными в этом отношении являются работы П.Г. Галузо, в которых образовательная политика в отношении населения присоединенных территорий не рассматривалась как самостоятельная, а с позиции формационного подхода, как продолжавшая общую логику действий «колониальной политики царизма»¹⁵. В исследованиях М. Ряднина, Т. Джумабаева, Ш. Шафира и ряда других русификация интерпретировалась как унификация национальных особенностей по направлениям насаждения русского языка и православия (акцент был сделан на насильственном характере мероприятий)¹⁶. Национально-религиозное образование отныне независимых народов также не являлось предметом вариативных интерпретаций, а характеризовалось как орудие распространения фанатизма и мусульманской пропаганды.

Вместе с тем в 1920-е – 30-е гг. в контексте политики ликвидации последствий колониального режима и стимулирования культурно-национального развития народов, образовавших автономные советские социалистические республики и затем вошедших в состав СССР, поощрялось исследование национальных характеристик. Примером служат работы Д.Н. Овсяннико-Куликовского «Психология национальности» (1922), М.Т. Тынышпаева «Материалы к истории киргиз-казахского народа (генеалогия

¹⁵ Галузо П.Г. Туркестан-колония: очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Ташкент, 1935. С. 88–90, 91–100, 186–212; Он же. Троцкистско-колониаторская концепция истории Туркестана-колонии. Сборник статей. М. – Ташкент, 1933. С. 5, 16–17.

¹⁶ Ряднин М. Казахстан на путях к социалистическому строительству: Ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу. Кзыл-Орда, 1928. С. 18; Джумабаев Т., Шафира Ш. Формирование казахского пролетариата. Алматы, 1930. С. 7; Казахская Советская Социалистическая Республика / Под ред. Мустафина Б., Тимофеева Н. Алма-Ата, 1938. С. 78–79; Казахская Советская социалистическая Республика: Издание 2-ое, исправленное и дополненное / Под ред. Н. Тимофеева. Алма-Ата, 1939. С. 11.

киргиз-казахских родов)» (1925)¹⁷. Обозначенные в науке процессы происходили в русле общей политики сдерживания интенций «излишней автономизации» как проявления «буржуазного национализма», а внимание исследователей в основном было сосредоточено на социально-экономических предпосылках революции 1917 г. и общности национальных интересов, обусловленной предреволюционной ситуацией. Примером указанных процессов являются работы С.Д. Асфендиарова и К.Г. Забирова¹⁸.

Сохранение тенденции продолжилось и после XX съезда, несмотря на определенную степень «диверсификации» оценок имперского периода истории Казахской ССР, продемонстрированных в исследованиях Е.Б. Бекмаханова и С.З. Зиманова¹⁹. Исключение в рамках данного направления составляют, применительно к теме диссертации, работы Н. Сабитова, в которых, однако мусульманское образование у казахского населения интересовало автора больше с точки зрения педагогики, чем исторического анализа²⁰.

На этапе 1960-х – 1980-х гг. получил признание альтернативный вариант интеграции (в термине «присоединение» негативная коннотация стала менее яркой, как, например, в исследованиях Т.Ж. Шоинбаева и др.)²¹. В вопросах национальной политики произошел поворот в сторону изучения роли этнических

¹⁷ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология национальности. Пг., 1922; Тынышпаев М.Т. Материалы к истории киргиз-казахского народа (генеалогия киргиз-казахских родов). Ташкент, 1925.

¹⁸ Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата – М., 1936. С. 52–72; Забиров К.Г. Колониальная политика царизма и аграрные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Фрунзе, 1958. С. 16.

¹⁹ Влияние присоединения территорий с казахским населением характеризовалось как благотворное, производное от демократической русской культуры, хотя общность интересов по-прежнему интерпретировалась с позиции противостояния казахского народа местной власти, «сраставшейся» с «колониальными органами». Следовательно, основой консолидации снова выступала социально-экономическая составляющая. // См. подробнее: Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1957; Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958.

²⁰ Изучая конфессиональное образование у казахского населения, исследователь акцентировал внимание преимущественно на консервативном характере образования у мусульманских народов империи (мектебы и медресе представлены с позиции «очагов панисламизма и пантюркизма, являвшихся реакционной идеологией Востока»). Прогрессивным элементом выступали русско-казахские школы. Отметим также, что религиозная доминанта образования рассмотрена автором не как самостоятельная, а подчиненная социально-экономическому и политическому контексту, не охарактеризована также роль школ в этногенезе казахов. // Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов (историко-педагогический очерк). Алма-Ата. 1950.

²¹ См., например: Шоинбаев Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973; Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России: Научные труды. Вып. 346. Ч. 2. Ташкент. 1970.

особенностей в формировании взаимоотношений²². Последнее все же являлось исключением, т.к. в большей степени внимание исследователей было приковано к социально-экономической тематике. Примером служат труды Б. Сулейменова, М. Сужикова, Т.А. Абдразакова, в которых в центре внимания была проблема седентаризации казахов и аграрной политики имперского руководства, раскрытие темы прогрессивного значения социалистического пути развития²³. Исследование межэтнических отношений рассматривалось в спектре внешнеполитических. Большой вклад в изучение данной тематики внесли историки Б.П. Гуревич и В.А. Моисеев²⁴. Отметим также, что этнодемографические процессы и складывание этнических общностей в имперский период исследовались Н.В. Алексеенко²⁵.

Значимость религии для выяснения логики межнациональных отношений по-прежнему недооценивалась. Религиозный аспект имперской образовательной политики в большей степени подвергся тенденциозному истолкованию как вымышленная и надуманная «завеса», прикрывавшая, с одной стороны, действия царского самодержавия, а с другой – национальной буржуазии. Примером такого подхода выступают работы Б.А. Амантаева, Р.Б. Сулейменова, Х.И. Бисенова²⁶. И на протяжении всего советского периода религиозная проблематика фактически

²² См., например: Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1980.

²³ См., например: Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. (1867–1907 гг.). Алма-Ата, 1963; Сужиков М. Социально-экономические проблемы национальной консолидации: Из опыта перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм. Алма-Ата, 1968; Абдразаков Т.А. Закономерности построения социалистической экономики в национальных районах СССР: На материалах Казахской ССР. Алма-Ата, 1975.

²⁴ См., например: Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1983; Моисеев В.А. Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 43–55; Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая. XVIII в. М., 1983.

²⁵ См., например: Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата, 1981; Этническая история народов Севера / Отв. ред. И.С. Гурвич. М., 1982.

²⁶ См., например: Амантаев Б.А. Социализм и коренное преобразование социальной природы казахского крестьянства. Алма-Ата, 1969. С. 212; Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов: История строительства советской культуры Казахстана. 1917–1965 гг. Алма-Ата, 1967. С. 14, 57, 61–63; Сегизбаев О.А. Традиции свободомыслия и атеизма в духовной культуре казахского народа. Алма-Ата, 1973; Болотин И.С. Тупики клерикального национализма. М., 1987.

оставалась «статичной»²⁷. Редким исключением являются работы М.А. Батунского, Л.И. Шерстовой²⁸.

Обращаясь к отдельным сюжетам тематики образовательной политики в отношении казахского населения в имперский период, отметим, что оценки были полярно-односторонними. С одной стороны, – критика имперской администрации, незаинтересованной, по мнению, например, З.И. Кастельской, в развитии русско-туземных школ²⁹ и, напротив – подчеркивание благотворного влияния имперской администрации на изменение образовательной системы казахов, о чем сказано в работах Е.Б. Бекмаханова, Т.Ж. Шоинбаева и др.³⁰. Однако исключение значимости религиозной составляющей все еще не позволяли комплексно охарактеризовать интеграционные процессы в области образования на территории Степного края³¹.

Таким образом, в советской историографии этноконфессиональный аспект образовательной политики как совокупность значимых обстоятельств, способных повлиять на мероприятия имперской администрации, освещения не получил.

²⁷ См., например: Десницкий В.А. Вступительная статья // О религии: основные вопросы методологии истории религии и антирелигиозной политики рабочего класса: статьи и отрывки из произв. Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, К. Каутского, П. Лафарга и Г. Кунова / сост. В.А. Десницкий. М.: Л., 1926. С. 3–6; Элиашевич И.Я. Религия в борьбе за рабочую молодежь. Л., 1928; Мавлютов Р.Р. Ислам. М., 1969; Религия и общественная мысль народов Востока / Отв. ред. Гафуров Б.Г. М., 1971; Фуруров В.Г. Буржуазные конституции и свобода совести. М., 1983; Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. М., 1986; Ахадов А.Ф. Ислам в погоне за веком. М., 1988.

²⁸ См., например: Батунский М.А. О некоторых тенденциях в современном западном исламоведении // Религия и общественная мысль народов Востока. М., 1971. С. 207–240; Шерстова Л.И. Алтай-кижи в конце XIX – начале XX в. (История формирования этноконфессиональной общности): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

²⁹ См. подробнее: Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 34.

³⁰ Бекмаханов Е. Очерки истории Казахстана. XIX в. Алма-Ата, 1966. С. 98–99; см. также: Садыков А.С. Культурные связи Хивы с Россией (конец XIX – начало XX вв.) // Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России: Научные труды. Вып. 346. Ч. 2. Ташкент. 1970. С. 44–64; Шоинбаев Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973. С. 175–177, 183, 185–206, 209; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Ш.И. Ганелин, Л.Д. Глубоковских, П.В. Горостаев [и др.]. Отв. ред. А.И. Пискунов. М., 1976. С. 485, 493.

³¹ В историографии советского периода утвердился взгляд на культуру союзных республик как на «национальную по форме и социалистическую по содержанию», безусловно, высокую по уровню развития и в области образования характеризовавшуюся «сплошной грамотностью». Все определения являлись результатом сравнительных исследований мероприятий «царизма» и советской, народной, власти. Демонстрация бесспорно «правильных решений» последней происходила, в том числе на подчеркивании недостатков политики предшественников. Такой подход исключал возможность рассмотрения образовательной политики имперской администрации дифференцировано. Примером общепринятой интерпретации является сборник документов «Культурное строительство в Казахстане» (1965) и предваряющая материалы статья Х. Хабиева. См. подробнее: Культурное строительство в Казахстане: Сборник документов и материалов / Под ред. Абдулкадыровой М.А., Бейсембаева С.М., Голубятникова С.С., Хабиева Х.Х. Алма-Ата, 1965. С. 4–8; 100–249; см. также: Макаров В.Г. Партийное руководство культурным строительством в Казахстане в первые годы советской власти (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 2–3, 8–9, 11–12, 14, 16–19, 25–26.

Современная историография по вопросам имперской религиозной и образовательной политики многогранна и многоаспектна, что явилось результатом, в том числе, вновь признанной значимости религиозного фактора в развитии этноса³². Исследуются имперские сценарии укрепления структурных связей с полиэтническими «окраинами»³³, модернизация имперских структур и этнорегионов³⁴, проводится методологическое конструирование вокруг темы империи/империализма³⁵. Изучается имперская образовательная политика на территории Западной Сибири и Казахстана³⁶. Все вместе дает возможность

³² Речь идет о таких тематиках, как социокультурная трансформация Азиатских окраин, межэтническое взаимодействие, имперские стратегии и тактики, этнический фактор в экономическом районировании, внутренняя колонизация окраин, пограничные этнодемографические процессы и зависимость геополитического баланса от степени интегрированности этнорегионов. См., например: Ремнев А.В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века / А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова. Омск, 2013; Шерстова Л.И. Тайна долины Теренг. Горно-Алтайск, 1997; Она же. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск, 2005; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Межэтнические процессы на Алтае в XVIII – начале XX века (на примере русского и казахского этносов). Барнаул, 2013; Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. Экономическая политика Российской империи в Степном крае и место казахов в системе межэтнического разделения труда // Востокведные исследования на Алтае / сост. И.В. Анисимова; под ред. Д.А. Глазунова. Вып. VIII. Барнаул, 2014. С. 75–95; Тарасова Е.В. Миграционный обмен с Россией как фактор формирования этнического состава населения Казахстана (XVIII – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Она же. Влияние переселенческого движения на земельные отношения в Степном крае и Туркестане в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/2 (80). С. 203–206; Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. М., 2015; Ануфриев К.С. Политика России и Китая в Центральной Азии. Томск, 2011; Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. [и др.] Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в.: коллективная монография / отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул, 2014; Ергин Ю.В. Первый исследователь мусульманских школ Уфимской губернии (к 135-летию М.И. Обухова) // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. № 1 (2). С. 115; Штурба В.А. Образование как элемент окультуривания горских народов Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 3 (5). С. 5.

³³ См., например: Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2011; Фурсов К.А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток. 2010. № 6. С. 28–44; Изобретение империи: Языки и практики / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2011; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

³⁴ См., например: Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20; Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке традиции и инновации. Караганда, 1993. С. 114–144, 178–186, 294–303.

³⁵ См., например: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001; Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М., 2002; Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2007; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999; Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 341–359.

³⁶ Войтеховская М.П. Развитие начального образования в Западно-Сибирском учебном округе в связи с планами введения всеобщего обучения // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4(16). С. 134–140; Ищенко О.В. Развитие общего и профессионального образования в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 13. С. 22–28; Блинов А.В. Западно-Сибирский учебный округ [Электронный ресурс]. URL: <http://russiasib.ru/zapadno-sibirskij-uchebnyj-okrug/>; Он же. Организация училищных советов в рамках Западно-Сибирского учебного округа (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 13(115). С. 35–39; Он же. Оформление административно-территориальных границ образовательного пространства Западной Сибири (1803–1885) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 6–13; Голикова О.А.

исследователям наполнить конкретно-историческим содержанием отдельные имперские проекты и практики, определяя новые свойства, качественное содержание и в целом, вектор трансформации управляемых территорий³⁷. Иное звучание также получают работы по изучению механизмов «обратной адаптации»: приспособления имперских структур к этнорелигиозным особенностям интегрируемых территорий³⁸.

Необходимо обратить внимание, что в обозначенном многообразии проблем вопрос управления отдельным этнорегионом Степного края в контексте образовательной политики с акцентом на этноконфессиональный аспект находится на пересечении нескольких тематик. В связи с чем в рамках современной историографии целесообразно выделить следующие ключевые направления.

К числу исследователей, анализирующих общие механизмы сохранения жизнеспособности империи в контексте проблематики управления национальными окраинами, относятся: В.С. Дякин, А.К. Тихонов³⁹. На осмыслении также общеимперских процессов построены исследования Б.Н. Миронова, И.В. Побережникова. Нарботки Б.Н. Миронова позволяют воссоздать общеимперский контекст процессов сословной трансформации, происходивших, в том числе и на территории «азиатской окраины», автором

Формирование инспекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2010. № 4/3 (68). С. 50–53; Она же. Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2012; Она же. Развитие школьной сети Западно-Сибирского учебного округа в последней четверти XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–2 (59). С. 153–156; Сулимов В.С. Светская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX веков: воспитание учащихся. Тобольск, 2015.

³⁷ См., например: Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): Сб. мат. всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2014; Дамешек Л.М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX века) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сб. мат. регион. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2007. С. 35–40.

³⁸ Лысенко Ю.А. [и др.] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2014; Васильев Д.В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Интернет-журнал «Науковедение». Вып. 5 (24). 2014. С. 1–23 [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf>

³⁹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998; Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. Изд. 2-е испр. и доп. СПб., 2008.

исследуется и «национальный аспект» модернизационных процессов⁴⁰. На последних сосредоточено внимание И.В. Побережникова, в трудах которого также сделан акцент на социокультурной, культурной трансформации, роли этнического компонента в изменениях имперских структур⁴¹, вызванных модернизацией, особое внимание уделено фронтальной модернизации Азиатской России (на примере Сибири)⁴². Отдельно следует выделить работу В.В. Алексева с соавторами «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв.», в которой исследуется проблема многофакторного влияния азиатской части России на ее геополитическое и социокультурное самоопределение, а также обосновывается вклад восточных регионов (Урал и Сибирь) в процесс государствовоительства и формирование целостного облика государства⁴³.

Решение «мусульманского вопроса» в имперской административной практике явилось центральной проблемой работ Д.Ю. Арапова, М.А. Батунского. Значительная часть работ Д.Ю. Арапова посвящена религиозной политике правительства в Степном крае и Туркестане, формированию в российско-имперских административных кругах стратегии управления мусульманскими регионами⁴⁴. Д.Ю. Арапов впервые провел масштабную работу по выявлению религиозного фактора в имперской политике. Ученый также исследовал практику

⁴⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. С. 30–50, 62–65; Он же. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Т.2. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. С. 169, 326–331.

⁴¹ Побережников И.В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 191–193, 197–198.

⁴² Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.

⁴³ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. С. 159–203; 540–572.

⁴⁴ См. подробнее: Сборник Русского Исторического общества. Т. 5 (153). Россия и Средняя Азия в XVIII–XX вв. / Под ред. Д.Ю. Арапова. М., 2002; Сборник Русского Исторического общества. Т. 7 (155). Россия и мусульманский мир / Под ред. Д.Ю. Арапова. М., 2003; Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век / отв. ред. Д.Ю. Арапов. М. 2004; Россия – Средняя Азия. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. / Авт. коллектив: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Б.М. Бабаджанов, В.А. Германов, В.А. Иванов, Ф.М. Мухаметшин, Р.Н. Шигабдинов. М., 2011.

интеграции Степного края, однако образовательная сфера не получила подробного рассмотрения⁴⁵.

Известные востоковеды М.А. Батунский, С.Н. Абашин в своих работах также исследуют проблемы рационализации управленческих методик применительно к мусульманским этнорегионам Российской империи⁴⁶. Роль образовательной политики в цивилизационном взаимодействии российско-имперских властей и интегрируемого мусульманского населения определяется как важная, однако Степной край как «проблемное поле» отдельно не выделяется⁴⁷.

Среди исследователей «мусульманского вопроса» в империи применительно к Степному краю следует выделить работы Ю.А. Лысенко, в которых глубоко изучены проблемы миссионерства Русской православной церкви среди казахского населения, миссионерского образования, церковно-школьного строительства на территории современного Казахстана⁴⁸.

⁴⁵ См., например: Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001. С. 23–24, 26, 31–33, 184; Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования Ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2000. С. 164–167, 173–184, 196–14; Он же. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.) / Вступ. ст. // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. / Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапова. М., 2006. С. 5–15; Он же. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 132–137; Он же. «Совершенно новые веяния...» Министр внутренних дел Д.С. Сипягин и русский посол в Турции И.А. Зиновьев о «мусульманском вопросе» // Родина. 2006. № 12. С. 62–64; Он же. П.А. Столыпин и ислам // Российская история. 2012. № 2. С. 121–126.

⁴⁶ См. подробнее: Россия – Средняя Азия / Авт. коллектив: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Б.М. Бабаджанов, В.А. Германов, В.А. Иванов, Ф.М. Мухаметшин, Р.Н. Шигабдинов. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. М. 2011. С. 123–134, 232–382; Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. М., 2007; см. также: Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 97–98.

⁴⁷ Батунский М.А. Православие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX–XX веков // Общественные науки и современность. 1996. №2. С. 81–90; Россия – Средняя Азия / Авт. коллектив: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Б.М. Бабаджанов, В.А. Германов, В.А. Иванов, Ф.М. Мухаметшин, Р.Н. Шигабдинов. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. М. 2011. С. 383–400.

⁴⁸ Лысенко Ю.А. «Отчеты об Алтайской и Киргизской миссии» как источник по истории миссионерской деятельности Русской Православной церкви в Казахстане во второй половине XIX -начале XX вв. // Макарьевские чтения: материалы пятой междунар. конф. (21–22 нояб. 2006 г.). Горно-Алтайск, 2006. С. 43–48; Она же. Образ России в представлении казахской политической элиты и интеллигенции XVIII–XIX вв. // Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI в.): мат. между-нар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2007. С. 39–43; Она же. Церковно-школьное строительство в Казахстане в XIX – начале XX в. как фактор повышения имиджа империи // Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны): мат. науч.-практ. конф. Барнаул, 2008. С. 107–112; Она же. Степень исламизации казахского общества на рубеже XIX–XX вв. в оценке миссионеров Киргизской духовной миссии // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2008. №4/3. С. 149–156; Она же. Православное и исламское миссионерство в казахской степи: сравнительный анализ организации и методов деятельности (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: История. 2010. №2. С. 36–40; Она же. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX

Ценными для данной работы стали результаты исследований двух самостоятельных направлений: этничности в истории России и имперской ситуации как исследовательского дискурса. К первому относятся труды В.А. Тишкова и авторов статей из серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Ко второму – исследования историков, лингвистов, антропологов направления «Новой имперской истории». И хотя изучаемая в диссертации проблематика не рассматривалась, в целом вопросам поликультурности, межнационального общения в образовательной среде также придано большое значение⁴⁹.

Рассмотрение образовательной интеграции Степного края на пересечении указанных тем не является комплексным без реконструкции исторической ситуации интегрирования Степного края как части Азиатской России, обращения к механизмам администрирования этнорегионами. Указанные вопросы подробно исследованы А.В. Ремневым и «Омской школой», а также в работах Л.М. Дамешека и И.Л. Дамешек⁵⁰.

в.). Барнаул, 2010; Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2011.

⁴⁹ Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2012; Тишков В.А. Двадцать лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2008. Вып. 200; Он же. Русские в Средней Азии и Казахстане / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1993. Вып. 51; Мартынова М.Ю. Школьное образование и идентичность: Отечественные и зарубежные концептуальные подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2013. Вып. 234; В поисках новой имперской истории / вступ. ст. // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань, 2004. С. 17–19, 21–24, 26–28; Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004. С. 263–287.

⁵⁰ См., например: Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков: некоторые итоги и перспективы изучения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaimka.ru/power/remnev3.shtml>; Он же. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М. 1997. С. 52–66; Он же. Татары в казахской степи: соратники и соперники российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31; Он же. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab imperio. 2011. № 1. С. 169–205; Он же. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века / А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова. Омск, 2013; Суворова Н.Г. Сословные практики интеграции степного населения в колонизационных проектах имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сословные и социокультурные трансформации Азиатской России (XVII – начало XX века): Сб. мат. всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2014. С. 135–149; Плахотник Т.Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/302784.html>; Дамешек Л.М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного

Необходимо также отметить – поскольку исследование заявленной проблемы находится в поле тематики образования иноэтничного населения, то в таком дискурсе образовательная политика часто отождествляется с понятием «русификация». Примечательно также, что предшествовавший ему в дореволюционный период термин «обрусение», подразумевавший культурно-языковую ассимиляцию инородческого населения, на современном этапе получил более расширенную трактовку. По мнению Б.Н. Миронова, политика русификации «означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а прежде всего систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию» в условиях мультикультурализма российского общества⁵¹. В работе А.К. Тихонова русификация понимается как метод интеграции окраин, объективно учитывавший поликонфессиональную разнородность этнорегионов, внешнеполитическую обстановку, уровень политического развития, экономической вовлеченности «окраины» в общеимперское пространство⁵². А.В. Ремнев полагал, что русификация была приемлемым и целесообразным жестким методом сохранения целостности имперской структуры, частью общего процесса администрирования регионами в условиях этнической и религиозной разнородности государства.

Более подробно религиозная составляющая политики русификации рассматривается Ю.А. Лысенко. Анализируя исторические условия реализации миссионерских просветительско-образовательных программ, автор пришла к выводу о том, что организованные по системе Н.И. Ильминского церковно-приходских миссионерские школы для казахов, а также «проведение широкой религиозной пропаганды среди мусульманского казахского, старообрядческого и сектантского русского населения» были призваны выполнять русификаторскую

освоения сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX века) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сб. мат. регион. науч. конф. / Отв.ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2007. С. 35–40; Дамешек И.Л. Сибирь в российском имперском регионализме: (1822–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/172816.html>

⁵¹ Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб., 2009. С. 49.

⁵² Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начала XX в. СПб., 2008. С. 174.

задачу «создания благоприятных условий для успешной инкорпорации многочисленных этнорегионов России (в том числе Казахстана) в единое политико-правовое, социокультурное имперское пространство»⁵³.

Однако в представленных работах применительно к Степному краю образовательная политика как русификация и отдельная практика по интегрированию не рассматривалась.

Обращаясь к зарубежной историографии, следует выделить работы казахстанских исследователей, изучавших различные аспекты политики Российской империи в отношении казахского общества. Однозначной оценки среди ученых данного направления мероприятия по образовательной интеграции не получили. Например, А. Абдакимов и З.Т. Садвокасова подчеркивают отрицательный характер их влияния на казахское общество, тогда как Ж.О. Артыкбаев инкорпорирование в целом представляет, как сложное, многогранное явление, совокупность экономического, административно-управленческого, правового и культурного аспектов, выступающих, в том числе и факторами интеграции и дальнейшей трансформации, модернизации казахского общества⁵⁴.

В современной казахстанской историографии также выделяется направление исследователей, изучающих культурно-образовательную, религиозную политику российской власти в отношении казахского общества через призму концепции русификации⁵⁵. Здесь следует выделить два направления, различаемые той оценкой, которую они дают последствиям данной политики. Первое – характеризует политику имперских структур в указанных сферах односторонне негативно как мероприятия, препятствовавшие прогрессивному

⁵³ Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2011. С. 119–120; Она же. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011.

⁵⁴ Абдакимов А. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы, 1994; Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX в.). Алматы, 2005; Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке традиции и инновации. Караганда, 1993.

⁵⁵ О сравнении подходов к понятию «русификация» в отечественной и зарубежной, казахской, историографии подробнее см.: Стурова М.В. Образовательная политика Российской империи в Степном крае (вторая половина XIX – начало XX в.): к постановке проблемы // Известия АлтГУ. Серия: история, политология. 2012. № 4/1 (76). С. 210–213.

самостоятельному этническому и религиозному развитию казахского общества и представлено трудами З.Т. Садвокасовой и С.Ф. Мажитова⁵⁶. Второе направление – историки, рассматривающие русификацию как многоаспектное явление. Так, Ж.Е. Нурбаев обосновал мнение об «игнорировании ислама» российско-имперской администрацией, сосредоточившей усилия на организации русско-казахских школ, в результате чего произошло повышение «духа религиозности» у казахов-мусульман как ответная реакция на русификаторскую политику⁵⁷. Р.С. Буктугутова отметила прогрессивный характер нововведений имперской власти и значимость организации такого типа образовательных учреждений, как аульные школы, однако противопоставила их общей жесткой политике русификации, превращавшей школу в «орудие русификаторской политики царизма»⁵⁸. Причина в столь негативной окраске преобразований автору видится в несоответствии декларируемых намерений содействовать сближению русского и казахского населения «на почве любви к общему отечеству»⁵⁹ и ограничением права обучения на казахском языке (только первые два года). В целом, меры в образовательной сфере охарактеризованы как формальные и не отвечавшие потребностям населения.

Продолжая обзор зарубежной историографии, следует подчеркнуть, что для европейских и американских исследователей характерен высокий уровень теоретизации результатов изучения имперского периода истории России. В контексте центральной темы исследования необходимо выделить работы Э. Шилза, Ш. Эйзенштадта, П. Верта, Э.В. Саида. И хотя, применительно к теме диссертации, осмыслен опыт управления по линии «центр – окраины», исследован «мусульманский вопрос» в практике администрирования имперских

⁵⁶ Абдакимов А. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: Учебное пособие. Алматы, 1994; Мажитов С.Ф. Страницы борьбы казахского народа за государственный суверенитет и независимость // Отечественная история (Отан тарихы). Алматы. 2006. № 4. С. 5–17; Садвокасова З.Т. Исследование духовной экспансии в контексте колониальной политики царизма в Казахстане как научная проблема // Отечественная история (Отан тарихы). Алматы. 2007. № 3. С. 55–66; Она же. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов // Отечественная история (Отан тарихы). Алматы. 2008. № 1. С. 90–99.

⁵⁷ Нурбаев Ж.Е. Факторы и особенности развития ислама в Северном Казахстане // Отечественная история (Отан тарихы). 2008. № 3. С. 99.

⁵⁸ Буктугутова Р.С. Вклад российской интеллигенции в развитие образования среди казахского населения Степного края в начале XX в. // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 32.

⁵⁹ Буктугутова Р.С. Вклад российской интеллигенции в развитие образования ... С. 32.

структур, проблема межэтнической коммуникации в образовательной среде и с позиции влияния этнорелигиозных особенностей территории одной из национальных окраин, Степного края, не рассматривалась⁶⁰.

Завершая историографический обзор, отметим, что в дореволюционной историографии эвристический диапазон был достаточно широк, но целостное представление об изучаемой проблеме отсутствовало в силу только набравшего ход интеграционного процесса, рассматривались частные явления в диапазоне колонизации – русификации, христианизации. Советская историография исключала религиозный аспект анализа образовательной политики (чем сужала спектр и методологический разрез исследований), но все же была не так однородно-ограничена, акцентировала внимание и на этнических особенностях. Достижение исследователей указанного периода в том, что результатами работы историков стало предоставление богатейшего материала для изучения смежных с этнорелигиозной областью межэтнических отношений: изучение аграрного вопроса, практики административного и судебного переустройства позволили сформировать представление о значимости экономико-административных преобразований, их влияния на содержание культурно-образовательной интеграции. Влияние же непосредственно религиозно-этнических особенностей на построение отношений рассматривалось на уровне международных.

На современном этапе происходит возврат к изучению феноменов, над изучением которых работали дореволюционные исследователи, а появившаяся возможность изучить источниковый материал комплексно существенно расширяет границы обозначенной темы. Следовательно, проблема этноконфессионального аспекта в образовательной политике интеграции Степного края актуализируется и попадает в спектр предметного поля исследования по объективным причинам как ранее не рассматриваемая в системе координат империостроительства и национальной политики, образования и

⁶⁰ См., например: Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 341–359; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999; Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006; Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / Пер. с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и автора; научный ред. перевода М. Долбилов. М., 2012.

межкультурного, межэтнического взаимодействия⁶¹. В центре внимания данной работы – процессы интегрирования населения Степного края с опорой имперской администрации на светские и религиозные начальные образовательные учреждения. Применительно к казахскому этносу – инородческие (русско-казахские, аульные) школы, а также – министерские (Министерства народного просвещения) и миссионерские (Томская, Омская епархии). Включение собственно государствообразующего, восточно-славянского, населения в общеимперское образовательное пространство рассматривается через строительство министерских школ (одно- и двухклассных народных училищ, сельских, земских школ, и уездных, городских), а также церковно-приходских, воскресных школ, школ грамоты и частных школ начальной ступени образования.

Таким образом, **объектом исследования** является образовательная политика Российской империи в Степном крае.

Предмет исследования – этноконфессиональный аспект образовательной политики Российской империи в процессе становления и развития начального школьного образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в. Под этноконфессиональным аспектом понимается соотнесение мероприятий имперской администрации с этническими и религиозными особенностями населения Степного края.

Цель работы – изучить влияние этноконфессионального фактора на процесс формирования и развития системы начального школьного образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Определить основные принципы и методы формирования образовательного пространства в Степном крае, роль образовательной политики в процессе интеграции региона в общеимперское пространство;

⁶¹ В данной работе словосочетания «образовательная политика интеграции» и «образовательная интеграция» употребляются синонимично.

2. Выявить позиции центральных и региональных органов власти в отношении мусульманской школы Степного края и механизмы государственного регулирования ее деятельностью;
3. Охарактеризовать механизмы интеграции казахского этноса в систему правительственного школьного образования сквозь призму создания русско-казахских школ, аульных и миссионерских школ;
4. Раскрыть специфику развития системы светского школьного образования для православного населения Степного края;
5. Выявить место и роль церковно-приходских школ в формировании образовательного пространства Степного края.

Территориальные рамки исследования совпадают с границами Степного края, конкретнее – Акмолинской и Семипалатинской областей, составлявших в период 1882–1917 гг. основу Степного генерал-губернаторства. В сопоставлении с современными территориальными рамками указанные области находились на территории Российской Федерации (южная часть Омской области) и Республики Казахстан (Северо-Казахстанская, Акмолинская, Карагандинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская области).

Стоит отметить, что в контексте реконструкции процесса образовательной интеграции указанного этнорегиона, учитывая территориально-административные преобразования и включенность в них соседних регионов, внимание также обращается на процессы трансформации, происходившие в Уральской и Тургайской областях, подчиненных попечителю Оренбургского учебного округа. Для сравнительного анализа привлекаются также данные по деятельности имперской администрации в образовательном пространстве Туркестанского генерал-губернаторства.

Хронологические границы исследования охватывают период со второй половины XIX в. до 1917 г. Нижняя граница определена началом поэтапного законодательного оформления процесса интеграции территорий бывших казахских жузов, составлявших ядро Степного края. В 1854 г. были образованы Область сибирских киргизов и Семипалатинская область. В 1868 г. данные

административные единицы были объединены в границах Западно-Сибирского генерал-губернаторства. 18 мая 1882 г. из состава Западно-Сибирского генерал-губернаторства выделены Акмолинская и Семипалатинская области, вошедшие в состав Степного генерал-губернаторства (Семиреченская область находилась в ведении Степного генерал-губернатора до 1899 г., после чего была возвращена в состав Туркестанского края)⁶². Указанные территориальные преобразования напрямую были связаны с изменениями в администрировании образовательного пространства, нововведениями в регламентации религиозной сферы отношений, осуществлявшихся с вектором на инкорпорирование этнорегиона. Так, в 1859 г. было утверждено Положение об управлении гражданскими учебными заведениями в Западной Сибири, на протяжении 1860-х – 1870-х гг. принимались правила и дополнения к Уставу гимназий и училищ уездных и приходских 1828 г. С учреждением Степного генерал-губернаторства произошел новый виток в национальной политике в отношении казахского населения областей, выразившийся в оформлении территории в отдельный этнорегион, было положено начало и формированию особенного подхода в образовательной интеграции. Подтверждением последнего является дальнейшее активное изменение образовательного пространства посредством введения акторов образовательной политики: в 1885 г. с учреждением Западно-Сибирского учебного округа, в 1895 г. – Омской епархии.

Верхней хронологической границей является февраль 1917 г., когда со свержением династии Романовых была приостановлена реализация характерной для имперского периода интеграционной образовательной политики Степного края.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертации является теория модернизации. Потенциал этой теории позволяет понять логику выстраивания политики имперских властей и реакцию казахского населения, динамику формирования образовательного пространства и роль

⁶² ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 2. № 886. С. 211–212.

этноконфессиональных особенностей населения Степного края⁶³. Рассмотрение трансформационно-интеграционных процессов с выделением этноконфессионального аспекта способствует реконструкции событий в образовательном пространстве Степного края как регионального варианта модернизации.

В рамках теории модернизации структурный подход позволяет раскрыть содержание отношений имперского центра и национальной окраины – Степного края. Развитие взаимоотношений российско-имперской администрации и этноэлиты Степного края по линии культурно-цивилизационного (образовательного) диалога происходило именно в русле выравнивания общего уровня состояния экономической, политической системы с условием ее встраивания в общеимперскую структуру. Благодаря структурному подходу раскрывается логика политики интеграции, инициированной «имперским центром»: от формулирования идеологической основы до оформления законодательно этапов реализации. Исследованию подвергаются также «приводные механизмы» управления процессом инкорпорирования и трансляции ведущих «идеологем» на региональный уровень генерал-губернаторств, областей. Данный подход позволит воссоздать картину того, каким образом осуществлялись интеграционные процессы: обязанности по реализации политики инкорпорирования распределялись согласно иерархии, от министерств (МНП, МВД/ВМ) до региональных управленческих структур (генерал-губернаторов, военных губернаторов областей, попечителей Западно-Сибирского учебного округа, директоров народных училищ).

⁶³ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. С. 159–203; 540–572; Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168; Он же. Законы и правила в языке и обществе // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация / Материалы VIII международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2006. С. 161–165; Он же. Модернизация и цивилизация: концепция культурно-цивилизационного изменения П. Штомпки // Воспитательный потенциал исторического образования (XII всероссийские историко-педагогические чтения). Екатеринбург, 2008. Ч. II. С. 405–410; Он же. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 191–203; Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке традиции и инновации. Караганда, 1993; Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века). Научная монография / Под. ред В.А. Моисеева. Барнаул, 2003.

Важное значение для раскрытия заявленной проблематики исследования приобрели теоретические положения направления «Новой имперской истории». Тематически и концептуально интеграционные процессы в образовательной среде идентифицируются с принципами и подходами, выработанными историками, антропологами данного направления. Указанные процессы рассматриваются в имперском дискурсе как исследовательская ситуация, в которой анализируются отдельные аспекты «модерности в управлении», связанном с образовательным пространством Степного края⁶⁴. «Имперская оптика» позволяет изучить действия администрации на всех уровнях через призму «управления разным»: именно взаимообусловленность проектной деятельности имперских структур и ответных реакций инкорпорируемого населения этнорелигиозными характеристиками друг друга служит ключом к раскрытию динамики действий преобразовательно-трансформационного характера⁶⁵.

Продуктивны для настоящего исследования и теоретические положения «Новой имперской истории» относительно межэтнических отношений в координатах «империя – национализм». В дискурсе образовательной коммуникации исследование «логики ситуации» «горизонтальных отношений» восточно-славянского и казахского населения позволяет раскрыть законы амбивалентного воздействия государствообразующего и инкорпорируемого этносов⁶⁶. В целом применение результатов исследований в рамках антропологического подхода, тематически реализующего в серии изданий,

⁶⁴ Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? // Логос. № 1 (58). 2007. С. 224–225.

⁶⁵ В поисках новой имперской истории / вступ. ст. // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань, 2004. С. 17–19, 21–24, 26–28; Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004. С. 263–287; Долбилов М., Сталюнас Д. Введение к форуму «Алфавит, язык и национальная идентичность в Российской империи» // Ab Imperio. 2005. № 2. С. 128–131; Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск, 2005; Арапов Д.Ю. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917 гг.) // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 253–266; Абашин С. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 456–471; Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab imperio. 2011. № 1. С. 169–205.

⁶⁶ Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? // Логос. № 1 (58). 2007. С. 222.

объединенных тематикой «Новой имперской истории», и на страницах издания «Ab imperio», способствует раскрытию новых сторон изучаемого процесса взаимодействия проводников образовательной интеграции и реципиентов трансформации.

Среди конкретно-исторических методов применяется историко-генетический и историко-сравнительный. Историко-сравнительный метод позволяет обозначить характерные особенности образовательной политики в Степном крае в отличие от мероприятий в Туркестанском генерал-губернаторстве, а также определить тактики интеграции в интерпретации светских властей (МВД/ВМ и МНП) и РПЦ (Омская епархия). Историко-генетический метод способствовал обнаружению истоков формирования свойственной именно для Степного края политики образовательной интеграции. В контексте анализа источникового материала историко-генетический подход позволяет продемонстрировать процесс формирования различными министерствами и административными структурами самостоятельных управленческих практик в образовательной сфере.

Осмысление и методологическая обработка фактологического материала на уровне интерпретации конкретных исторических данных происходили с использованием общенаучных методов и собственно исторических базовых принципов исследования (историзма, системности). Принцип историзма позволяет учитывать влияние исторического контекста на предмет исследования и вместе с тем – рассмотреть его в развитии, как самостоятельный. Принцип системности побуждает изучать процесс образовательной интеграции этнорегиона во взаимосвязи с национальной политикой империи и «мусульманским вопросом».

Источниковая база исследования. Для реализации заявленной цели и задач исследования нами привлечены разноплановые источники, которые объединены в 5 групп.

1. Законодательные акты и нормативно-правовые документы.

1.1. Законодательные акты высших органов власти, регламентировавшие условия инкорпорирования этнорегиона, определяя в масштабах империи права казахского (инородческого) населения, а также транслировали логику образовательной политики. В относящихся к этой группе источниках указах второй половины XIX в. – 1917 г. отражается этнорелигиозный аспект образовательной интеграции Степного края⁶⁷. В данную группу также были включены указы и положения более раннего периода (например, «Устав о сибирских киргизах» 1822 г., «Положение об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями» от 21 октября 1868 г., Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев, утвержденные 26 марта 1870 г., Постановление о передаче в ведение Министерства народного просвещения башкирских, киргизских и татарских школ разных наименований, 20 ноября 1874 г.). Основная часть источников данной группы содержится в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи, другие – опубликованы в сборниках документов, а также в одноименных законодательным актам изданиях⁶⁸.

1.2. Нормативно-правовые акты, регулировавшие процесс образовательной интеграции, преобразования более частного характера, в пределах исследуемого этнорегиона, демонстрирующие реформирование сферы образования в империи

⁶⁷ «Указ об учреждении Степного генерал-губернаторства» от 18 мая 1882 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 3. Т. 2. № 886; «Указ об учреждении в Акмолинской и Семипалатинской областях должностей инспекторов народных училищ» от 7 мая 1885 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 3. № 2926; «Указ о преобразовании пяти киргизских школ в степных областях в сельскохозяйственные школы» от 15 января 1896 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 16. Отд.1. № 12423; «Указ о предоставлении Степному генерал-губернатору права удалять в избранную им местность инородцев, вредных для общественного порядка и спокойствия» от 17 ноября 1897 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 17. № 14648; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета об учреждении Западно-Сибирского учебного округа от 12 марта 1885 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 5. №. 2808; Указ об учреждении Омского епархиального управления и об утверждении штата оногo от 16 января 1895 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 15. №. 11274; Указ об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 25. № 26126; Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 25. № 26803; Андреев М. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России. Симбирск, 1907. С. 1–16.

⁶⁸ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 38. № 29127; ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 29. Ч. 1. № 28255; ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 43. Ч. 2. № 46380; Учреждение Министерства народного просвещения // Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. II. СПб., 1912; Инородческие и инородческие училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских / Сост. Г.Фальборком и В.Чарнолуским. СПб., 1903; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев [и др.]. Алма-Ата, 1964; Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001; Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Омск, 1893.

и проецирование изменений в общеимперской структуре на интегрируемые области, в широком смысле – иллюстрирующие ход модернизационных процессов. К данной подгруппе относятся нормативно-правовые документы более раннего периода, сохранившие свое действие на протяжении второй половины XIX в. (Устав гимназий и училищ уездных и приходских, утвержденный 8 декабря 1828 г. и продолживший действовать после дополнений 1860-х – 1880-х гг.) и вместе с тем постановления и правила рассматриваемого периода (Постановление об устройстве училищной части в областях Акмолинской и Семипалатинской, 26 октября 1882 г., Правила для аульных русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей, утвержденные 11 октября 1901 г. и др.). Опубликованы они в сборниках документов и материалов, объединенных тематикой имперского законодательства в образовательной сфере⁶⁹.

2. Делопроизводственные материалы. Данную группу источников составили документы делопроизводства центральных и региональных органов власти, а также структур, отвечающих за образовательную политику. Эта группа источников отложилась в архивах РФ (РГИА, ГАТО, ГААК) и ЦГА РК, определенная их часть впервые выявлена и введена в научный оборот в диссертации. Решение исследовательской задачи обусловило разделение делопроизводственной документации по характеру происхождения на несколько подгрупп. Объединяющей логикой каждой подгруппы служит вертикаль «центр – этнорегион». Применительно к светской власти – делопроизводственная документация отдельных министерств и их департаментов: Министерства внутренних дел (Департамент духовных дел иностранных исповеданий) – генерал-губернаторы – областные военные губернаторы; Министерство народного просвещения – попечители Западно-Сибирского учебного округа – директоры, инспекторы народных училищ Акмолинской и Семипалатинской

⁶⁹ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. Изд. 2-е, изменен. и доп. СПб., 1886. Ч. 2; Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чернолуский. СПб., 1904. Т. 3.

областей; относительно управления православными школами – «Синод – епархии».

2.1. К делопроизводственным документам центральных и региональных органов власти по управлению образовательными учреждениями, подведомственными МВД (мусульманские школы для казахов (мектебы, медресе)), относятся:

– материалы комиссий и особых совещаний по вопросам управления мусульманскими энорегионами, организации образования среди мусульман;

– межведомственная переписка чиновников Министерства народного просвещения, МВД, Военного министерства в рамках указанных проблем, представленная в журналах межведомственных совещаний 1900-х гг. и позволяющая выявить цели, преследовавшиеся руководством министерств в решении вопроса о постановке образования в местностях с инородческим и инославным населением (в частности, обсуждалась проблема использования родного, инородческого, языка как вспомогательного в процессе обучения инородцев русскому и вероятный «ущерб» данной меры для политики обрусения, фактически дальнейшее обсуждение получили вопросы, поставленные на Особом совещании по вопросам об образовании инородцев под председательством А.С. Будиловича в 1905 г.⁷⁰ и проблемы, на которых было акцентировано внимание в рамках частного совещания, созванного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором И.П. Надаровым по вопросам о нуждах казахов Степного края⁷¹;

– всеподданнейшие отчеты военных губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей и приложения к ним;

– пояснительные и аналитические записки ученых-этнографов и государственных деятелей (например, С.Г. Рыбакова, А.Н. Харузина) по запросам министерств, в которых излагалась сложившаяся на данный момент

⁷⁰ Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А.С. Будиловича. СПб., 1905.

⁷¹ Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908.

ситуация в сфере управления мектебами и медресе, а также предоставлялась информация, позволявшая определить вектор собственно внутримусульманской модернизации системы образования и степень интегрированности в частности Степного генерал-губернаторства.

Представленные источники сосредоточены в следующих фондах РГИА: Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД⁷², Ф. 1276 – Совет Министров (1905–1917 гг.)⁷³, Ф. 1022 – Личный фонд Петрова А.В., начальника отделения ДДД ИИ МВД⁷⁴. Все они содержат значительный материал по реконструкции концептуальных оснований образовательной политики среди мусульман империи, а также дают возможность воссоздать поэтапно процесс реализации инкорпорирования казахского населения Степного края через образовательное пространство.

– дополнением к переписке министров внутренних дел и директоров Департамента духовных дел иностранных исповеданий с руководством Степного, Туркестанского генерал-губернаторств, Оренбургской губернии, содержащиеся в указанных фондах РГИА, служат делопроизводственные материалы региональных органов власти, отложившиеся в фондах ЦГА РК: Ф. 4. – Областное правление Оренбургскими киргизами (Оп. 1); Ф. 44. – Семиреченское областное правление Министерства внутренних дел (Оп. 1.); Ф. 64. – Канцелярия Степного генерал-губернатора Министерства внутренних дел. г. Омск. 1882–1917 гг. (Оп. 1.). Представленные источники (отчеты военных губернаторов областей, отношения (ответы на запросы) на имя директоров департаментов МВД, министров внутренних дел, объяснительные записки) в сопоставлении с документацией фондов РГИА раскрывают логику действий

⁷² Опись 8 (Дела департамента по иудейскому, магометанскому и ламаитскому исповеданиям, а также по языческим культам: о постройке мечетей и молитвенных домов, открытии духовных учреждений; об органах управления духовными делами; об учебных заведениях, духовной цензуре и пр. за 1833–1914 гг.);

опись 133 (Дела департамента по протестантскому, иудейскому, магометанскому и ламаитскому исповеданиям; об учебных заведениях и просветительных обществах пр. за 1841–1917 гг.); опись 150 (Материалы Общего, Секретного и Счетного отделов и Секретарской части и Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского по управлению иностранными исповеданиями за 1828–1917 гг.).

⁷³ Опись 2 (1906 г.), опись 4 (1908 г.).

⁷⁴ Опись 1 (1615–1927 гг.).

генерал-губернаторов, реализовывавших курс МВД и Военного министерства по образовательной интеграции Степного края.

2.2. Делопроизводственные материалы, относящиеся к учебным заведениям, управление которыми осуществлялось по линии «МНП – попечители ЗСУО – директора, инспекторы народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей»:

– отношения министров народного просвещения, адресованные министрам внутренних дел и военному министру, а также директорам Департамента духовных дел иностранных исповеданий по вопросам перехода ведомственного контроля над мусульманскими учебными заведениями от МВД к МНП по Постановлению от 20 ноября 1874 г. и ответы на них;

– переписка попечителя Западно-Сибирского учебного округа с инспекторами народных училищ, директорами гимназий по вопросам содержания образовательных программ, финансового обеспечения учебных заведений;

– переписка с директорами учительских семинарий на предмет установки сведений о лицах, знакомых с постановкой учебного дела в инородческих начальных школах в 1916–1917 гг.;

– педагогические отчеты Семипалатинской женской гимназии, Омской мужской гимназии;

– формулярные списки, а также личные дела и дела о назначении личного состава учительских семинарий, женских и мужских гимназий;

– ведомости о материальном обеспечении и сметы на расходы по постройке школ, семинарий на территории Акмолинской и Семипалатинской областей в 1912–1913 гг., протоколы и отчеты хозяйственных комитетов.

Представленная документация, раскрывающая логику центральной власти по вопросам образовательной интеграции в интерпретации чиновников МНП, содержится в Ф. 821 РГИА – Департамент духовных дел иностранных

исповеданий⁷⁵. Реконструкция практической стороны инкорпорирования и модернизации учебных заведений для казахского и восточно-славянского населения, выяснение позиции руководства МНП по вопросу светского и религиозного образования на территории Степного генерал-губернаторства производится по материалам, сосредоточенным в ГАТО: Ф. 126 – Управление Западно-Сибирского учебного округа (1885–1918 гг.) (описи 1–3).

2.3. В материалы делопроизводства Синода и обер-прокурора Синода, а также епархиальных властей входят:

– отчеты о состоянии епархий, Омской и Томской, духовных миссий (1859–1915 гг.);

– статистические ведомости о приходах и монастырях по указанным епархиям;

– сведения о состоянии народных училищ МНП, ведомости училищных советов епархий о состоянии церковных школ Томской и Омской епархий в период 1859–1915 гг.

Представленная в данной подгруппе делопроизводственная документация, отложившаяся в РГИА (Ф. 796 – Канцелярия Синода (1721–1918 гг.)⁷⁶ и ГАТО (Ф. 170 – Канцелярия Томской духовной консистории. 1863–1917 гг. (опись 3)), является ценным источником по вопросам конфессионального образования среди русскоязычного и казахского населения. Указанные архивные материалы позволяют сравнить церковно-школьное строительство с политикой МНП, выявить региональные особенности Акмолинской и Семипалатинской областей в отличие от территории Томской епархии, раскрыть позицию РПЦ по вопросу развития образовательного пространства поликонфессионального населения Степного края во второй половине XIX в. – 1917 г.

2.4. Материалы сенаторской ревизии К.К. фон дер Палена содержат источники, необходимые для сравнительного анализа образовательной политики

⁷⁵ РГИА. Оп. 8. Д. 612, 816; Оп. 133. Д. 458; Оп. 150. Д. 22.

⁷⁶ Опись 440 (статистические ведомости, 1856–1917 гг.), опись 442 (отчеты о состоянии епархий, 1853–1916 гг.).

центральных властей в отношении мусульманских школ в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах:

– всеподданнейшая записка с выводами отчета проведенной чиновником имперской администрации ревизии 1908–1909 гг. (РГИА. Ф. 1016 – Фонды личного происхождения, граф, Константин Константинович Пален (1861–1923), Виленский губернатор, сенатор⁷⁷). Вместе с конкретизацией данных в самом отчете дают ценную информацию для выяснения мероприятий имперской администрации по укреплению власти через изменение образовательного пространства этнорегионов⁷⁸.

3. Статистические и справочные издания представлены ежегодными обзорами Акмолинской области за период 1881–1915 гг., Справочной книгой Омской епархии (1914 г.)⁷⁹, а также подсчетами образовательных учреждений с аналитическими обзорами, подготовленными чиновниками имперской администрации Н.И. Красовским и А.Н. Куломзиным⁸⁰. Данные, представленные этой группой источников, дают возможность выявить этапы изменения образовательного пространства Степного края, определить соотношение светских и религиозных учебных заведений. Стоит отметить, что в краткой статье священника И. Голошубина в Справочной книге Омской епархии, затрагивались вопросы церковно-школьного строительства в связи с активизировавшимся переселенческим движением в 90-х гг. XIX в. Более того, автор акцентировал внимание на опасной для переселенцев этнической и религиозной обстановке, провоцировавшей их к «отпадению от веры»⁸¹.

⁷⁷ Описание 1 (1851–1917 гг.).

⁷⁸ Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. СПб., 1910. Ч. 16: Учебное дело.

⁷⁹ Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1881 год. Омск, 1882; Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1882 год. Омск, 1883; Указ. соч. За 1898 год. Омск, 1900; Памятная книжка Акмолинской области за 1887 г. Омск, 1888; Справочная книга Омской епархии / Сост., по поручению 7-го Епарх. съезда, свящ. села Новоселья, Тюкалин. уезда, Иоанн Голошубин. Омск. 1914.

⁸⁰ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 16]: Область сибирских киргизов. Ч. 2. / Сост. Ген. штаба подполковник Н.И. Красовский. СПб., 1868; Куломзин А. Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912.

⁸¹ Голошубин И. Омская епархия (краткий общий очерк) // Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. С. 1–11.

4. Периодические издания также использовались в данном исследовании. На страницах Омских, Томских, Тобольских епархиальных ведомостей, «Восточного обозрения» получил отражение процесс реализации образовательной политики инкорпорирования Степного края. Анализ сведений в соответствующих тематике исследования статьях позволил реконструировать динамику интеграционных процессов, а также отследить изменения этноконфессиональной карты, трансформацию целевых установок имперской администрации относительно интенсификации усилий по инкорпорированию казахского и государствообразующего этносов⁸².

5. Документальные публикации реализаторов и субъектов образовательной политики. В данную категорию вошли работы просветителей, педагогов, исследователей имперской образовательной политики в отношении иноэтничного населения в целом и применительно к Степному краю, в частности: Н.И. Ильминского, Н.П. Остроумова, И. Гаспринского, А.Е. Алекторова, А.В. Васильева, В.В. Катаринского, И. Алтынсарина, Абая Кунанбаева, Шакарима Кудайбердиева⁸³. Представленные публикации призваны продемонстрировать вариативность моделей образовательной интеграции и

⁸² Омские епархиальные ведомости (далее – ОмЕВ). 1907. № 8. 15 апр. С. 33–36; ОмЕВ. 1907. № 12. 15 июня. С. 7–13; Томские епархиальные ведомости (далее – ТомЕВ). 1880. № 1. 1 июля. С. 9–10, 22–24; ТомЕВ. 1880. № 5. 1 сент. С. 95–97, 102–103; Тобольские епархиальные ведомости (далее – ТобЕВ). 1882. № 10. 16 мая. С. 116–117; ТобЕВ. 1882. № 21. 1 нояб. С. 244–250; Лебедев М. По поводу церковно-приходских школ // ТобЕВ. 1884. № 19 10 окт. С. 437–441; ТобЕВ. 1884. № 21. 1 нояб. С. 481–497; Искандер-Мурза. Русские школы для мусульман в Туркестане // Восточной обозрение. 1883. № 36. С. 11–12; Он же. Русские школы для мусульман в Туркестане (продолжение) // Восточной обозрение. 1883. № 38. С. 9–10; Баязитов А. Отношение ислама к науке и иноверам. СПб., 1887. С. 10–12, 17–25, 99–102; Без указания автора (ред. заметки Н.М. Ядринцева). Вопрос о просвещении инородцев // Восточное обозрение. 1885. № 10. С. 10–11.

⁸³ Ильминский Н. Школа для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани // Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 53–84 [Электронный ресурс]. URL: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_003582732/viewer/?page=2; Он же. Письма к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1895; Остроумов Н.П. Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространения среди них православного христианства. Казань, 1879; Он же. Коран и прогресс: По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман. Ташкент, 1901; Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881 [Электронный ресурс]. URL: <http://qrim.org/?p=16813>; Алекторов А.Е. Инородцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Литовцы. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. СПб., 1906; Он же. Киргизская хрестоматия: Сборник статей для переводов на русский язык для классного и домашнего чтения с рисунками. Изд-е 3-е доп. / А.Е. Алекторов. Омск, 1907; Он же. Указатель книг и журналов, газетных статей и заметок о киргизах / А.Е. Алекторов. Казань, 1900; Васильев А.В. Букварь для киргиз. Казань, 1912; Катаринский В.В. Грамматика киргизского языка. Оренбург, 1906; Алтынсарин И. Киргизская хрестоматия. Кн. 1. Оренбург, 1879; Кунанбаев А. Слова назидания. Слово второе, третье, двадцать пятое [Электронный ресурс]. URL: <http://абай.kz/category/slova-nazidaniya-abaj/>

тактику адаптации имперской модели образования этническим и религиозным особенностям населения изучаемого региона.

Таким образом, представленная источниковая база с комплексом впервые введенных в научный оборот архивных материалов позволяет осуществить всестороннее исследование согласно указанной цели и задачам, реконструировать логику образовательной политики Российской империи в Степном генерал-губернаторстве, учитывая этноконфессиональный ее аспект.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и предметным полем исследования, в котором впервые в историографии изучается этноконфессиональный аспект образовательной политики Российской империи в Степном крае. Определяется, насколько процесс формирования системы начального школьного образования соотносился с этническими и религиозными особенностями данного этнорегиона и одновременно способствовал его интеграции в социокультурное пространство империи.

В исследовании впервые анализируются целый спектр проблем, связанных с процессом создания системы начального школьного образования в Степном крае. Среди них: позиции центральных и региональных органов власти в вопросе сохранения традиционной мусульманской школы, ее интеграции в образовательное поле государства; тенденции и механизмы включения казахского населения в процесс обучения в правительственных школах, в том числе миссионерских; особенности формирования сети начальных школ для православного населения региона, место и роль церковно-приходских школ в данном процессе.

Реконструкция перечисленных аспектов заявленной проблемы осуществляется на основе целого ряда источников, впервые введенных в научный оборот. Наиболее многочисленную их группу составляет делопроизводственная документация управленческих структур по линии «центр – окраины», представленная фондами РГИА, ГАТО, ГАОО, ГААК, ЦГА РК.

Анализ ранее не использовавшейся документации вместе с новым вариантом интерпретации результатов ученых по смежным проблемам

определили и логику изложения данного исследования. Непосредственно структура диссертации есть отражение решения задач образовательной политики в отношении казахского населения Степного края, а также определенного подхода имперской администрации в отношении государствообразующего этноса – переселенцев, выходцев из центральных губерний империи. Соответственно, дифференциация подхода имперских властей как решение вопроса образовательной интеграции обусловила дискурс исследования: разнонаправленное рассмотрение образовательной политики в отношении казахского и восточно-славянского этносов и внутри каждого из них – светский и конфессиональный варианты.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для подготовки обобщающих научных трудов по истории России имперского периода с позиции политики сохранения целостности империи и решения ее национального и религиозного вопросов. Кроме этого, материалы диссертации могут быть привлечены для создания обобщающих работ по истории государства постсоветской Центральной Азии, а также при написании учебных пособий по истории России, ее образовательной политики в отдельных этнорегионах.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены диссертантом на конференциях международного, всероссийского, регионального уровня⁸⁴. Полученные выводы по отдельным аспектам диссертации были

⁸⁴ XXXIX Научная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов, Барнаул, 2012; V научные чтения «Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. К 100-летию со дня рождения профессора Е.М. Залкинда», Барнаул, 2012; Научно-практическая конференция «Алтай в истории российской государственности» Барнаул, 2012; Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894) «Первые Ядринцевские чтения», Омск, 2012; Всероссийская научная конференция «400-летие Дома Романовых», Томск, 2013; IX научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина «Актуальные вопросы истории Сибири», Барнаул, 2013; X Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Тобольск научный – 2013», Тобольск, 2013; I региональная молодежная конференция «Мой выбор – наука!», Барнаул, 2014 г.; Международная научно-практическая конференция «Шелковый путь: развитие отношений в условиях глобализации и интеграции», Семей, 2014 г.; Международная научно-практическая конференция «Казахскому ханству – 550 лет: исторические уроки и современность», Барнаул – Усть-Каменогорск, 2015.

опубликованы в 19 публикациях⁸⁵, 8 из которых – статьи в журналах, входящих в перечень ВАК.

⁸⁵ Стурова М.В. Образовательная политика Российской империи в Степном крае (вторая половина XIX – начало XX в.): к постановке проблемы // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2012. № 4/1 (76). С. 210–213; Лысенко Ю.А., Стурова М.В. Роль и место православных миссионерских школ в образовательной системе Казахстана (XIX – начало XX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2012. № 4/1 (76). С. 153–158; Стурова М.В. Законодательство в области образования в Степном генерал-губернаторстве (1881–1917 гг.) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXIX научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 9. Барнаул, 2012. С. 54–56; Стурова М.В. Государственное регулирование коммуникации «русские-казахи» в образовательном пространстве Степного генерал-губернаторства (1881–1917 гг.) // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. / Под общ. ред. А.В. Старцева. Барнаул, 2012. С. 71–75; Стурова М.В. Взаимодействие светского и религиозного компонентов в образовательном пространстве Омского Прииртышья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894) (Омск, 30–31 октября 2012 г.) / под ред. П.П. Вибе, Е.М. Бежан. Омск, 2012. С. 83–85; Стурова М.В. «Иностранная школа» в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Алтай в истории российской государственности. Материалы научно-практической конференции, Барнаул, 10–11 сентября 2012 г. / Под ред. Е.В. Демчик, Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2012. С. 174–177; Лысенко Ю.А., Куликова М.В. (Стурова М.В.) Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/1 (80). С. 181–188; Стурова М.В. О состоянии учебной части в казахской степи во второй половине XIX в. // Тобольск научный – 2013: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тобольск, Россия, 25–26 октября 2013 г.). Тобольск, 2013. С. 326–329; Стурова М.В. Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50-е – 80-е гг. XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/2 (80). С. 198–202; Стурова М.В. Степной край в составе Западно-Сибирского учебного округа: особенности управления (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 28–31; Стурова М.В. Приоритетные направления в материальном обеспечении учебных заведений Степного генерал-губернаторства на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: Девятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник материалов научной конференции (3–4 октября 2013 г., г. Барнаул) / Отв. Ред. В.А. Скубневский. Барнаул, 2014. С. 98–99; Стурова М.В. К вопросу о формировании культурно-цивилизационных особенностей взаимовосприятия России и Казахстана (на примере образовательной политики Российской империи в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Шелковый путь: развитие отношений в условиях глобализации и интеграции. Материалы международной научно-практической конференции в 2-х томах. Т. 1. / под ред. Ш.А. Курманбаевой. Семей, 2014. С. 145–148; Стурова М.В. Мусульманские школы Степного генерал-губернаторства: вопросы корректировки содержания образования для казахского населения в 80-х гг. XIX – начале XX в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XLI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 11. Барнаул, 2014. С. 68–72; Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2014. № 4/2 (84). С. 212–216; Лысенко Ю.А. и [др.] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Монография / коллектив авторов: Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова. Барнаул, 2014. С. 233–258; Лысенко Ю.А. и [др.] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения / Составители: Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова. отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. С. 376–496; Стурова М.В. Закон 1874 г. о передаче мусульманских школ Российской империи в ведение Министерства народного просвещения: бездействие или стратегия продуманного управления? // Восточеведные исследования на Алтае: материалы регионального научного семинара с международным участием «Азиатская Россия, Центральная Азия и Китай: история и перспективы взаимодействия» / сост. И.В. Анисимова; под ред. Д.А. Глазунова. Вып. VIII. Барнаул, 2014. С. 95–97; Стурова М.В. К вопросу о практике управления казахской степью во второй половине XIX – начале XX в. Этноконфессиональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Конференции, симпозиумы, семинары. 2015. № 4/2 (88). С. 177–181; Стурова М.В., Бобров Д.С. Г.К. Гинс об образе казахской степи и оценке этнокультурного потенциала региона в практике государственностроительства начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Конференции, симпозиумы, семинары. 2015. № 4/2 (88). С. 182–186.

Концептуальное основание исследования разрабатывалось в ходе работы по грантам РГНФ (проект № 12-01-00281 «Политика России в центрально-азиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX – начале XX вв.»; проект № 12-31-09012 «Центральноазиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность» (Российское китаеведение: история, современное состояние и перспективы развития). Результатом исследований по одному из них диссертант выступил соавтором коллективной монографии и сборника документов⁸⁶.

Следует также отметить, что данное исследование выполнено в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/ПЧ). Кроме того, в настоящее время определенные аспекты представленной работы продолжают изучаться в рамках двух грантов: проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и "национальный вопрос" (на примере центральноазиатских национальных окраин)»; проект № 15-31-01008 «Русская православная церковь в центральноазиатских национальных окраинах Российской империи (XIX – начало XX в.). Сборник документов и материалов».

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Этноконфессиональный аспект образовательной политики как корреляция управленческих решений с этническими и религиозными особенностями Степного края учитывался чиновниками имперской и региональной администрации при решении задач формирования образовательного пространства региона и являл собой комплекс мер,

⁸⁶ Лысенко Ю.А. [и др.] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Монография / коллектив авторов: Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова. Барнаул. 2014. С. 233–258; Лысенко Ю.А. [и др.] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения / Составители: Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова / Отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2014. С. 376–496.

направленных на интеграцию его населения в общеимперское образовательное пространство.

2. Интеграция казахского населения в социокультурное пространство Российской империи представляла культуртрегерский вариант и создавала основу для прочных политических связей через воспитание поколения, готового в широком смысле к восприятию российско-имперских цивилизационных основ и мировоззренческих установок. Однако выработать единую позицию по темпам русификации, соотношению имперского компонента и казахско-мусульманского в рассматриваемый период министерствам не удалось. Не был осуществлен выбор между двумя вариантами: активной аккультурацией (МНП) и охранительной (от роста «фанатизма») политикой (МВД/ВМ).

3. Многовекторность включения казахского мусульманского населения в правительственную школу определялась конкретно-историческими условиями и особенностями его хозяйственно-культурного типа (русско-казахская, аульная школа). Миссионерская школа была призвана создать наиболее прочную основу интеграции казахского населения, поскольку подразумевала полное усвоение российско-имперских ценностей.

4. Практическая реализация мер, направленных на формирование системы светского школьного образования для православного населения Степного края, выявила необходимость его интегрировать с целью «удержания» в пределах культурно-цивилизационных границ имперского центра. Особенности формирования образовательной системы для православного населения Степного края являлись низкие темпы школьного строительства, по сравнению с другими административными единицами Западно-Сибирского училищного округа, отставание в темпах развития системы управления образовательными учреждениями, их соподчиненность МПН и МВД в лице генерал-губернаторов.

5. Русская православная церковь сыграла важную роль в процессе формирования системы начального школьного образования для православного населения Степного края. Православное церковно-школьное строительство

выполняло функцию восстановления «знания веры» и аккультурационного потенциала собственно восточно-славянского населения. Темпы церковно-школьного строительства были значительно меньше темпов развития светской начальной школы.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, выделенных по проблемно-хронологическому принципу, заключения, перечня сокращений, списка использованных источников и литературы. В первой главе представлена характеристика этноконфессиональной специфики Степного края, обусловившей различные механизмы образовательной интеграции для казахского и восточно-славянского населения. Исследуются общие и особенные черты во взглядах МНП, МВД и Военного министерства, а также региональных органов власти в лице Степных генерал-губернаторов по вопросу о механизмах интеграции казахского этноса в общеобразовательное пространство империи. Изучаются позиции министерств по проблеме инкорпорирования мусульманских образовательных учреждений, а также светский вариант обучения и адаптация политики русификации применительно к казахам Степного края. Во второй главе определяются ведущие принципы образовательной политики в отношении русскоязычного населения Степного края, направленные на сохранение его связи с «имперским центром» и обосновывается выбор имперской администрации между светской линией Министерства народного просвещения и вариантом конфессионального образования в рамках церковно-школьного строительства.

Глава 1. Этноконфессиональный аспект в образовательной интеграции казахского населения (вторая половина XIX в. – 1917 гг.)

1.1. Принципы и методы инкорпорирования Степного края в образовательное пространство России в 50–70 гг. XIX в.

К середине XIX в. завершался процесс присоединения казахской степи к Российской империи⁸⁷. Во многом данному обстоятельству способствовали дипломатические успехи России в решении проблемы российско-китайского погранично-территориального размежевания в Центральной Азии⁸⁸. Как известно, в июле 1851 г. между двумя государствами был подписан Кульджинский трактат, заложивший юридическую основу торговых отношений России и Китая в Центральной Азии. В ноябре 1860 г. состоялось подписание Пекинского договора, определявшего в общих чертах направления будущей российско-китайской границы в Центральной Азии⁸⁹. В подписанном по итогам российско-китайских переговоров протоколе демаркация границы началась в 1865 г. Однако восстания мусульманских народов Синьцзяна отодвинули разграничение на местности на несколько лет. И только в 1884 г. между двумя государствам процесс погранично-территориального размежевания был успешно завершён⁹⁰.

Российско-китайское погранично-территориальное размежевание в Центральной Азии имело огромное значение и позволило снять с повестки дня так называемый «казахских вопрос». Цинская империя окончательно отказалась от притязаний на территории Среднего и Старшего жузов и перспективы принятия в подданство казахов данных этнорегиональных образований. Это

⁸⁷ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948; Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред.: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М., 2008. С. 43–46.

⁸⁸ Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983.

⁸⁹ Сборник документов по истории отношений России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889. С. 96–102.

⁹⁰ Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. [и др.] Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в.: коллективная монография / отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул, 2014. С. 43–62.

позволило российской администрации окончательно укрепить свое влияние в казахской степи.

Вторым немаловажным обстоятельством, предопределившим завершение присоединения территорий казахской степи к России, стало прояснение ситуации с разграничением российской и британской сфер влияния в Центральной Азии. Хивинский и Кокандский походы В.А. Перовского в 1839–1840-х гг. и в 1853 г., военные экспедиции М.Г. Черняева и Г.А. Колпаковского, и в целом, дальнейшее продвижение российских форпостов в южном и юго-восточном направлениях способствовали переходу территорий казахских жузов из статуса окраины в Азиатскую Россию. Установление Россией протектората над Бухарским эмиратом (1868 г.) и Хивинским ханством (1873 г.), покорение Кокандского ханства (1876 г.) и ответные действия Англии, и как результат – «памирское разграничение» (1895 г.) и англо-русская конвенция (1907 г.), все вместе привело к смещению центра военной и дипломатической деятельности в центральноазиатский регион⁹¹. Указанные обстоятельства позволяли интегрировать казахскую степь в российско-имперскую административную структуру в виде ряда областей: Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской.

Юридически присоединение казахской степи к Российской империи было оформлено Временными положениями 1867–1868 гг. Казахское население вошло в состав трех вновь образованных генерал-губернаторств: Оренбургского, Западно-Сибирского и Туркестанского⁹². Система административно-территориального устройства приняла четырехступенчатую структуру: область – уезд – волость – аул.

Присоединение огромных территорий потребовало выработки правительственного курса, способного обеспечить их политико-правовую и социально-экономическую интеграции в общеимперское пространство.

⁹¹ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868 гг.). М., 1960; Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред.: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М., 2008. С. 63–78, 82–85; Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII – XIX вв. Историко-географическое исследование. М.–СПб., 2015.

⁹² ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 43. Ч. 2. № 46380; Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. Изд. 2-е, изменен. и доп. СПб., 1886. Ч. 2. С. 76–77.

Идеологической основой имперской политики выступали философско-мировоззренческие установки европейской просветительской мысли, определившие ее цивилизаторскую и культуртрегерскую направленность. Данные идеи существенно корректировались логикой модернизационных процессов, начавшихся в России во второй половине XIX в. Для нее было характерно не только стремление к рациональности и унификации системы административно-территориального, правового, экономического пространства империи, но попытки создания новой государственной идеологии, которая наряду с традиционным «верноподданничеством», дополнялась новым понятием «гражданственности» и была направлена на формирование российской нации.

Конкретное содержание национальной политики России, реализуемой в Степном крае, неизменно «определялось интеграционной составляющей, предполагавшей инкорпорирование традиционного казахского сообщества в политико-правовое, социально-экономическое и культурно-языковое имперское пространство. Ее анализ позволяет утверждать, что по своему содержанию она, по сути, представляла собой попытку модернизации традиционных социальных институтов и связей, системы жизнеобеспечения казахского общества»⁹³. Включение в процесс модернизации населения степи означало проведение совокупности реформ и мероприятий, направленных на внедрение новых рационально организованных (с точки зрения имперского мышления) форм администрирования и суда, оседание кочевников и приобщение их к земледельческому труду, развитие медико-санитарной системы, вовлечение в процесс создания рыночного сектора экономики и городской инфраструктуры и т.д.

Важным аспектом интеграционных устремлений России в отношении казахского общества стала образовательная политика. Как отмечает И.А. Анохина, «образовательная политика являла собой совокупность мер законодательного, административного, социо-культурного и педагогического

⁹³ Лысенко Ю.А. [и др.] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX вв.). Монография. Барнаул, 2014. С. 259.

характера. Она осуществлялась посредством организации институтов школьного и внешкольного образования, а также религиозного просвещения, призванных распространить сферу влияния русского языка и русско-православной культуры»⁹⁴. Разработкой концептуальных основ данной политики занимались Государственный совет, Министерства народного просвещения и внутренних дел, Святейший Синод. На региональном уровне вопросами реализации образовательной политики занимались местные государственные учреждения: попечительства учебных округов, дирекции и инспекции учебных заведений, светские и церковные училищные советы различных уровней.

Основопологающим принципом образовательной политики, сформированным в более ранний период в отношении народов, ранее присоединенных к России, стала идея о снятии ограничений по этническому и религиозному принципу в вопросах получения образования. На законодательном уровне данная идея была закреплена «Уставом гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» от 8 декабря 1828 г. и скорректирована циркулярами Министерства народного просвещения от 9 августа 1861 г. и 16 января 1868 г.: в «приходские училища могут быть допускаемы дети всех состояний и обоего пола, но не моложе 8 лет, а девицы не старше 11 лет <...> в училища могут поступать дети всех исповеданий». Важно подчеркнуть, что согласно данным циркулярам детям иноверцев было не обязательно посещение уроков Закона Божия⁹⁵.

Отсутствие ограничений по этническому или религиозному принципу в вопросах получения образования для казахских детей закреплялось во Временном положении 1868 г. об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях. В частности, «для первоначального образования в степи, на первое время, при каждом местопребывании уездного управления»

⁹⁴ Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2007. № 3 (7). С. 86.

⁹⁵ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. СПб., 1886. Ч. 2. Ст. 13. С. 8–9.

рекомендовалось «иметь общую школу для всех без различия народностей»⁹⁶. Разрешалось и строительство школ при мечетях для детей казахов, но уже на средства добровольных сборов киргизских обществ, равно как и допускалось с разрешения местного начальства «принимать к себе на дом для обучения киргизских детей»⁹⁷.

Важное значение для реализации политики интеграции казахского населения в сфере образования стала реформа образования. Изданные в 1864 г. «Устав гимназий и прогимназий» и «Положение о народных училищах», сделали более гибкими условия получения образования не только для освобождающегося по реформе 1861 г. крестьянства, но и других сословий, расширив круг возможностей и для инородческого населения. С введением доступного всесословного образования, регламентацией начального и среднего образования, учреждением в населенных пунктах приходских училищ, земских, церковно-приходских воскресных и частных школ, содержащихся за счет государства, различных организаций и обществ для различных сословий, оговаривалось условие – «без различия вероисповедания». В гимназии, разделившиеся на классические и реальные, принимались дети из всех сословий, способные оплатить обучение⁹⁸.

В ходе реформы огромное значение придавалось вопросам организации образования инородческого населения Российской империи. В 1866 г. при управлении Казанского учебного округа был создан Особый комитет по инородческому образованию, который возглавил Н.И. Ильминский⁹⁹. Результатом работы Комитета стали «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», утвержденные в марте 1870 г. Принятие этого законодательного акта

⁹⁶ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. СПб., 1886. Ч. 2. Ст. 262. С. 76.

⁹⁷ Там же. Ст. 209, 259, 260, 265. С. 76–77.

⁹⁸ ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 39. Ч. 1. № 41068. С. 613–618; Ищенко О.В. Развитие общего и профессионального образования в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 13. С. 22–23; Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 8–12; Липник В.Н. Школьные реформы в России. Характеристика реформ школы в дореволюционной России // Образование. 2003. № 4. С. 46–54; Он же. Школьные реформы в России (продолжение) // Образование. 2003. № 5. С. 43–49.

⁹⁹ Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2002.

«означало утверждение педагогической системы Н.И. Ильминского как основы новой инородческой политики на востоке России и новой педагогической идеологии в отношении нерусских жителей империи»¹⁰⁰. Правила регламентировали процесс создания школ для нерусских народов – христиан и мусульман и определяли основные подходы к организации таких школ: совместное обучение русских и «инородческих» детей; знание учителями русского и родного языка учащихся; обучение на русском языке, использование родного языка для устных объяснений; при необходимости организацию особых отделений на средства местного населения для первоначального обучения на родном языке детей нерусских народов¹⁰¹.

Задачей просвещения инородцев-христиан согласно «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. являлось «религиозно-нравственное их образование, утверждение в православной вере и ознакомление с русским языком».

Безусловно, ведущим компонентом-проводником российско-имперской культуры должен был стать русский язык, который гармонично с отступлением инородческого должен был занять ведущие позиции. Поэтому в «Правилах» подробно расписывался процесс заполнения русским языком контекста и формы образовательных программ. Сначала происходила оценка этнического состава административно-территориальной единицы, где предполагалось основать инородческую школу, выносилось решение о степени владения русским языком ее населения, затем подбиралось соответствующее содержание программы инородческой школы.

Первый вариант инородческой школы предлагался для «детей инородцев, весьма мало обруселых и почти не знающих русского языка». В создаваемых для

¹⁰⁰ Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2007. № 3(7). С. 88.

¹⁰¹ Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1902. С. 14–15; см. также: Стурова М.В. Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50-е – 80-е гг. XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/2 (80). С. 201.

данного контингента «особых школах» учебный процесс должен был быть организован на инородческом языке. Методика обучения русскому языку предполагала постепенность и поэтапность: «для облегчения инородцам перехода к изучению русского языка, все эти книги (учебные пособия. – С.М.) печатаются на инородческом наречии русскими буквами, с переводом на русский язык или без перевода» (исключением являлись богослужебные книги, которые должны были сопровождаться переводом на русский язык)¹⁰². По мере усвоения детьми русской разговорной речи предполагалось обучение русской грамоте («чтению и письму совместно»). Постепенный переход к полному преобладанию русского языка определяло местное училищное начальство, сообразуясь, соответственно, с успехами в его усвоении¹⁰³.

Второй вариант инородческой школы создавался в регионах со смешанным инородческим и русскоязычным населением и предполагал совместное обучение детей всех народов на русском языке. Учитель в такой школе был обязан знать, как русский, так и местный инородческий языки. Язык коренного населения использовался как вспомогательный. Предполагалось также создание «особых при училищах отделений», своего рода подготовительных курсов, ученики-инородцы которых должны были в короткий промежуток времени освоить русский язык. В рамках варианта данного типа школ предусматривались и смены для обучения девочек¹⁰⁴.

Третий вариант инородческой школы был рассчитан на регионы с «достаточно обруселыми инородцами» и, в целом, на их высокий уровень адаптации к российско-имперской культурно-образовательной системе. Поэтому в подобном случае начальные народные училища создавались «на общих для русских училищ основаниях». Ведущим критерием в определении лица, заведующего образовательной частью, являлось владение инородческим языком.

¹⁰² Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колониетских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб., 1902. С. 14.

¹⁰³ Инородческие и иноверческие училища... С. 14.

¹⁰⁴ Там же. С. 14–15.

Предпочтение в назначении на должность заведующего училищами отдавалось священнику-законоучителю школы. Надзор должен был осуществляться, как в целом по империи, инспектором начальных народных училищ¹⁰⁵.

Религиозная доминанта образовательной политики была выражена во введении в образовательный процесс Закона Божия. Для этого был создан специальный комплекс учебных пособий¹⁰⁶. Погружение в христианский контекст мировосприятия должно было происходить и посредством привлечения детей к церковному пению, которое в «Правилах» трактуется как «важное орудие христианского просвещения инородцев». Оно вводилось во всех школах, открытых для инородцев-христиан, «при чем пение исполняется как на местном инородческом наречии, так и на церковно-славянском языке»¹⁰⁷.

В отношении мусульманского населения, имевшего «фанатизируемое многочисленное духовенство, богатые мечети и магометанские школы» методика «обрусения» «путем распространения русского языка и образования» в «Правилах» названа единственно верной, эффективной с позиции управления образовательным пространством. Однако образовательная среда и, в частности, русский язык, призваны были создать лишь контекст взаимодействия двух религиозных систем, в котором при сохранении этнической специфики должно было происходить взаимодействие на поверхностном уровне. Для подобного «погружения», на наш взгляд, достаточно было осознания наличия некоторых общекультурных ценностей, что позволяло культуре-оппоненту идентифицировать себя в качестве субъекта культурного взаимодействия конкретного диалога. Соответственно в «Правилах» подчеркивалось, что включение мусульманской образовательной системы в общеимперскую должно было осуществляться одновременно с «устранением всех таких мер, которые

¹⁰⁵ Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб., 1902. С. 15.

¹⁰⁶ Инородческие и иноверческие училища... С. 14.

¹⁰⁷ Там же.

могли бы породить в этом, по природе подозрительном, племени опасение в посягательстве правительства на отклонение детей от их веры»¹⁰⁸.

Неслучайно поэтому в районах проживания мусульманского населения при учреждении начальных сельских и городских училищ «на счет казны», согласно «Правил», учителями назначались лица, владеющие татарским языком; вводились должности «законоучителя мусульманской веры» и почетного блюстителя училища, избираемого из среды татар; учащиеся освобождались от посещения уроков Закона Божия, чтения по церковно-славянским книгам, «изучения церковно-славянского языка». Вместе с тем предписывалось «располагать местные магометанские общества к учреждению на собственные средства классов русского языка при мектебе и медресе, с тем, чтобы в эти классы, впредь до приготовления учителей из татар-магометан, были назначаемы учителя из русских». В качестве компонента «имперского присутствия» выступало требование обязательного посещения указанных классов детьми татар-мусульман, внедрения в образовательный процесс учебных пособий, рекомендованных Министерством народного просвещения, наличия должности учителя русского языка при каждом вновь открывающемся мусульманском учебном заведении. Надзор должен был осуществляться инспектором начальных народных училищ без поправки на этноконфессиональное своеобразие подведомственных учебных заведений¹⁰⁹.

Итогом тактических шагов по включению иноплеменного населения в единое имперское образовательное пространство России декларировалось их «обрусение и их слияние с русским народом»¹¹⁰. Слияние трактовалось как создание основы для духовного единения, которое, в свою очередь, достигалось через «духовное просвещение инородцев» при постепенном и «совокупном» влиянии на местное население начальных училищ, миссионерских учреждений и деятельности церковных пастырей, при постоянном попечительном содействии

¹⁰⁸ Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб., 1902. С. 14.

¹⁰⁹ Инородческие и иноверческие училища... С. 15–16.

¹¹⁰ Там же.

местных гражданских властей». Специального надзорного органа создавать не предполагалось, т.к. инородческие образовательные учреждения подчинялись Министерству народного просвещения, находясь в ведомстве директоров и инспекторов народных училищ «на общем основании в губернии»¹¹¹.

Несмотря на отсутствие в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» специальных указаний на области Акмолинскую и Семипалатинскую, дифференцированный подход все же применялся. Например, в особой инструкции попечителям учебных округов Азиатской России предписывалось придерживаться «осторожности при наблюдении за мусульманскими школами» и следовать распоряжению Министерства народного просвещения «совсем пока не касаться этих школ». Причина данной ситуации видится в опасениях правительственных кругов вызвать недовольство мусульманского населения попытками со стороны государства установить контроль за конфессиональной, казахской мусульманской, школой. По этой причине рекомендовалось поэтапно применять к мусульманским школам требования «Правил».

В то же время попечителям учебных округов предписывалось организовать наблюдение за мусульманскими школами с последующей подачей статистических данных и отчетов министру народного просвещения. Тактически, с целью адаптации самих мусульман к подобному виду деятельности окружного начальства, наблюдения должны были начинаться с тех этнорегионов, где государствообразующий этнос и мусульманское население проживали смешанно. Затем рекомендовалось «переходить постепенно к посещению таковых школ в других местностях, где магометанское население более сплошное и где магометанский фанатизм более развит»¹¹². Учебные пособия в этих школах должны получать одобрение имперской цензуры, а преподаватели быть подданными империи и иметь свидетельство об окончании российского духовно-

¹¹¹ Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб., 1902. С. 16.

¹¹² Инородческие и иноверческие училища... С. 19–20.

образовательного учреждения¹¹³. Итогом должен быть эффект, когда мусульманское население смирится с мыслью о том, что их школы «небезконтрольны» и подчинены ведомству Министерства народного просвещения¹¹⁴.

Отражением мероприятий по дальнейшему изменению управления мусульманскими образовательными учреждениями, как в общегосударственном масштабе, так и в пределах Степного края явилось постановление Государственного совета от 20 ноября 1874 г. «О передаче в ведение Министерства народного просвещения башкирских, киргизских и татарских школ разных наименований». В постановлении указывалось, что инородческие, русско-киргизские, русско-татарские, а также конфессиональные (мектебы, медресе) школы «в областях: Уральской, Тургайской, во Внутренней Киргизской Орде и в губерниях: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской <...>, а равно имеющие быть открытыми впоследствии инородческие школы и училища: башкирские, киргизские и татарские, под разными наименованиями, (в том числе мектебе и медресе), содержимые на счет казны или местных средств, а равно и занимающихся домашним и частным обучением лиц из числа инородцев нехристиан, подчинить учебному начальству ведомства Министерства народного просвещения на тех же основаниях, на которых ведаются сим Министерством подчиненные ему ныне инородческие и русские училища и школы в поименованных выше местностях»¹¹⁵.

Появление данного законодательного акта свидетельствовало о происходившей среди министерств централизации не только содержательной стороны образовательного процесса посредством передачи соответствующих функций Министерству народного просвещения, но и вопросов финансового обеспечения и распределения средств на отдельные направления политики

¹¹³ Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1902. С. 21.

¹¹⁴ В «Правиле» присутствует указание на передачу с 1874 г. под ведомство министра народного просвещения башкирских, киргизских и татарских школ // Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1902. С. 19.

¹¹⁵ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П. Аннин. Изд. 2-е, изменен. и доп. СПб., 1886. Ч. 2. С. 102–103.

образования, одним из которых являлись инородческие и конфессиональные (мусульманские) школы¹¹⁶.

В отношении казахского населения Степного края основы интеграционной политики России, в том числе в вопросах образования были заложены еще Уставом о сибирских киргизах 1822 г.¹¹⁷ Данный нормативно-правовой акт сочетал в себе и ориентацию на этноконфессиональный аспект и установку на культурно-образовательное инкорпорирование. В частности, в Уставе подчеркивалось: «Поелику вера киргиз-кайсаков (казахов. – С. М.) по сие время в сущности более языческая, нежели магометанская: то представляется надежда к обращению многих из них в Христианство»¹¹⁸. Расчет на обретение лояльности казахов через обращение их в православие должен был подкрепляться методикой «ненавязчивой христианизации» и созданием миссионерских школ. Ее проведение должны были обеспечить специальные православные миссии, которым предполагалось действовать «одними увещаниями и убеждениями без малейшего принуждения»¹¹⁹. Уставом также предусматривался вариант принятия на «казенное иждивение» детей султанов и старшин в военно-сиротские отделения, где те могли также получить «первичные знания» – обучение грамоте и счету.

Однако на фоне закрепления тенденций на русификацию, закон гарантировал казахам свободу вероисповедания и создания конфессиональных мусульманских школ. Допускалась возможность организации школ по инициативе самих казахов, но «не иначе, как с позволения гражданских губернаторов или областных начальников». Таким образом, в религиозном

¹¹⁶ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. СПб., 1886. Ч. 2. С. 103.

¹¹⁷ Подробнее об административно-территориальных реформах в Степном крае см.: Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Караганды, 2010; Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. Алматы, 1994.

¹¹⁸ ПСЗ РИ. Собрание. 1. Т. 38. № 29127. С. 429.

¹¹⁹ Однако процесс по созданию миссии был активизирован только в 1880-х гг. при целенаправленной деятельности генерал-губернатора Степного края Г.А. Колпаковского, а непосредственно возникновение относится к 1895 г. – дате образования Омской епархии // Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. С. 49, 63.

вопросе казахи были приравнены к другим этническим группам инородцев империи¹²⁰.

Примером проявления казахским населением инициативы в деле школьного строительства конфессиональных школ (мектебов, медресе) служит прошение старшего султана Акмолинского округа майора Ибрагима Джаикпаева разрешить учреждение 15 домов и мечети с училищем. В донесении Ф.А. Панова, военного губернатора Области сибирских киргизов, 1 июля 1864 г. на имя западно-сибирского генерал-губернатора А.О. Дюгамеля подчеркивалось, что «содержание мечети и нужного при ней духовенства Джаикпаев с детьми принимает на свой счет»¹²¹.

Отметим, однако, что на протяжении 30-х – 50-х гг. XIX в. процесс создания казахских мусульманских школ в Степном крае не получил значительного развития. Это было связано, в первую очередь, со слабым проникновением в этническое сознание казахов исламских постулатов. Многие исследователи, путешественники, чиновники региональных органов власти XIX в. свидетельствовали о религиозном синкретизме у кочевников, сочетавшем обряды и нормы языческих культов и ислама¹²².

В 30–50-е гг. XIX в. не получили развития среди казахского населения и миссионерские школы. Вопрос об открытии православной миссии среди казахов-кочевников начал активно обсуждаться светскими и духовными властями в 60-е гг. девятнадцатого столетия, однако, единства в его понимании не было. Центральные власти, как правило, настаивали на скорейшем развитии миссионерского движения в регионе. Главную цель деятельности миссии они видели «в противодействии татарам-мусульманам, развернувшим активную пропаганду ислама среди казахов-кочевников»¹²³.

¹²⁰ ПСЗ РИ. Собрание. 1. Т. 38. № 29127. С. 429.

¹²¹ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев [и др.]. Алма-Ата, 1964. С. 499.

¹²² Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Павлодар, 2006. Т. 26; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под общ. ред. акад. М.К. Козыбаева. Алматы, 1996.

¹²³ Софронов В.Ю., Савкина Е.Л. Деятельность противомусульманской миссии в Тобольской епархии [Электронный ресурс]. URL: www.zaimka.ru/religion

Местные светские и духовные власти «демонстрировали осторожность и взвешенность в этом вопросе, предпочитали комплексно изучать ситуацию на местах, не принимать быстрых и непродуманных решений» и считали, что миссионерам будет «небезопасно вести деятельность среди казахского населения по причине их религиозного мусульманского фанатизма». Среди факторов преждевременности открытия миссии указывались так же дисперсность проживания кочевников, отсутствие расположенности к христианству, события внешнеполитического характера, связанные с военным захватом российской армией под командованием генерала М.Г. Черняева в 1861 г. в Средней Азии исламских центров – гг. Туркестана и Ташкента¹²⁴. Именно поэтому подполковник Генерального штаба Н.И. Красовский в 1868 г. подчеркивал, что религиозное сознание казахов не подвергалось православной религиозной пропаганде со стороны духовных и светских властей¹²⁵.

Наибольшей популярностью в Степном крае в 50–60-х гг. XIX в. у казахского населения пользовалась мусульманская начальная школа. По наблюдениям Н.И. Красовского, занятия с муллами представлялись более выгодным, поскольку те умели сочетать низкую плату за свои услуги с краткими сроками обучения. В целом, в 1862 г. по Семипалатинской области, соотношение учащихся детей казахов к «184175 душам обоих полов» составляло «один учащийся на каждых 100 человек душ обоих полов»¹²⁶. Согласно официальным данным, подаваемым самими муллами, в Степном крае начальные мусульманские школы (мектебы) и высшие учебные исламские заведения (медресе) представляли разветвленную сеть. Например, в 1862 г. в Семипалатинской области преподавало более 125 мулл, у которых обучалось 1860 мальчиков. К 1867 г. в 15 волостях только одного из округов Семипалатинской области, Каркаралинского,

¹²⁴ Лысенко Ю.А. Очерки истории русской православной церкви в Казахстане. Барнаул, 2011. С. 126–133.

¹²⁵ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 16]: Область сибирских киргизов. Ч. 2. / Сост. Ген. штаба подполковник Красовский. СПб., 1868. С. 444–445; см. также: Стурова М.В. О состоянии учебной части в казахской степи во второй половине XIX в. // Тобольск научный – 2013: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тобольск, Россия, 25–26 октября 2013 г.). Тобольск, 2013. С. 326–329.

¹²⁶ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 16] ... С. 459.

функционировали 23 школы (мектебы) с 412 учениками¹²⁷. Для организации мусульманских образовательных учреждений населению областей требовалось получить разрешение областного правления (решение согласовывалось с генерал-губернатором и при этом должны были соблюдаться условия Строительного устава). На указанных основаниях в 1865 г. в Акмолинском округе было построено 9 школ при мечетях. Более того, в поданной 23 августа 1865 г. указным муллой Акмолинской соборной мечети Юсуповым ведомости говорилось, что, кроме обозначенных 9 школ и 11 мулл, «во всяких почти волостях под названием таковых находится достаточное количество лиц из татар и киргиз, которые, не имея указов на это звание, занимаются обучением мальчиков грамоте». К тому же, отмечалось и практиковавшееся обучение на дому, когда «для распространения грамотности преподаются мальчикам науки, чрез имеемых почти каждым богатым киргизом своих мулл, с платой им за то, по условиям, деньгами или скотом»¹²⁸.

Именно поэтому Н.И. Красовский считал, что «от более частого соприкосновения с русскими властями, от более продолжительного общения с нашими степными поселенцами в течение последних сорока лет, киргизы в умственном отношении ничего не приобрели, а в нравственном, быть может, даже потеряли». К подобному результату привели два обстоятельства: невежество «цивилизаторов» и неимение у правительства «средств в широких размерах способствовать распространению в степи просвещения»¹²⁹.

Определив невысокие результаты образовательной политики России в отношении казахского населения в 50–60 гг. XIX в. в своих наблюдениях Н.И. Красовский, основываясь на данных отчетов военного губернатора Ф.А. Панова, со ссылкой на «Устав об управлении инородцев», совершенно четко обозначил недостаточное внимание государства к данной сфере

¹²⁷ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 53–55; Раздыкова Г.М. История мусульманского образования в Казахстане. Павлодар, 2010 [Электронный ресурс]. URL: // <https://refdb.ru/look/1478529-pall.html>

¹²⁸ См. подробнее: Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев [и др.]. Алма-Ата, 1964. С. 526–527.

¹²⁹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 16]: Область сибирских киргизов. Ч. 2. / Сост. Ген. штаба подполковник Красовский. СПб., 1868. С. 454.

администрирования. Именно в сфере образования обнаружила себя проблема неопределенности в выборе способов обретения лояльных в конфессионально- и общекультурном плане подданных: намерению сохранить «идеологический паритет» противостояло стремление насколько возможно стремительно интегрировать инородцев в состав империи и в конфессиональном аспекте, предпочтительно было их христианизировать склоняя к православной традиции. Однако на данном этапе эффективность действия «ненавязчивой идеологической обработки» (в виде разрешения казахам обучаться в приходских школах) снижалась по причине индифферентного отношения к имперской традиции, и напротив, предпочтением организации конфессиональных, мусульманских, школ. Так, отношение «несопротивления» закреплению мусульманства среди подрастающего поколения вместе с игнорированием материальных трудностей в сфере обеспечения образовательных учреждений, в том числе и для казахских детей, создало негативную для достижения цели тенденцию. Данная тенденция Н.И. Красовским субъективно была выражена как «не прогрессивная». Не создав в культурном плане образ достойного предпочтения имперской православной или в большей степени светской традиции, власти на местах (в лице военных губернаторов) позволяли, как минимум, строительство мектебов при мечетях, и, как максимум, осуществление образовательной деятельности муллами повсеместно на территории проживания казахов в аульных школах. Таким образом, данный курс нивелировал все усилия администрации по созданию «благоприятных» условий для постепенной интеграции в имперское образовательное пространство.

Однако управление учебной частью Степного края не ограничивалось установлением контроля над мусульманскими школами. Стратегически важной и необходимой составляющей образовательной политики был процесс интеграции казахского населения в культурно-образовательное пространство. О включении в общеимперский контекст через систему духовного просвещения уже упоминалось: на протяжении рассматриваемого хронологического этапа данная практика не получила распространения. Единственным вариантом,

реализовывавшимся в пределах областей, было обучение казахов в приходских школах вместе с детьми русскоязычного населения (по принципу добровольного волеизъявления казахской стороны). В общем, на данном этапе (до образования Степного генерал-губернаторства) приходские школы, будучи самыми доступными ступенями к получению начального образования, не осознавались как учреждения, специально ориентированные на казахское население, поэтому в рамках их образовательных программ не предусматривалась необходимость выработки специальных мер по включению казахского населения в культурно-образовательное пространство империи.

Вторым направлением интеграционной образовательной политики, целенаправленно выполняющим функцию обрусения казахского населения, являлись русско-туземные школы. Начало практики строительства данного вида учебных заведений было положено учреждением школы для казахских детей. Согласно «Положению о школе для казахских детей» от 3 июля 1857 г.¹³⁰, первое такое учебное заведение было создано при Омском областном правлении сибирских киргизов, и соответственно, находилось под наблюдением военного губернатора. Ведение отчетной делопроизводственной документации было возложено на надзирателя школы. Последний обязывался представлять «товарищу военного губернатора, который есть как бы попечитель киргизской школы, или же заступающему его место советнику срочные рапорты и ведомости по установленной форме о состоянии школы, поведении и успехах воспитанников и т.п., в конце же года он представляет годовой отчет о содержании школы по всем частям». Средства на содержание школы включались в смету МВД. По данным Н.И. Красовского, в 1863 г. обучалось в Омской школе обучалось 7 казахских мальчиков выделялось, на их обучение и содержание было выделено 715 руб.¹³¹

¹³⁰ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев [и др.]. Алма-Ата, 1964. С. 427.

¹³¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 16]: Область сибирских киргизов. Ч. 2. / Сост. Ген. штаба подполковник Красовский. СПб., 1868. С. 459.

В тоже время в «Положении о школе для казахских детей» предполагалось, что в составе воспитанников школы будет «20 воспитанников из детей почетных киргиз». При этом они могли рассчитывать на полное государственное обеспечение¹³². С точки зрения экономической целесообразности, понесенные в процессе обучения затраты следовало компенсировать практической выгодой от дальнейшей службы выпускников. Поэтому в обозначенном «Положении» была прописана сфера дальнейшего трудоустройства воспитанника, прошедшего полный курс обучения. К примеру, «отличнейшим из воспитанников, вышедших из заведения, Областное правление ведет список и имеет их в виду для преимущественного замещения ими открывающихся вакансий по управлению в Орде». Получившие соответствующее образование казахи, достигшие возраста 21 года и прослужившие в российско-имперском административном аппарате несколько лет (6 и менее) могли претендовать на должности волостных управителей и заседателей в окружных приказах¹³³.

Относительно намерения сообразовать цель организации школы с этнической спецификой предполагаемого контингента учащихся Омское областное правление стремилось кроме содержательной части обучения («татарский язык», «закон магометанский») обеспечить и внешнюю сторону адаптационных мероприятий, будь то оформление помещения или одежда самих учеников.

Омская казахская школа готовившая, главным образом, переводчиков, просуществовала почти четверть века и в 1881 г. была преобразована в пансион для десяти казахских и десяти русских воспитанников, учащихся в приходских школах и в уездном училище. В 1865 г. в Омске была открылась еще одна школа для казахских детей¹³⁴.

Временное положение об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами 1868 г. открывало более широкие возможности для

¹³² Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев [и др.]. Алма-Ата, 1964. Док. № 280. С. 427.

¹³³ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов ... С. 428, 429.

¹³⁴ Алекторов А. Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 144. Отд. 4. № 12. С. 159.

развития русско-казахской школы. Принятию данного законодательного акта предшествовала работа Особого совещания, в составе Ф. Гирса, Л. Баллюзёка, Л. Мейера, А. Проценко, которое обратило внимание на фактическое отсутствие русско-казахских школ в Степном крае и предприняло шаги к выяснению причин сложившейся ситуации. Кроме этого, функционирование только одной школы для русско-киргизских детей создало впечатление о стагнации процесса культурно-этнического взаимодействия, следовательно, побудило к изучению вопроса о мотивированности казахов к обучению вообще, и в имперских школах, в частности.

По итогам работы Особое совещание в 1867 г. представило Объяснительную записку ко Временному положению об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами. Авторами Записки в первую очередь отмечался факт «заметного» присутствия «народного татарского обучения» среди казахов. Речь шла о татарских муллах, которые по инициативе Оренбургского мусульманского духовного собрания выезжали в казахскую степь для проведения исламской пропаганды и создания сети мусульманских учебных заведений. Приведенные факты подкреплялись количественными показателями. Так, например, в Каркаралинском округе «в 15 волостях ... муллы показали 23 школы, из них 2 – в станице Каркаралинской; число учеников показано по школам от 10, наименьшей цифры до 36, наибольшей, а во всех школах показано 412 учеников, т.е. средним числом на школы по 18 человек». Распространенной практикой обучения считалось, когда «киргизские дети учатся сверх того и в городах Петропавловске и Семипалатинске у тамошних мулл, а некоторые богатые люди посылают детей своих нарочно для обучения в Ташкент и даже в Бухару»¹³⁵. По данным за 1865 г., в Семипалатинске было зарегистрировано 8 школ (в соответствии с числом мечетей) с 420 мальчиками и 280 девочками, в западной части Степного края, административно входившей в тот период в состав Оренбургского края, подсчет был произведен по «прилинейным киргизским дистанциям (в ряде волостей)»,

¹³⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 53–55.

где в среднем от 10 до 17 мулл, за которыми «закреплено» учеников в диапазоне от 10 до 280 человек¹³⁶.

Вместе со статистическими данными для оценки степени «адаптивности» собственно казахских мусульманских школ имперской системе светского образования. Особым совещанием использовались результаты анализа их образовательных программ. Так, предметами «народного татарского обучения» были следующие: «Чтение, письмо, молитвы, отрывки из алкорана с толкованиями оных, а также арифметика»¹³⁷. Русский язык, как элемент культурного взаимовлияния, почти не преподавался. Составители Записки характеризовали сложившуюся ситуации следующим образом: «Как редкость, случается, что такой учитель из наших татар учит желающих и русской грамоте»; «обучения же русскому языку, за редкими исключениями, в аулах не происходит»¹³⁸. И выводы были сделаны по сумме информации как направленность системы образования у казахов «исключительно на изучение татарской грамоты и магометанского закона». Кроме того, об образовании у казахов было сказано: «Оно захвачено исключительно в руки мулл, ходжей и вообще мусульманских книжников и святош. Факты эти получают еще большее значение, если вспомнить, что все это основалось само собой, без особых спекулятивных видов, ибо одна надежда сделаться муллою, иметь возможность чрез обучение других добыть себе копейку может побуждать учиться»¹³⁹.

Для понимания контекста восприятия российско-имперскими властями приверженность казахского населения исламу важно отметить присвоенную первыми характеристики последним как «фанатичное вероисповедание». В деле устранения серьезной политической угрозы (разобщение христиан и мусульман продуцировало нарушение территориальной целостности «степной границы» Российской империи) образовательная сфера также должна была

¹³⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 53–55.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Лысенко Ю.А. [и др.] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2014. Док. №. 143. С. 376–379.

¹³⁹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 53–55.

демонстрировать, по мнению авторов Объяснительной записки, способность «сгладить» подавляющее идеологическое присутствие татарских мулл на территории указанных областей. Но как выяснилось, к 1868 г. «внутри степи никаких казенных школ нет; в общественные казачьи станичные школы киргизы не принимаются, и в городах степи учащееся киргизское юношество можно встретить только у мулл, в школах при мечетях»¹⁴⁰.

Авторы Записки подчеркивали, что, отметив существование опасности, имперская администрация не разработала комплексный план действий по культурной ассимиляции посредством образования, что привело к усилению позиций мусульманского духовенства. Акцентировалось внимание на исключительном праве мулл (в связи с отсутствием должной альтернативы) вовлекать казахское население в идейно-мировоззренческое поле ислама посредством «народного обучения»: «Возможно ли оставить дело образования киргизов в таком положении, в руках мулл, получивших как бы привилегию обучать их по-своему? Без сомнения, пора положить предел влиянию мулл, изъять от них киргизское юношество, ибо от этого зависит ослабление магометанства в степи и большая или меньшая степень успеха сближения киргизов с русскими»¹⁴¹.

Считалось необходимым кардинально менять сложившуюся в Степном крае систему начального образования. Усиление российско-имперской доминанты должно было произойти через создание сети министерских школ. Подчеркивалось принципиальным создание альтернативы мусульманской школе посредством количественного увеличения русско-казахских школ и внедрения в образовательный процесс изучение русского языка. Последнее должно было стать «ассимилирующим механизмом», призванным также «парализовать влияние мулл, с их татарским просвещением, ведущим по самому духу своему к порождению фанатизма, отчуждению от других народов и ненависти к христианам»¹⁴².

¹⁴⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 53–55.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

Таким образом, в 1860-х гг. наметился определенный сдвиг в сторону смещения акцента на активизацию вмешательства имперских властей в создавшуюся образовательную среду. Во «Временном положении» 1868 г., было заявлено об относительно более решительных шагах в данном направлении – в каждом уездном городе разрешалось иметь школу «для всех без различия народностей». Как указывалось выше, в статье 209 было прописано право казахов «устанавливать сборы на устройство и содержание школ и вообще на развитие народного образования среди них, равно как обращать на сей предмет остатки от земского сбора, уплачиваемого киргизами на содержание должностных лиц киргизского управления»¹⁴³.

Акцент на финансовой составляющей проводимых мер выражался в том, что дети казахов могли обучаться в школах Министерства народного просвещения вместе с русскими, по согласованию с населением, без взимания платы или с пониженной стоимостью обучения. Следовательно, происходило постепенное слияние образовательных направлений, ориентированных исключительно на казахов и отдельно на русскоязычное население. Явным выражением данной тенденции являлось постепенное включение в смету государственных расходов сумм на содержание вновь открываемых русско-туземных школ.

В целом, исторически сложившиеся условия 50–70-х гг. XIX в., когда в Степном крае очевидным являлось численное превосходство кочевых инородцев над оседлым русскоязычным населением, и вместе с тем необходимость осуществления интеграционных задач привели к формированию определенной стратегии инкорпорирования. Заложенная в этот период основа образовательной интеграции выражалась в оформившихся принципах и методах образовательной интеграции казахского населения. Отправной точкой в данном процессе являлись модернизационные тенденции общеимперского масштаба и демократизация подходов к доступности образования в целом, связанная с реформами 1860-х гг.

¹⁴³ Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. Т. 3. С. 2135.

Намерения включить кочевых инородцев, казахское общество, в орбиту происходивших трансформаций побуждали имперскую администрацию к необходимости: 1) ставить под контроль собственно мусульманские учебные заведения (мектебы, медресе); 2) инкорпорировать казахов в образовательное пространство Российской империи через систему светского и конфессионального (православного) образования (начальные народные училища: земские школы, церковные школы, народные училища МНП). Так, в 1860-е гг. в изучаемом этнорегионе у имперской администрации сформировался механизм контроля мусульманских школ. На территории Степного края распространилась практика организации конфессиональных, казахских мусульманских, образовательных учреждений (мектебов, медресе), предусматривавшая получение разрешения областного правления (при безусловном согласовании действий с генерал-губернатором и соблюдении Строительного устава). Данный порядок был закреплен «Временным положением» 1868 г. теперь уже на территории Степного края, состоявшего из Акмолинской и Семипалатинской областей.

Интеграция казахского населения посредством создания культурно-образовательной «синтезной среды» через совместное обучение в русско-туземных школах в 50–70-х гг. XIX в. запускалась как «пробный проект», причем принципом, обозначавшим для казахов целесообразность предпочтения Омской русско-туземной школы при объяснимой расположенности к мусульманской, конфессиональной школе, являлся прагматизм, а именно те преференции, которые получали выпускники от областной администрации (возможность быть «передаточным звеном» в реализации новых механизмов управления).

1.2. Становление и развитие системы государственного управления деятельностью мусульманских школ в Степном крае в 80-х гг. XIX – начале XX вв.

Следующий этап образовательной политики интеграции изучаемого этнорегиона начался с 80-х гг. XIX в. и связан, во-первых, с трансформацией

взглядов правящих кругов Российской империи на проблему российского ислама в целом, а во-вторых, – с изменением подходов к управлению образовательным пространством оформившихся Акмолинской и Семипалатинской областей в Степное генерал-губернаторство (1882 г.).

Совокупностью событий, повлиявших на формирование образовательной политики имперской администрации в отношении казахской мусульманской школы, явились следующие обстоятельства внешнеполитического характера. Важнейшее из них – продолжившаяся тенденция расширения границ империи и дальнейшего включения в ее состав этнорегионов со значительным по численности мусульманским населением. Как уже упоминалось, установление системы протектората над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством и включение территории завоеванного Кокандского ханства в Оренбургское, затем – в Туркестанское генерал-губернаторство¹⁴⁴. С включением в этот же период в состав империи Кавказа численность мусульман империи значительно возросла (по числу приверженцев, ислам занял второе место в империи). По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., мусульман насчитывалось 13,889 млн. человек¹⁴⁵. Мусульмане Степного края и Туркестанского генерал-губернаторства составляли 90% от общего числа мусульман империи.

Необходимо отметить также, что результатом завершившегося процесса включения центральноазиатских территорий в состав Российской империи стало увеличение протяженности российской границы с Китаем. Нестабильность в провинции Синьцзян, вызванная жесткими принципами управления, карательной политикой цинских властей в отношении мусульманского населения, отражалась на выработке курса в управлении мусульманскими регионами в пределах Российской империи. Перманентно вспыхивавшие восстания с объявлением газавата на юго-восточной границе с Китаем на протяжении первой половины XIX в. и продолжавшиеся в рассматриваемый период также явились фактором

¹⁴⁴ Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965.

¹⁴⁵ Большая энциклопедия. Словарь под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1904. Т. 16. Приложение II.

формирования в российских правительственных кругах нового курса в отношении мусульман империи¹⁴⁶. Стремление предотвратить очередной подъем мусульманского населения на священную войну против неверных и участие в нем казахов, подданных Российской империи, намерения остановить перекочевки казахов через пограничную территорию и последующие события («Илийский кризис» 1871–1881 гг., заключение Ливадийского договора в 1879 г. и вывод российских войск с территории Синьцзяна в 1881–1883 гг.) повлияли на выработку концепции относительно «казахского ислама»¹⁴⁷.

На конкретное содержание политики имперской администрации в отношении ислама, с дальнейшей проекцией на образовательную сферу, повлияли результаты Крымской войны 1853–1856 гг. Потеря стратегического преимущества в «восточном вопросе» привела к усилению антироссийской пропаганды среди мусульман Российской империи и росту агитации в пользу турецкого султана¹⁴⁸.

В совокупности представленные обстоятельства способствовали росту исламофобских настроений у определенной части имперской администрации. По наблюдениям А.В. Ремнева, рост национального сознания и общественно-политической активности мусульман империи, неизменно наблюдавшийся на протяжении всего пореформенного периода, стал рассматриваться как фактор, «способствующий соединению национального и конфессионального самосознания восточных народов и порождению угрозы территориальной целостности империи»¹⁴⁹. В принятии решения о выработке курса в отношении исламских сообществ учитывались аргументы либерального и радикального направлений общественно-политической мысли России. Первое утверждало: поскольку «рост территорий и численности мусульманского населения Россий-

¹⁴⁶ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии. Барнаул, 2003.

¹⁴⁷ Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. [и др.] Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в.: коллективная монография / отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул, 2014. С. 43–62; Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. [и др.] Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX – начале XX в.: Документы и извлечения / отв. ред. А.В. Старцев. Барнаул, 2014. С. 125–407.

¹⁴⁸ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. СПб., 2008. С. 107.

¹⁴⁹ Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 7.

ской империи совпал по времени с начавшимися модернизационными процессами в стране, связанными с развитием буржуазных отношений», то необходимо было брать во внимание участие мусульман в региональной производственной специализации, формировании общероссийского рынка, освоении природных и людских ресурсов национальных окраин¹⁵⁰. Следовательно, упор нужно было сделать на «реформирование национальных окраин в рамках интеграционных процессов, направленных на экономическую и социокультурную инкорпорацию народов этих окраин в общеимперское пространство, и создание ряда важных компонентов государственно-политического механизма современного типа»¹⁵¹. При этом исключалось нивелирование религиозной аутентичности неправославных народов посредством активизации православного миссионерства.

Представители радикальных взглядов апеллировали, прежде всего, к прямым и жестким действиям в сохранении целостной структуры поликонфессиональной/-этнической империи. Ими «был предложен вариант, направленный на религиозно-культурную унификацию многочисленных народов империи на основе русского языка, культуры и православия. Идеиные лидеры этого направления подвергли резкой критике религиозную политику России, связанную с толерантным отношением к исламу и развитием его институтов»¹⁵². По мнению одного из представителей данного направления, известного ориенталиста XIX в. М.А. Миропиева, исламизация казахов представляла опасность с точки зрения потери стратегического перевеса, ослабления позиций православного христианства¹⁵³. Имперские административные структуры также оценивали потери практического характера от исламизации казахской степи, о чем высказывался оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский. Ислам воспринимался как препятствие сближению с государствообразующим этносом, преграда «качественной» интеграции¹⁵⁴. Ответными мерами должна была стать

¹⁵⁰ Лысенко Ю.А. [и др.] Традиционное казахское общество в национально политике российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации. Монография. Барнаул, 2014. С. 216–217.

¹⁵¹ Батунский М.А. Россия и ислам. Т. II. М., 2003. С. 401.

¹⁵² Лысенко Ю.А. [и др.] Указ. соч. С. 216–217.

¹⁵³ Там же. С. 218.

¹⁵⁴ Алекторов А.Е. Внутренняя Букеевская орда. (Краткий исторический очерк) // История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сборник документов и материалов. Алматы, 2002. С. 887.

охранительная политика, основанная на противодействии распространению мусульманства и создание мировоззренческой скрепы для нерусских народов с опорой на православие и русский язык.

Следствием выбора между двумя направлениями и решением вопроса «казахского ислама» стало учреждение Степного генерал-губернаторства. Указом от 18 мая 1882 г. из областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской образовывался отдельный этнорегион¹⁵⁵. Согласно логике империостроительства, указанные меры свидетельствовали об усилении центростремительных тенденций в процессе интеграции казахской степи, что, в свою очередь, повлияло и на содержание образовательной политики в этнорегионе. Причина заключалась в сложившейся системе управления, в которой генерал-губернатор выполнял функции гражданского и военного руководства. Вынужденные следить за «конфликтностью» территории, военные губернаторы и генерал-губернаторы курировали вопросы вероисповедания казахов, чье конфессиональное образование было сосредоточено в мектебах и медресе при мечетях. Широкий «кругозор» административной деятельности генерал-губернаторов (возможность сопоставить мероприятия правительства с обстановкой на приграничных территориях) позволял принять взвешенное решение, в том числе и по вопросам образования.

Важным механизмом сдерживания исламизации казахского населения представлялась необходимость установления жесткого контроля за деятельностью мусульманской школы. Одним из весомых обстоятельств, которые целесообразно было взять на вооружение в процессе законотворческой практики в ее отношении, являлась установка МВД на снижение «вероисповедной активности» как в самом Степном крае, так и в граничивших с ним областях. Достаточно ярко данный курс демонстрирует межведомственная переписка МВД с руководством Уральской области, в частности, докладная записка Земского отдела по делопроизводству о киргизах от 18 ноября 1885 г. в Департамент духовных дел иностранных

¹⁵⁵ ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 2. № 886.

исповеданий (далее – ДДД ИИ)¹⁵⁶ МВД. Докладная записка была составлена на основании письма военного губернатора Уральской области генерал-майора Н.Н. Шипова, в котором сообщалось «о мерах, которые могли бы служить к противодействию успехам магометанской пропаганды между киргизами»¹⁵⁷.

По сведениям Н.Н. Шипова на протяжении 70-х – начала 80-х гг. XIX в. в Уральской области наблюдался неизменный рост влияния казанских татар и башкир на казахское население. Его неоспоримым признаком была «запредельная» концентрация медресе, по мнению составителя записки, в селении Стерлибаш (в 50 верстах от г. Стерлитамака) Уфимской губернии: «Более 100 училищ при мечетях, так называемые медресе, в которых многие киргизы Уральской области обучаются татарско-арабской грамоте и корану весьма продолжительное время, иногда более 10 лет». Кроме этого автор подчеркивал, что «не обучаясь в указанных медресе русскому языку, эти муллы смотрят с пренебрежением на учрежденные в степи правительством русские школы и стараются тайно возбуждать к ним недоверие народа»¹⁵⁸.

Фактом, свидетельствующим о набирающей темпы исламизации казахского общества, представлялась статистика оформления заграничных паспортов для совершения паломничества в Мекку. Например, «в Уральской области в 1882 г. воспользовались заграничными паспортами 44 киргиза, в 1883 – 49, в 1884 – 86, а в текущем 1885 г. – 241. На богомолье в Мекку и прочие святые места отправляются не только престарелые и состоятельные киргизы, но и молодые сравнительно люди»¹⁵⁹. Препятствием к усилению «мусульманской пропаганды» должны были стать меры по ужесточению свободы пересечения границы империи с религиозной целью: Н.Н. Шипов предлагал «отклонять ходатайства казахов об увольнении за границу, или, по крайней мере, оттеснять на сколько возможно получение ими заграничных паспортов, сделав вместе с тем

¹⁵⁶ О принципах веротерпимости в парадигме ДДД ИИ подробнее см.: Лукьянов С. А. Роль и место МВД дореволюционной России в механизме регулирования религиозных отношений, 1802–1917 гг.: автореф. дисс... канд. юр. наук. М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=89036>

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 15–18.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

распоряжение к пресечению ими всякой возможности следовать к святым местам без таковых паспортов». Кроме этого предлагалось «под разными предлогами, например, под видом опасения заноса эпидемических болезней и т.п.» остановить рост учебных заведений в Стерлитамаке и Стерлибаше, как «рассадника в киргизской степи, безусловно вредного для правительства»¹⁶⁰.

Таким образом, политика, направленная на ограничение мусульманского фанатизма, подразумевала, прежде всего, снижение роста востребованности у казахов конфессиональных школ. В связи с этим Н.Н. Шипов предлагал усиление авторитета российско-имперской культурно-образовательной модели, при условии снижения интенсивности просветительской деятельности мусульманских богословов¹⁶¹. Более подробно указанная мера нашла расшифровку в секретном заключении П.А. Полторацкого, Уфимского губернатора, от 25 апреля 1886 г. В направленной в ДДД ИИ служебной записки чиновник полагал, что прямое запрещение поступать в медресе Стерлитамака и Стерлибаша казахам - выходцам из Уральской области как мера «репрессивная», не сможет «устранить объясненного нежелательного явления». Более того, руководствуясь данными попечителя Оренбургского учебного округа, Уфимский губернатор заключал: «Правительственные распоряжения, клонящиеся к воспрепятствованию киргизам Уральской области учиться в татарских медресе, могут лишь возбудить в среде их разного рода недоразумения в смысле нерасположения к русским вообще и русскому образованию в частности и предубеждения против всяких правительственных мероприятий»¹⁶².

Общее же отношение к русской культуре, в частности к языку отмечалось как индифферентное (в большей степени в сторону отрицания): «При 13-ти медресе, в том числе при Стерлитамакском, по распоряжению Министерства народного просвещения, утверждены русские классы, в которых изучение русского языка, однако, не считают обязательным для всех и нейдет далее посредственного чтения и письма». Поэтому П.А. Полторацкий предлагал более

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 15–18.

¹⁶¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 24 – 27об.

¹⁶² Там же.

решительно распространять «в самой среде киргизского населения русское воспитание и образование с прикладными знаниями ремесленными, техническими и сельско-хозяйственными, т.е. такого образования, польза которого была бы для киргизов очевидна и осязательна»¹⁶³.

Основанием для усиления присутствия в Степном крае русской государственной школы, по мнению П.А. Полторацкого, должен был стать Закон 1874 г. о передаче конфессиональных инородческих школ в ведение Министерства народного просвещения. Однако даже к 1885 г., момент составления Записки, учебные заведения региона сохраняли прежнюю соподчиненность соответствующим министерствам и ведомствам. Вопрос о том, каким образом придать ход механизму централизации управления в рамках МНП так и не был решен, что вызвало затруднения в осуществлении предлагавшихся губернатором мер.

В 1889 г. ДДДИИ МВД и МНП вновь возвратились к проблеме «необходимости подчинения мусульманских школ правительственному контролю» уже в контексте решения вопроса управления мектебами и медресе Туркестанского генерал-губернаторства¹⁶⁴. Об отсутствии должной динамики в решении проблемы в рамках империи свидетельствовал доклад министра народного просвещения И.Д. Делянова – А.Н. Куломзину, управляющему делами Комитета министров¹⁶⁵.

В представленном докладе от 19 марта 1889 г. было сообщено, что «мусульманские школы: медресе и мектебы не подчинены до сих пор надлежащему правительственному контролю», ввиду чего «последовало высочайшее Его императорского величества отметка: «На это обратить серьезное внимание!». Следовательно, к концу 80-х гг. XIX в. окончательного решения вопрос о ведомственной принадлежности мусульманских школ не получил. Известно, что предлагалось, например, в 1889 г. в отношении мусульманских

¹⁶³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 24–27об.

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 53–53 об.

¹⁶⁵ О деятельности Комитета министров подробнее см.: Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010.

учебных заведений Туркестанского генерал-губернаторства министром народного просвещения И.Д. Деляновым учредить «на счет средств государственного казначейства» должность третьего инспектора народных училищ, поскольку «средства надзора за низшими учебными заведениями Туркестанского края, при двух инспекторах народных училищ, оказываются далеко недостаточными»¹⁶⁶.

Инертность властей в решении вопроса о передаче мусульманской школы в юрисдикцию МНП во многом объяснялась опасениями о возможной негативной реакции со стороны мусульманской духовной элиты. Основанием для подобных прогнозов стали многочисленные обращения представителей мусульманской общественности в государственные органы, содержащие протесты против религиозной политики государства в отношении ислама. Так, в докладной записке поверенного от жителей Сеитовского посада Оренбургской губернии Мустафы Мухалит Садыховича Салихова в ДДД ИИ от 19 февраля 1893 г. воспроизводились факты, позволяющие восстановить контекстуальную основу взаимных претензий¹⁶⁷. Ссылаясь на делопроизводственную документацию попечителя Оренбургского учебного округа, М.С. Салихов упоминал ряд мер «к распространению грамотности между местными магометанами», в числе которых «учреждение русских классов при медресе на счет МНП, запрещение открывать новые медресе и мектебе в магометанских селениях без учителя русского языка, содержимого на счет общества и др., завершившиеся, наконец, Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета 20 ноября 1874 г. о подчинении всех магометанских школ ...ведению Министерства НП чрез особого учрежденных инспекторов татарских, бухарских и киргизских школ»¹⁶⁸. Совершенно ясно поняв позицию имперской администрации в вопросах распространения грамотности среди мусульманского населения (ключевые механизмы политики русификации – распространения русского языка как востребованного среди мусульман и снижение интенсивности деятельности,

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 59.

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 154 – 161 об.

¹⁶⁸ Там же.

обусловленной религиозными мотивами¹⁶⁹), М.С. Салихов привел в докладной записке аргументы, развенчивавшие «миф» о «фанатизме» мусульман и мусульманских учебных заведениях как инструменте воспитания сепаратистских устремлений.

К числу репрессивных мер, бесосновательно наступавших на ислам, М.С. Салихов считал циркуляр Тамбовского губернатора от 29 июля 1892 г., вводивший цензуру на мусульманскую периодику и учебную литературу¹⁷⁰. Для пресечения угрозы сохранения целостности имперской структуры, циркуляром предписывалось: «а) изъять из употребления в магометанских школах все рукописные книги и тетради, как неодобренные цензурой, а равно и книги иностранного издания и б) не допускать в преподавание в медресе лиц, получивших образование вне России и иностранных подданных»¹⁷¹. Данные меры, по мнению автора докладной записке, представляются лишенными всякой логики, поскольку направленные на изъятие специальной литературы, без которой невозможно представить дальнейший учебный процесс в мектебах и медресе.

Однако болевую точку, в которую был нанесен удар, сам М.С. Салихов также и обозначил – «нежелательная, противная видам правительства борьба на религиозно-национальной почве»¹⁷². Только неоднозначность в определении ее источника обуславливала столкновение, с одной стороны, логики действий российско-имперских административных структур, которые распределили обязанности в функционировании рычагов управления этнорегионами между МНП (формально обозначив необходимость контроля над содержанием образовательных программ в конфессиональных школах) и МВД (функция «противовеса» – сдерживание радикального вмешательства в образовательный процесс, неразрывно связанный у мусульман с формированием национального менталитета, духовной жизни), с другой стороны, стремление к развитию

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 154 – 161 об.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

религиозных оснований этнических групп. Следовательно, в тот момент, когда мусульманская образовательная среда была пассивна в восприятии имперской инициативы «к развитию русской грамотности, знания отечественного языка и сближению с коренным русским населением», напротив, она демонстрировала рвение в углублении знаний, коммуникативных связей с мусульманским миром. Так действовала защитная реакция, облакавшая подобное рвение в форму «фанатизма», тем самым, выводя за рамки законом приемлемого вероисповедания не соответствующие критериям лояльности российско-имперской культурно-цивилизационной модели «проявления». В данном случае резкость и прямолинейность действий объяснялась средой, в которой были обнаружены далеко не лояльные имперской центростремительной политике идеологические формулировки – образовательные учреждения, воспитывавшие (не-)терпимость к возможности сохранения национальной и религиозной самобытности в условиях этнической и конфессиональной разнородности Российской империи.

Допустимым вариантом развития собственно религиозной доминанты национальной культуры возможно в таком случае только с параллельным сближением с культурой-оппонентом. Демонстрируя кардинальные отличия в вероисповедной практике, мусульманская (казахская) этническая общность могла использовать тактический ход сближения на основе изучения языка, чем подкрепить уверенность административного аппарата в прочности управляемой структуры. В противном случае происходило усиление функции борьбы (вместо разработки продуманной программы «популяризации» русского языка) с «фанатизмом» (ещё и по той причине, что казахам вменялось изучение русского языка как мера вынужденная).

В связи с этим представляется, что значительная корректировка содержания образования со стороны имперской администрации в традиционной мусульманской школе была недопустима. Последняя понимала, что имеет дело с развитой и духовно богатой культурой собственно конфессионального образования у мусульман, самостоятельным мусульманским духовенством. Исторически сложившаяся традиция сохранения за ним исключительного права

воспитания подрастающего поколения в рамках своей этнической общности делала невозможным и «незаконным» любой степени вмешательство представителей имперско-православной администрации в содержание преподаваемых в мектебах (тем более медресе) дисциплин.

В сложившихся условиях необходимости инкорпорирования такого самостоятельного и обособленного института, как мусульманская школа, МНП и МВД прилагали разную логику в деле законотворчества и последующей реализации мер. В отношении Степного края общий вектор образовательной политике задавала цель интеграции данного этнорегиона в российско-имперскую культурную среду. Предлагаемые министерствами мероприятия отличались степенью вмешательства, глубиной преобразований, в целом, пониманием задач культурной ассимиляции (русификации) и сохранения этнической специфики казахского общества.

Одним из ключевых вопросов, инициировавших периодически межведомственную переписку была уже обратившая на себя внимание проблема реализации Закона 1874 г., являвшегося мерой по образовательной интеграции Степного края в имперское пространство. Для этого в 1885 г. была создана специальная межведомственная комиссия, призванная решить вопрос о передаче мусульманской школы в ведение МНП. Первым результатом ее деятельности стало заключение «К вопросу о конфессиональных училищах для киргизов – мектебе и медресе» – документ, составленный в ходе межведомственной переписки Департамента народного просвещения МНП в период 1885–1909 гг.

Согласно Справке, на рубеже XIX–XX вв. наиболее распространенным видом мусульманского образования в Степном крае продолжали оставаться так называемые аульные школы, когда процесс обучения был организован в доме (юрте) аульного муллы. В таком типе школы казахские дети «обучались чтению, письму, главным правилам корана», учителями в них являлись муллы, «хотя и знающие киргизский язык, но почти совсем не образованные и совершенно не

знакомые с самыми элементарными способами обучения»¹⁷³. Представить четкую статистику о численности таких школ региональные власти Степного края не могли по причине невозможности ее проведения у кочевого населения. Согласно всеподданнейшим отчетам Семипалатинского и Семиреченского военных губернаторов в 1888 г. в Семиреченской области среди оседлого мусульманского населения функционировало 144 мектеба с общим количеством учащихся 4552. В гг. Верном и Копале таких школ насчитывалось пять. У казахов-кочевников области под руководством переходящих из волости в волость мулл, преимущественно их татар, обучалось 4670 человек. В Семипалатинской области при мечетях в 1886 г. работало 15 мектебов с общим количеством учащихся 798 человек¹⁷⁴.

Согласно указу 1888 г. «Об установлении по округу оренбургского мусульманского духовного собрания образовательного ценза для духовных лиц мусульманского исповедания» кандидаты на должность сельских мулл должны были получать разрешение уездного начальника¹⁷⁵. Наличие «русификаторского компонента» (русского языка) здесь исключалось по той причине, что в мектебах и медресе, а также домашних школах предметным полем обучения выступало «магометанское вероучение». Его содержание обуславливало знание арабского языка (в диапазоне преподносившихся для заучивания текстов) и овладение татарской письменностью – языка основной категории учителей.

Свидетельством присутствия имперского компонента являлось наличие в Акмолинской и Семипалатинской областях нескольких школ, не подведомственных МНП и ориентированных на детей казахов: «Киргизские мальчики обучаются русскому языку, грамотности, общеобразовательным предметам, главным образом, предметам сельского хозяйства, а также некоторым ремеслам, преподавание же мусульманского вероучения в названных школах

¹⁷³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 246об. – 247об.

¹⁷⁴ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 290. Л. 142.

¹⁷⁵ «На основании Временного положения об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской 21 октября 1868 года, параг. 259 <...>. В действующем положении об управлении Степными областями о народном образовании не содержится никаких постановлений» // РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 246об. – 247об.

вовсе не введено». Так, в Справке приводились сведения о пяти уездных сельскохозяйственных школах для казахов Семипалатинской области и четырех – Акмолинской. Регулятором образовательного процесса в них выступал, по данным Департамента народного просвещения, «Временный Устав об этих школах, утвержденный степным генерал-губернатором 2 сентября 1885 г.» (определял функционирование Петропавловской, Кокчетавской, Атбасарской и Акмолинской школ) и «особое Положение, утвержденное степным генерал-губернатором» для школ Семипалатинской области¹⁷⁶. Однако, вполне очевидно, что, по мнению чиновников МНП, этих школ в Степном крае было явно недостаточно.

Правительственная дискуссия о судьбе мусульманской школы развивалась на фоне ужесточения контроля со стороны государства над деятельностью исламских институтов в Степном крае и дискредитации их в глазах казахского населения. В утвержденном 25 марта 1891 г. Положении об управлении Степным генерал-губернаторством сохранился прежний порядок избрания мулл из представителей местной этнической среды, которые утверждались в звании или устранялись от дел губернатором области. Число мулл ограничивалось – по Положению разрешалось иметь в каждой волости по одному мулле. Новым было то, что «избрание муллы в каждой волости стало необязательным. К исполнению религиозных обрядов допускались даже лица, не признанные официально духовными. Обязанности мулл не были определены, что лишало их статуса представителей органов управления, а, следовательно, и былой социальной значимости. Они также отстранялись от ведения метрических книг, от рассмотрения брачных и семейных дел, которые передавались ведению народного бийского суда, обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Закон предусматривал наказание мулл за вмешательство в названные выше дела, как за самовольное присвоение власти»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 246об. – 247об.

¹⁷⁷ Лысенко Ю.А. [и др.] Традиционное казахское общество в национально политике российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации. Монография. Барнаул, 2014. С. 223.

В условиях продолжающегося наступления на ислам, МНП стало более активно настаивать на целесообразности и необходимости скорейшей передачи казахской мусульманской школы в его ведомство. Данная позиция обосновывалась не только стремлением поставить под контроль учебный процесс такой школы и внедрить в список предметов изучение русского языка. Важным аспектом данной позиции являлась задача рационального выстраивания образовательного пространства в Степном крае с учетом постоянно возраставшего на рубеже XIX–XX вв. притока русскоязычного населения – крестьян-переселенцев. МНП считало более целесообразным увеличение численности русско-казахских школ, которые позволили бы получать образование в государственных образовательных учреждениях сразу двум этносам. При этом факт совместного обучения и обязательность изучения русского языка признавались более эффективными в вопросе русификации казахских детей.

Необходимо также подчеркнуть, что чиновники МНП и региональные органы власти крайне отрицательно оценивали и содержательную сторону образовательного процесса в мусульманской школе. Так, в обзоре Семипалатинской области за 1888 г. военный губернатор О.В. Щетинин отмечал отсутствие в нем четкой программы, устава, «определенных источников дохода и годового бюджета», низкий уровень подготовки учителей-мулл и ограниченный характер образовательной и развивавшей частей. «Об умственном развитии ребенка и снабжении его первыми элементарными сведениями, – писал О.В. Щетинин, – магометанская школа не имеет понятия. Поэтому человек, даже долго посещавший ее, в сущности, столь же невежественен, как и неграмотный. Ввиду неразрывной связи народного образования с мусульманской религией, науки ограничены одним схоластическим отделом, и эта узкая односторонность не способна дать народу ни одного образованного человека – ни одного, кроме религиозных казуистов»¹⁷⁸. Вполне очевидно, что МНП планировало со временем ограничить сферу влияния мусульманской школы, заменив ее альтернативным вариантом – русской-казахской.

¹⁷⁸ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 290. Л. 142.

В 1899 г. министр народного просвещения Н.П. Боголепов в обращении к министру внутренних дел И.Л. Горемыкину заявлял: «По истечении 8 лет, в течение коих закон этот (Закон 1874 г. – С.М.) оставался не действующим, признано было несвоевременным не только установление каких-либо определенных программ учебных курсов для мектебов и медресе, но даже и составление инструкций относительно порядка заведывания мусульманскими школами»¹⁷⁹.

Действительно, единственной мерой, направленной на реализацию Закона 1874 г. стало Положением Комитета министров от 5 февраля 1881 г. В нем было предписано попечителям учебных округов «поручить подлежащим органам учебного ведомства приступить к фактическому наблюдению за мусульманскими школами, с должной осторожностью, посещая эти школы, вникая в их обстановку и устройство, сообщая о них статистические данные, давая, где можно, словесные советы, но не предъявляя никаких обязательных указаний».

МВД, приостановившее реализацию Закона 1874 г., продолжало рекомендовать взвешенность и разумность в данном вопросе, использовать превентивные меры, направленные на сглаживание недовольства мусульманской общественности стремлением государства поставить под контроль конфессиональную школу. Будучи заинтересованным в предотвращении потенциальных этнорелигиозных конфликтов (в диапазоне от отказа повиноваться чиновникам МНП до роста национального самосознания и выработки мер «идеологической самозащиты»), министерские структуры предписывали внедрение планомерного контроля над мусульманской школой, начиная с тех этнорегионов, где соотношение восточно-славянского и инородческого компонентов было в пользу первого, и затем – в сторону увеличения последнего, «где магометанское население более сплошное и где магометанский фанатизм более развит»¹⁸⁰. Координация образовательных

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 204 – 207об.

¹⁸⁰ Там же.

программ мусульманской школы в контексте введения русского языка чиновниками МНП не планировалась.

Преследуя цель «упрочить учебно-воспитательное дело в мектебе и медресе» и исправить «крайне вредное» «существующее направление в воспитании и обучении мусульманского юношества», министр народного просвещения Н.П. Боголепов в 1899 г. предложил все-таки преступить к разработке Правил, которые бы определили основные принципы функционирования мусульманской школы, как в пределах всей империи, так и в отдельно взятых мусульманских регионах. Проект Правил, представленный МНП, имел несколько принципиальных позиций: 1) открытие мектебов и медресе должно проходить с разрешения директора народных училищ с «непременным условием внедрения в курс означенных школ преподавания в надлежащем количестве уроков русского языка <...>. С этой целью при мектебе и медресе должны быть классы русского языка»; 2) к преподаванию в мусульманской школе могли быть допущены только российские подданные с разрешения участкового инспектора народных училищ; 2) вся учебная литература, используемая в образовательном процессе, должна пройти цензуру и быть издана в России (обучение по рукописям запрещалось); 3) муллам, заведовавшим мектебами и медресе, предписывалось ежегодно предоставлять участковому инспектору народных училищ списки учащихся и годовой отчет о вверенных им школах. В целом же, в понимании Н.П. Боголепова установление «за сими заведениями более правильного и полного наблюдения» должно было сопровождаться как введением рычагов управления, так и ограничением доступа мусульманских проповедников в школы, созданием основы культурного взаимодействия посредством распространения знания русского языка¹⁸¹.

Военное министерство в 1900 г. обозначило свою позицию по данному вопросу, представив в МНП проект с изменениями принципов управления учебными заведениями Туркестанского генерал-губернаторства. Согласно проекту, предлагалось «в отмену Закона 1874 г., об учреждении управления по

¹⁸¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 204 – 207об.

учебной части в Туркестанском крае, изъять мусульманские школы из ведомства Министерства народного просвещения в видах замены педагогического наблюдения внешним полицейским надзором». Предоставление мектебам и медресе «свободы саморазвития», согласно логике Военного министерства, должно было привести к их упадку. Напротив, вмешательство МНП в учебный процесс могло инициировать «их рост и внутреннее развитие», что представлялось «не желательным, так как эти школы составляют оплот мусульманства против русского влияния»¹⁸².

В отношении от 17 октября 1901 г. на имя министра внутренних дел Д.С. Сипягина товарищ министра народного просвещения сенатор И.В. Мещанинов опроверг позицию Военного министерства, убедительно доказав противоположный эффект предлагавшейся меры. В числе аргументов И.В. Мещанинова, опиравшегося на аналитические записки по данным попечителей учебных округов других мусульманских этнорегионов империи, выделялись характерные особенности мусульманского общества, диктовавшие самодостаточность и устойчивость мусульманской образовательной системы¹⁸³. Указывал также И.В. Мещанинов и на ошибочное положение Военного министерства, неверно понимавшего суть вмешательства МНП в содержание образовательного процесса. Главной задачей последнего являлось «сближение школы мусульманской с общегосударственной посредством внедрения в качестве обязательной нормы изучение учащимися русского языка, предел же вмешательства определялся общеобразовательными предметами (их преподавание также предполагалось перевести на русский язык), тогда как область «вероисповедных дисциплин» должна была остаться неприкосновенной¹⁸⁴.

Позиция МВД выглядела силой, уравновешивавшей «творческую» проектировочную (применительно к мусульманской школе) деятельность МНП и консервативную методику невмешательства Военного министерства,

¹⁸² РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 259–262.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же.

подразумевавшую вымирание традиционной мусульманской школы по причине несоответствия потребностям мусульман. В решении данной проблемы МВД предлагало вообще отказаться о реализации Закона 1874 г. Аргументация точки зрения МВД была представлена в ответном отношении от 19 декабря 1902 г. на имя управляющего МНП Г.Э. Зенгера товарищем министра внутренних дел, сенатором П.Н. Дурново. Необходимость приостановки реализации Закона 1874 г. в указанном отношении пояснялась следующим образом: «Что самое издание этого закона встречено было полным недоброжелательством как со стороны магометанского духовенства, так и всего инородческого населения, усматривавшего во вмешательстве учебного начальства в дела магометанских школ и в распоряжении о введении в них преподавания русского языка начало приведения всего инородческого населения в православие». Далее П.Н. Дурново пояснял: «Что же касается последовавшего затем применения этого закона на практике, то оно, как известно, вызвало с одной стороны решительное противодействие распоряжениям учебного начальства со стороны отдельных лиц магометанского духовенства, нередко требовавшее применения к ним более или менее тяжких административных взысканий, а с другой – возбуждение со стороны различных магометанских обществ целого ряда ходатайств об отмене этого закона, – вследствие чего последний, несмотря на всевозможные усилия и старания органов Министерства народного просвещения, остается до настоящего времени почти вовсе без исполнения, служа в то же время источником постоянного возбуждения умов среди магометанского населения»¹⁸⁵.

В продолженной в 1903 г. межведомственной дискуссии о судьбе Закона 1874 г. товарищ министра народного просвещения С.М. Лукьянов подчеркивал, что МВД гипертрофирует возможность роста мусульманского сепаратизма в ответ на передачу мусульманской школы в ведении МНП. Чиновник подчеркивал, что «мусульманское население, в значительном большинстве и в лучшей его части, вполне примирилось с мыслью о совершенной естественности и законности правительственного надзора за мусульманской школой. Единогласные

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 318–321.

свидетельства учебных начальств удостоверяют в том, что умелая и благожелательная деятельность школьной инспекции вполне приучила мусульманское население к контролю министерства народного просвещения». На основании данного заявления С.М. Лукьянов делал заключение о том, что школьную инспекцию народных училищ МНП в полном мере можно считать «представительницей русского государственного начала», не встретившей какой-либо серьезной оппозиции мусульманского населения, и в известной мере сумевшей привлечь «симпатии лучшей части мусульманского общества»¹⁸⁶.

Категорически против С.М. Лукьянов выступил и в отношении предложений Военного министерства о передаче мусульманской школы под надзор «общей администрации» – региональным органам власти, находившимся в подчинении МВД. Главная причина – неизбежность фиктивности наблюдений за мусульманской школой со стороны региональной администрации, что, по мнению чиновника, было недопустимо. Поэтому в своем заключении он предлагал продолжить выбранный правительством курс на дальнейшую передачу мусульманской школы в ведение МНП¹⁸⁷.

Неоспоримым является то обстоятельство, что политика в отношении мусульманских школ в Степном генерал-губернаторстве преломлялась через призму общей идеологии управления имперской администрацией мусульманской образовательной системой (с поправкой на региональные особенности). Специфика Степного края (в отличие от других с преобладанием мусульманского населения) заключалась, во-первых, в менявшейся этнической карте в сторону увеличения доли восточно-славянского населения, во-вторых, в политической активности образованной части казахов, тяготевшей к Оренбургскому мусульманскому духовному собранию, а в начале XX в. интегрировавшихся в общероссийское мусульманское движение, в-третьих, обуславливалась его пограничным положением с Туркестанским генерал-губернаторством, где также реализовывалась определенная модель управления.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 322 – 332 об.

¹⁸⁷ Там же.

Исходной позицией для имперской администрации в постановке вопроса об образовательной политике для казахов-мусульман Степного края было исполнение «цивилизаторской» миссии¹⁸⁸. Внедрение министерских школ министром внутренних дел Д.С. Сипягиным трактовалось как «высшее благо»: в сообщении военному министру А.Н. Куропаткину прямо указывалось на преимущество российской модели обучения по сравнению с «мечетскими училищами»¹⁸⁹, которые выступали как «своего рода вид терпимого промысла». Дабы нивелировать общедоступность (основанную на сложившейся традиции обучения казахов-мусульман в мектебах и медресе) Д.С. Сипягин предлагал меры, благодаря которым мусульманскому образованию придавался статус исключительности по сравнению с «государственной школой»: «...Было бы полезно оттенить это в предстоящем узаконении некоторым возвышением проектируемого налога на право преподавания в этих училищах <...> и непременным обращением взимаемых таким путем сборов в пользу местной государственной школы, разумея главным образом русско-туземные школы всех видов»¹⁹⁰.

В октябре–декабре 1904 г. по инициативе министра народного просвещения А.С. Будиловича и под его руководством была организована работа специальной комиссии по изучению состояния начального образования у восточных народов России. В ее состав вошли представители Казанского, Оренбургского и Западно-Сибирского учебных округов. По материалам этой комиссии в мае 1905 г. прошло Особое совещание по вопросам образования восточных инородцев¹⁹¹. После продолжительной дискуссии «Совещание высказалось за систему активного, а не пассивного отношения школьного ведомства к мектебам и медресам, придумав, однако, для этой активности такие формы, которые не лишают названные школы

¹⁸⁸ О концептуальном основании взаимоотношений имперской административной структуры и инородческого населения см.: Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С. Червоная. М., 2000.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 612. Л. 254–254об.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Бурдина Е.Л. Позиция российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 278.

известной автономии и не представляют вторжения в область веры»¹⁹². Результатом работы стали «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России», утвержденные министром народного просвещения И. Толстым в марте 1906 г.

Правила завершали многолетнюю межведомственную дискуссию о целесообразности передачи мусульманской школы в ведение МНП. Организация общего руководства всеми училищами «инородцев», как казенными, так и частными, вне зависимости от того, кем они содержатся (на средства казны или учреждений и частных лиц) теперь возлагалась на инспекторов инородческих училищ и на местные органы МНП. Таким образом, мусульманская школа, по порядку управления, утрачивала свою исключительность, становясь в один ряд с остальными учебными заведениями в империи¹⁹³.

Свидетельством планомерной реализации задачи «распространять между инородцами знания русского языка и сблизать их с русским народом на почве любви к одному отечеству» являлось подтверждение обязательности изучения инородческим населением русского языка. В зависимости от степени «русифицированности» этнорегиона, предлагалась организация «первоначальных (школы грамоты) с двухгодичным курсом, начальных одноклассных с четырехгодичным курсом и начальных двухклассных с шестилетним курсом обучения» инородческих училищ¹⁹⁴.

Частные мусульманские школы («инородческие вероисповедальные училища») могли открывать, согласно п. 36 Правил, с разрешения инспектора народных училищ при условии соблюдения ряда требований. К их числу относились: «удостоверение о том, что содержание училища обеспечено необходимыми для этого средствами, что при нем будет состоять класс русского языка» и заведующий училищем имеет «соответствующую педагогическую подготовку» – «не ниже курса одноклассного училища МНП»¹⁹⁵.

¹⁹² Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А.С. Будиловича. СПб., 1905. С. 33.

¹⁹³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 238 – 242об.

¹⁹⁴ Там же. Л. 238 – 241об.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 241об.

Положения Правил, затрагивающих судьбу мусульманской школы вызвали «недоразумение при их выполнении» и волну протеста мусульманской общественности. Поэтому их действие было приостановлено в пределах всей империи. На 3-м Всероссийском мусульманском съезде, проходившем 16–21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде были разработаны альтернативные Правила для мусульманских школ¹⁹⁶.

В сентябре 1907 г. при МНП собралось новое межведомственное совещание с участием лиц администрации, ведущих педагогов страны, представителей Казанского и Оренбургского учебных округов, Кавказа, Степного края, Туркестана и Восточной Сибири. В конце 1907 г. в «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» были внесены поправки, затрагивающие, главным образом, формат функционирования инородческой мусульманской школы¹⁹⁷. Прежде всего, мусульманская школа вновь выводилась из под контроля МНП: пп. 9, 32–33, 36 Правил редакции 1906 г., определявшие ведомственную принадлежность мусульманской школы Министерству народного просвещения, были изъяты из новой редакции закона.

Не менее значимым стало изменение п. 13 Правил. В редакции 1906 г. учебные книги и пособия печатались на «инородческом» наречии русскими буквами, для народностей, имеющих национальный алфавит, – в двойной транскрипции; теперь приоритет отдавался инородческому алфавиту, хотя двойная транскрипция сохранялась. Выбор учебных книг передавался на усмотрение преподавателю и местному учебному начальству, т.е. на места. И хотя положение об учебном контроле МНП над мусульманской школой, запрет на преподавание в ней иностранных граждан, недопущение неподцензурной литературы в Правилах были сохранены, вполне очевидно, что в 1907 г.

¹⁹⁶ Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2007. № 3(7). С. 89.

¹⁹⁷ Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуцкий. Т. 4. СПб., 1911. С. 500–502.

произошло ослабление позиций государственного контроля за инородческими училищами в целом и мусульманской школой, в частности¹⁹⁸.

Не смотря на продолжающиеся попытки государства консолидировать мусульманскую школу в общеимперское образовательное пространство, чиновниками МПН признавался факт слабого использования интегрирующей возможности русского языка и культуры. В докладе министра народного просвещения Л.А. Кассо за 1913 г. подчеркивалось, что «Правила...» 1907 г. не обеспечивают знания русского языка и задача, поставленная ими («приобщение подрастающего поколения к гражданской жизни Отечества»), не может быть выполнена должным образом. По мнению министра, из этих «Правил...» необходимо было исключить указание на возможность пользования родным языком после двух лет обучения, ввести более ранний срок обучения русской грамоте (не позднее 3-го месяца первого года обучения), предложить в качестве учителей только российских подданных, желательно русских, знающих местные языки, или принадлежащих к одной национальности с учащимися»¹⁹⁹.

Следствием была рекомендация: при разработке новых Правил об инородческих училищах особому совещанию необходимо было усилить внимание к преподаванию русского языка в «целях скорейшего усвоения его учащимися школ». В результате 14 июня 1913 г. министром народного просвещения Л.А. Кассо были утверждены Правила о начальных училищах для инородцев, действие которых вновь распространялось на Казанский, Оренбургский, Одесский, Кавказский, Западно-Сибирский учебные округа, на губернии и области, входящие в управление Туркестанского края, а так же Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств.

Принцип первоначального обучения на родном языке из «Правил...» 1913 г. был устранен, хотя оно все же допускалось при полном незнакомстве учащихся с русским языком. Кроме этого, требование знания учителями местного языка было

¹⁹⁸ Бурдина Е.Л. Позиция российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 279.

¹⁹⁹ Цит. по: Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2007. № 3(7). С. 89.

отменено, хотя на месте учитель «должен был озаботиться приобретением достаточного для школьных целей знакомства с природным языком учащихся»²⁰⁰. Отношение государства собственно к конфессиональной, мусульманской, школе не претерпели изменения.

«Правила...» 1913 г. практически не были проведены в жизнь. Начавшаяся вскоре Первая мировая война, а затем и революционные события 1917 г. внесли свои поправки в ход исторического развития казахской мусульманской школы.

Причина непоследовательности действий государства по вопросу о реализации Закона 1874 г. в отношении мусульманской школы, в том числе, казахской мусульманской школы объясняется на наш взгляд, рядом причин.

Во-первых, в начале XX в. в Российской империи происходили мощные процессы интеграции мусульман, выразившиеся в проведении всероссийских мусульманских съездов, организационном оформлении мусульманских религиозных партий, создании в Государственной думе мусульманской фракции и т.д.²⁰¹. Рост политизации ислама был напрямую связан с событиями Первой русской революции 1905–1907 гг. В новых политических реалиях «социально-политические волнения, которые охватили Россию, диктовали необходимость либерализации национальной политики и, соответственно, национальной школы с выработкой иной целевой установки (интегрирующего компонента) в образовании»²⁰². Вполне очевидно, что в этих условиях не могло быть и речи о широкоформатном наступлении на мусульманскую школу.

Во-вторых, предлагаемые государством как альтернатива традиционной мусульманской школе светские инородческие училища вызывали определенные опасения у казахской общественности. В связи с чем, например, в секретном

²⁰⁰ Цит. по: Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2007. № 3(7). С. 89.

²⁰¹ Подробнее см.: Буктугубова Р.С. Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. Кокшетау, 2006; Лысенко Ю.А. Причины и формы участия народов центральноазиатских окраин Российской империи в мусульманском движении начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: исторические науки и археология. 2016. № 4/2 (92). С. 94–100; Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России (социокультурный аспект). Алматы, 2000; Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. 1906–1917 гг.: автореф. дисс. ...д.ист.наук. Казань, 2004.

²⁰² Волкова Л.А., Рубанова И.В. Национальная школа Удмуртии в начале XX века (в контексте русско-японской войны и Первой русской революции) // Былые годы. 2015. № 25. С. 120.

отношении № 184 от 4 апреля 1903 г. степного генерал-губернатора Н.Н. Сухотина министру внутренних дел В.К. Плеве указывалось на поддерживавшееся среди казахского населения мнение о христианизации. «Религиозное сопровождение» политики седентаризации и в целом, модернизации, осознаваемое как угроза, являлось причиной складывания неблагоприятного контекста образовательной политики региона²⁰³.

В-третьих, в конце XIX – начале XX вв. традиционная мусульманская школа подверглась процессам внутреннего реформирования. Как реакция на обвинения со стороны министерских чиновников мусульманской школы в консерватизме и мракобесии, возникла новая школьная система – новометодные школы. Наряду с духовными дисциплинами, в них вводилось преподавание общеобразовательных светских дисциплин. По точному определению А.В. Перминова, «предлагаемые джадидистами изменения организации и содержания образования, форм и методов обучения в мектебах и медресе, имели целью достижения ими однопорядкового статуса с соответствующими учебными заведениями государственной системы образования Российской империи, уровень и содержание образования в которых соответствовали аналогичным типам учебных заведений стран Европы»²⁰⁴.

Организация новометодных школ в Степном крае относится к началу XX в. Именно в этот период они появились в Семипалатинске, Акмолинске, Верном, Копале²⁰⁵. В Оренбурге в 1891 г. купец А. Хусаинов при построенной им мечети основал мектеб и медресе «Хусаиния», которые пользовались огромной популярностью среди казахской учащейся молодежи. Учителем в этом медресе был К. Жубанов, впоследствии казахский ученый-лингвист. Представители казахского купечества также вовлекались в спонсирование строительства новометодных учебных заведений. В Семиречье, в Копальском уезде, на деньги бия Мамана Есенкулова была открыта вначале двухлетняя, затем четырехклассная,

²⁰³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 624. Л. 108–109.

²⁰⁴ Перминов А.В. Мусульманские школы в Казахстане в XIX – начале XX веков [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-234038.html>

²⁰⁵ Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане. Барнаул, 2010. С. 170.

впоследствии восьмиклассная новометодная школа «Мамания». Образцовой моделью для «Мамании» служило уфимское медресе «Галия»²⁰⁶.

Таким образом, мусульманская школа становилась вполне конкурентоспособной с предлагаемыми имперскими властями инородческими светским государственными образовательными учреждениями. Полученное в новометодной школе образование позволяло ее выпускникам успешно сдавать вступительные экзамены в русские средние и высшие учебные заведения.

Не реализовав намерение возглавить процесс модернизации мусульманской школы, имперская администрация признавала результативность образовательной реформы, проведенной силами самого мусульманского общества²⁰⁷. Но в то же время была убеждена, что новометодное образование усилит рост центробежных тенденций в мусульманских регионах. По мнению директора ДДД ИИ А.Н. Харузина, высказанному в 1910 г., после Указа 17 апреля 1905 г. мусульманское образование претерпело значительные изменения благодаря «тенденции к национальной самостоятельности и национальному самоопределению». Данные процессы выразились, прежде всего, «в систематическое стремление инородцев к захвату, под видом удовлетворения религиозно-просветительских нужд, в свои руки дел начального и даже среднего образования юношества, в сообщении ему почти повсеместно узко-националистической и более ли менее рельефно выраженной противогосударственной окраски»²⁰⁸.

В подтверждение возросшей самостоятельности «на почве мусульманства и татаризма» директор ДДД ИИ приводил данные о наличии у «волжских» «солидного капитала (по завещанию одного из умерших крупных мусульманских деятелей) для построения особого органа управления мусульманскими школьными делами. Этот орган, по предложению организаторов, должен был исполнять функции как бы мусульманского Министерства народного просвещения». Безусловно, проявлявшаяся идеологическая самостоятельность

²⁰⁶ Казиев С.Ш. Национально-просветительское движение и проекты национализма в Казахстане в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2 (84). С. 129.

²⁰⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 22. Л. 1.

²⁰⁸ Там же.

обладала политическим весом и ни в коей мере не отвечала целям МВД «обеспечения народному образованию согласованного с государственными видами единообразия»²⁰⁹. Следовательно, новометодная система явилась одновременно и результатом эффективно реализовавшегося импульса реформирования, отдельно существующей системой, и этапом на пути к сохранению национального единства на религиозной основе.

Обновление, с точки зрения противостояния мусульман культурной ассимиляции, возможно считать состоявшимся, поскольку директором ДДД ИИ А.Н. Харузиным данная образовательная система была оценена как состоявшая «вне действительного контроля государственной власти» и «несогласованной в главных своих основаниях с общим типом принятой в государстве школы»²¹⁰. Кроме того, реакция на мероприятия по осуществлению контроля над конфессиональными школами в указанных территориально-административных единицах показательна в плане проявления казаками Степного края именно культурно-политической активности, которая смогла сформироваться в условиях умеренного контроля над конфессиональными школами. В подтверждение тому – ясно обозначившееся в начале XX в. мнение тяготевшей к образовательному центру в Оренбургской губернии мусульманской общественности о перераспределении управления, в том числе образовательной сферой мусульман Акмолинской и Семипалатинской областей, в сторону ОмДС или учреждение Степного муфтията с централизованной системой управления мусульманскими образовательными учреждениями²¹¹.

Суммируя результаты изучения деятельности имперской администрации по интегрированию казахской мусульманской школы в период 80-х гг. XIX – начале XX вв., важно подчеркнуть следующие характерные особенности данного

²⁰⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 22. Л. 1.

²¹⁰ Вопросы, предлагавшиеся А.Н. Харузиным для ликвидации такого исключительного положения мусульманской школы в аспекте вмешательства в содержание ОП касались места и степени «участия» «местных инородческих наречий» в проектируемой государственной конфессиональной школе; предлагался для рассмотрения вариант разграничения конфессиональной школы на вероучительную и общеобразовательную, что подразумевало «выравнивание» содержательного компонента обучения в мектебах с министерскими общеобразовательными школами // Там же.

²¹¹ Труды Частного совещания, созданного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908.

процесса. Во-первых, в указанный период происходило становление системы управления самостоятельными и обособленными учебными заведениями казахомусульман – мектебами. Продолжала укрепляться функция генерал-губернаторов как регуляторов вероисповедной активности и вместе с тем – координаторов этнической консолидации посредством конфессионального мусульманского образования.

Во-вторых, важная роль в выработке содержания образовательной интеграции принадлежала межведомственным дискуссиям конца XIX – начала XX вв. В борьбе министерств за реализацию своей программы инкорпорирования осуществлялись попытки изменить заложенные во «Временном положении» 1868 г. основы образовательной интеграции. Согласно Положению, ведущие позиции контролировало МВД посредством генерал-губернаторов как ответственных за обеспечение дальнейшего реформирования Степного края, интеграции с модернизационным вектором в сферах административных, судебных, экономических преобразований. Функция аккумуляции сведений по линии «военные губернаторы областей – генерал-губернатор – ДДД ИИ – МВД» усилилась с выделением областей казахской степи в Степное генерал-губернаторство в 1882 г.

В-третьих, в дополнение к этому в русле трансформации общеимперского характера стало включение образовательного пространства Акмолинской и Семипалатинской областей в состав Западно-Сибирского учебного округа под контролем МНП в 1885 г. Стоит отметить, что проходившие на протяжении рассматриваемого периода преобразования, закрепляли приоритет либо охранительной политики МВД, либо – активной аккультурации МНП. Тактика интенсивной русификации МНП не встречала препятствий до тех пор, пока ограничивалась регламентацией процесса в министерских школах (начальных народных училищах, организованных по типу как для восточно-славянского населения). Однако попытки взять под контроль мусульманские казахские школы (Закон 1874 г.) останавливались МВД как меры, усиливавшие дезинтеграционные тенденции в регионе.

В-четвертых, специфика регулирования деятельности казахских мусульманских школ заключалась именно в непосредственном контроле МВД, отличном от мусульманских этнорегионов, структурно подведомственных ОМДС или Таврическому магометанскому духовному правлению. Проводя обследование не только содержания образовательных программ на предмет нелояльности имперской администрации, но и внешних условий организации образовательного процесса в мектебах, чиновники МВД, отмечая плачевное состояние казахских конфессиональных школ в сравнении и с мектебами Уфимской и Оренбургской губерний, не ставили вопрос об их упразднении. Магистральной линией МВД являлось сохранение мусульманских школ у казахов как неотчуждаемого компонента, традиционного института сохранения этнической самостоятельности, способствовавшего адаптации модернизационным процессам, которым подвергалось население в результате интеграции в общеимперское пространство.

1.3. Распространение в Степном крае начального государственного образования для казахского населения в 80-е гг. XIX – начале XX вв. (на примере русско-казахских, аульных и миссионерских школ)

Преобладание казахско-мусульманского населения в Степном крае, безусловно, побуждало правящие круги принимать во внимание его приверженность к конфессиональной школе – мектебам и медресе. В то же время имперская администрация стремилась создать в степи альтернативное направление образовательных учреждений, группировавшихся под названием «инородческая школа (училище)», и в котором должен был преобладать светский компонент.

Так, при сохранении возможности получать образование в конфессиональных учебных заведениях мусульманского типа казахам был предоставлен выбор: обучение в государственных учреждениях,

подведомственных МНП, доступ в которые был открыт для иноверцев²¹². Отсутствие законодательных ограничений на этапе получения начального и среднего образования для инородцев фиксировалось во Временном положении об управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами 1868 г. Буквально указывалось, что в каждом уездном городе должна быть организована школа «для всех без различия народностей» (ст.262). Статьями 209 и 268б также было узаконено право казахов «устанавливать сборы на устройство и содержание школ и вообще на развитие народного образования среди них, равно как обращать на сей предмет остатки от земского сбора, уплачиваемого киргизами на содержание должностных лиц киргизского управления»²¹³. Дети казахов могли поступать в станичные и сельские школы, «по соглашению станичных обществ, или безвозмездно, или за умеренную плату» (ст. 265), в целом же расходы на их обучение возмещались по смете областных правлений и итоговому согласованию генерал-губернатора с МНП (ст. 263). При координации содержания образовательного процесса также соблюдался принцип совместного регулирования (МВД и МНП при решающем слове генерал-губернатора). Так, в ст. 264 указывалось: «программа для занятий в школах устанавливается генерал-губернатором по соглашению с Министерством народного просвещения». Более того, по ст. 266 Положения учителям, преподававшим в школах, разрешалось принимать казахов для надомного обучения²¹⁴. Последний вариант предполагал в большей степени интенсивную аккультурацию, поскольку казахские дети, попадая в русскоязычную среду, подвергались влиянию просвещенной общественности.

Таким образом, во «Временном положении об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» 1868 г. было заявлено о более решительных мерах российской администрации в деле расширения

²¹² Министерские училища: Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений о двухклассных и одноклассных училищах Министерства народного просвещения / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1903. С. 10.

²¹³ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / сост. П. Аннин. СПб., 1886. Ч. 2. С. 76.

²¹⁴ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях ... С. 76–77.

системы начального школьного образования казахов Степного края. Подкреплялись действия обеспечением условия – выравниванием возможностей в получении образования для казахского населения в той мере, в какой оно было доступно государствообразующему этносу. Так был задан вектор на постепенное слияние образовательных направлений, ориентированных исключительно на казахов и отдельно на русскоязычное население.

В продолжении формирования образовательной карты Степного края был издан Указ «Об училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях» от 27 января 1881 г. Согласно Указу с 1 июля 1881 г. в Акмолинской и Семипалатинской областях учреждалось по одному начальному училищу в каждой области. Министерству народного просвещения поручалось определить, как учебный курс, так и внутреннее устройство этих заведений²¹⁵. По Указу Омская киргизская школа преобразовывалась в пансион для киргизских и русских детей, на равное число тех и других»²¹⁶. По ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири Г.В. Мещеринова «из сумм государственного казначейства» в размере 100 рублей в год назначалась пенсия содержателям пансионатов для киргизских детей в Акмолинской и Семипалатинской областях за каждые шесть лет непрерывного содержания ими сих пансионатов»²¹⁷.

Однако параллельно с достижением задачи – инкорпорировать казахское общество в систему светского образования посредством министерских школ МНП предпринимались действия по созданию школ, олицетворявших переходный этап адаптации. Явным выражением данной тенденции являлось постепенное включение в смету государственных расходов сумм на содержание вновь открываемых русско-казахских школ.

²¹⁵ Также в дополнении указано: «Преобразовать в означенных областях, с того же времени: а) Семипалатинское уездное училище в пятиклассное городское и шесть приходских училищ (Петропавловское, Акмолинское, Кокчетавское, Усть-Каменогорское, Павлодарское и Каркаралинское) – в трехклассные городские, на основании положения о городских училищах 31 мая 1872 г., с необходимыми, по мнению м-а н. п., отступлениями от сего положения» // Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб., 1904. Т. 3. С. 2135.

²¹⁶ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / сост. П. Аннин. СПб., 1886. Ч. 2. Ст. 268 в. С. 77. Ст. 268 в.

²¹⁷ Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб., 1904. Т. 3. С. 2135.

Обращаясь к характеристике такого вида школ, как русско-казахские, отметим, что они представляли собой «синтезную модель», образовательное учреждение на пересечении культурно-цивилизационных основ, российско-имперской и казахско-мусульманской. В риторике изучаемого периода данный вид учреждений подпадал под термин «инородческие школы». В диапазоне учебных заведений для казахов Акмолинской и Семипалатинской областей инородческие училища подразделялись на русско-казахские и аульные школы.

Содержание образования во всех типах перечисленных школ формировалось непосредственно министерскими структурами, поэтому школы данного типа напрямую выступали посредником образовательной политики русификации. Большое значение для деятельности данных учебных заведений «имела педагогическая система Н.И. Ильминского, основанная на постепенном переводе всего обучения на русский язык, что предполагало эффективное втягивание «инородцев» в орбиту имперского влияния»²¹⁸. Получая начальное образование в русско-казахских и аульных школах, казахи, соответственно, в меньшей степени могли противостоять аккультурации.

При организации русско-казахских школ, по своей идеологии в полной мере соотносившихся с методикой Н.И. Ильминского, главная ставка была сделана на сочетание элементов российской начальной и традиционной школы и создание нового типа образовательного учреждения, «в котором не были бы игнорированы установившиеся взгляды местного мусульманского населения на задачи образования, и ввести в нем курс обучения родной грамоты в той транскрипции, какая издавна была принята здесь, и основы мусульманского вероучения». Необходимо было создать такую школу, в которой «дети инородцев обучались бы русскому государственному языку и при посредстве его получили бы начала общекультурного образования, в то же время изучали бы родную грамоту и основы мусульманского вероучения в том виде, в каком ведется понимание этих

²¹⁸ Плахотник Т.Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/302784.html>

предметов в местных мусульманских школах»²¹⁹. Кроме этого для успешной русификации ставка была сделана на принцип совместного обучения казахских и русских детей с разрешением первым не изучать Закон Божий²²⁰.

В процессе организации русско-казахских школ целесообразно было учитывать особенности хозяйственно-культурного типа казахов, в основе которого находилось кочевое и полукочевое скотоводство. В связи с этим крайне важным признавалась необходимость адаптировать вид учебного заведения в соответствие с хозяйственно-бытовыми условиями, что нашло выражение в создании аульной школы, и обеспечить финансовую возможность «изъятия» учащихся из круга домашних хозяйственных обязательств в учебную среду без непосредственных денежных затрат на обучение и содержание учащегося в школе, интернате (полное финансирование из государственного бюджета аульных школ и интернатов)²²¹. Не менее важной представлялась задача создания образовательного учреждения, способного обозначить явное преимущество в получении образования перед конфессиональной мусульманской школой²²².

Постановлением министерства народного просвещения от 26 октября 1882 г. при пансионах для русских и киргизских детей учреждалась должность почетного смотрителя, на которого возлагалась обязанность осуществлять «надзор за хозяйственной частью пансионеров и попечение о благоустройстве их в материальном отношении»²²³. К этому периоду, как отмечалось в отчете военного губернатора Акмолинской области за 1881 г. «в двух поселках Омского уезда действовала подвижная школа – пансион для русских и киргизских мальчиков»²²⁴.

²¹⁹ Цит. по: Садвокасова З.Т. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов // Отечественная история (Отан тарихы). 2008. № 1. С. 90–99.

²²⁰ Министерские училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1903; Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3.

²²¹ ПСЗ РИ. Собрание. 3. Т. 16. №12423. С. 41–42; Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1882 год. Омск, 1883. С. 27.

²²² Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1881 год. Омск, 1882. С. 34.

²²³ Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3. С. 2135.

²²⁴ Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1881 год. Ведомость № 8. О числе учебных заведений и учащихся в Акмолинской области за 1881 год.

Отдельно для мусульман в отмеченный отчетом год были организованы: 1 пансион в г. Омске, 10 интернатов (для мальчиков и девочек), в которых дети обучались и русской грамоте, и «сапожному, портняжному, столярному и др. мастерствам и земледелию на особо устроенных для этого фермах; девочки же, кроме русской грамоты, обучаются рукоделию и домашнему хозяйству», а также «по десяти киргиз обучаются в фельдшерской и ветеринарной школах»²²⁵. В эти же годы в Уральской области функционировало 10 русско-казахских школ²²⁶. В Семипалатинской области в 80-е гг. XIX в. имелись мужские интернаты для обучения казахских детей в областном центре – Семипалатинске, а также в уездных городах – Павлодаре, Усть-Каменогорске и Зайсане, для обучение девушек-казашек – только в Семипалатинске и Павлодаре. В 1886 г. в них обучалось 152 мальчика и 37 девочек²²⁷.

Обращаясь к проблеме языка, на котором должна была осуществляться образовательная интеграция («просвещение инородцев»), отметим, что позиции современников по этому поводу разнились. Так, часть просветителей и деятелей области образования полагала, что не следует оставлять за языком государствообразующего этноса (М.А. Миропиев) или языком собственно интегрируемого этноса (И. Гаспринский) исключительного права «языка модернизации», но адаптировать русский язык, придав ему вспомогательную для родного языка роль. Новаторская в аккультурационной практике второй половины XIX в. «система Ильминского» подразумевала переложение языка татар на кириллицу для составления текстов, используемых в учебном процессе. По убеждению Н.И. Ильминского, целью применения подобного метода и создания специальных крещено-татарских школ должно было стать укрепление в вере принявших православие татар. С точки зрения миссионерской деятельности, школе отводился вспомогательный характер. Но масштабы просветительской деятельности и признание эффективности аккультурационных механизмов на

²²⁵ См. подробнее: Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1881 год. С. 34.

²²⁶ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том. 3. / Под ред. К.С. Алдажуманова, М.Х. Асылбекова, Ж.К. Касымбаева, М.К. Козыбаева. Алматы, 2000. С. 523.

²²⁷ Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. Алма-Ата, 1962. С. 282–307.

государственном уровне позволяют засвидетельствовать значимость «системы Ильминского» именно для образовательной политики в отношении иноэтничных общностей.

Аналогичным новшеством и результатом трансформации казахской системы образования под воздействием российско-имперской модели (и при личном участии Н.И. Ильминского) стало появление и казахского кириллического алфавита²²⁸. Благодаря И. Алтынсарину новый вариант казахской письменности применялся в разнопрофильных школах для казахов Тургайской области с 1864 г.²²⁹ Распространением и адаптацией российско-имперской модели обучения среди казахского населения занимались также А.Е. Алекторов, А.В. Васильев, В.В. Катаринский. Результатами деятельности педагогов и просветителей явились учебные заведения «синтезного характера», на стыке имперской и собственно этнической образовательной систем (с опорой на практическое применение адаптационных методик, использование казахского языка и кириллического алфавита)²³⁰.

Начало строительства русско-казахских школ в Степном крае относится к 1868–1870 гг. и было связано с именем И. Алтынсарина. В этот период в

²²⁸ См. подробнее: Исхан Б.Ж., Даутова С.Б., Оспанова Б.Р. Языковая политика и казахский алфавит // Успехи современного естествознания. 2014. № 9–1. С. 136–140 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34205>

²²⁹ Важно отметить, что во второй половине XIX в. часть казахской интеллигенции выступала за рациональное применение в познавательной деятельности достижений европейской научной мысли. Просветители Абай Кунанбаев и Шакарим Кудайбердиев ратовали за принятие российской модели образования, олицетворяя ее с «окном в Европу», ключом к европейской науке. Результатом практического применения такого подхода явилась новаторская деятельность И. Алтынсарина, издававшего на основе кириллического алфавита учебники «Казахская хрестоматия» (1879, 1906 гг.) и «Начальное руководство к обучению казахов русскому языку» (1879 г.). См. подробнее: Кунанбаев А. Слова назидания. Слово второе, третье, двадцать пятое [Электронный ресурс]. URL: <http://абай.kz/category/slova-nazidaniya-abaj/>; Сыдыков Е.Б. Шакарим. М., 2012. С. 45–47; Алтынсарин И. Киргизская хрестоматия. Кн. 1. Оренбург. 1879; Успанова К.Ж. Идеи народной педагогики в развитии образования и в творчестве казахских просветителей в период присоединения Казахстана к России (первая половина XVIII – середина XIX века): дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2002. РГБ ОД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/118053.html>; Асанкулова Б.С., Калымбетова Н.П. Педагогическое наследие казахских просветителей XIX века // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 1–2 / 1. P. 128–133 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-nasledie-kazahskih-prosvetiteley-xix-veka#ixzz3xg6sGHWg>

²³⁰ Алекторов А.Е. Киргизская хрестоматия. Сборник статей для переводов на русский язык для классного и домашнего чтения с рисунками. Изд-е 3-е, дополненное русско-киргизским словарем. Омск, 1907; Катаринский В.В. Грамматика киргизского языка. Оренбург, 1906; Васильев А.В. Учение Корана и мухаммеданские предания о Боге и предопределении // Православный собеседник. 1887. Ч. 3. С. 82–120; Васильев А.В. Букварь для киргиз. Казань, 1912; Дандыбаева Г.Т. Вклад А.Е. Алекторова в создание учебников и учебных пособий для русско-казахских школ // Вестник Карагандинского государственного университета. Раздел: История. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/5248>; Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 15–20.

Уральской области начали работу 24 русско-казахские школы, из них 2 – двухклассные, 6 – сельские одноклассные, 14 старшинских и 2 частных училища. В Акмолинской области в 1870-х гг. действовала одна русско-казахская школа с числом обучающихся 27 человек²³¹.

И. Алтынсарин сыграл огромную роль в становлении русско-казахской школы и на территории Тургайской области. В 1879 г. он получил назначение на должность инспектора школ Тургайской области. При его активном содействии в период его нахождения на службе были открыты по одному двухклассному русско-казахскому училищу в Иргизском, Николаевском, Тургайском и Илецком уездах. Позднее, в 1891 г. И. Алтынсариным было создано первое женское училище с интернатом в г. Тургай, в 1893 г. – в Кустанае, в 1896 г. – в Актобе. Просветитель плодотворно трудился для развития казахской литературы и культуры, в области формирования казахского языка. Об это свидетельствуют созданные ими «Киргизская хрестоматия», составленная им на основе русского алфавита, и «Начальное руководство в обучении киргизов русскому языку»²³².

Расширение школьного образования и сдвиги в социально-экономическом облике казахского общества как никогда остро поставили вопрос о подготовке кадров. Первыми профессиональными учебными заведениями были Туркестанская учительская семинария, основанная в 1879 г., и Оренбургская казахская учительская школа (1883 г.). Положение о казахской учительской школе, утвержденное Госсоветом еще в 1880 г., предусматривало ежегодно выделять 17580 руб. на содержание школы. Позже учительские семинарии открылись в Актюбинске, Верном, Семипалатинске, Уральске. Эти учебные заведения подготовили за весь дооктябрьский период 300 учителей-казахов.

Таким образом, в 60–90 е гг. XIX в. в Степном крае начался процесс создания образовательных учреждений синтезного характера, позволявших обеспечить условия для относительно конструктивного взаимодействия русского и казахского населения. Ими стали русско-казахские школы с пансионатами при

²³¹ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том. 3. Алматы, 2000. С. 523.

²³² Там же.

них. Важно отметить, что все направления организации образовательного пространства были обусловлены целевыми установками имперской администрации на включение указанного региона в общеимперское пространство. Именно «синтезный вариант», предусматривающий аккультурацию, являлся в большей степени нейтральным, не затрагивавшим сферу этноидентификации казахов.

Однако в целом необходимо признать, что процесс создания начальных русско-казахских школ в Степном крае в 60–90 гг. XIX в. не стал массовым. По мнению региональных чиновников «имперские распоряжения были поспешными, опережающими реальными условиями, существовавшими в казахской степи». Интернаты для казахских детей при русско-казахских школах создавались лишь в областных или уездных центрах, что снижало их привлекательность для казахского населения, в большинстве занимающегося полукочевым скотоводством. «Потребность в государственных школах здесь появилась лишь в самом конце XIX в., когда возрос поток русских переселенцев и увеличилось число казахов, ведущих оседлый образ жизни»²³³.

Действительно, ситуация стала преломляться на рубеже XIX–XX вв. На повестку дня встал вопрос о создании школ, доступных широкому слою казахского общества буквально по месту жительства.

11 октября 1901 г. МНП были утверждены «Правила для аульных русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей». Аульные школы, открывавшиеся с целью «наиболее широкого распространения образования среди киргизского населения» указанных областей находились в подчинении волостных или двухклассных русско-киргизских школ. Внутреннее обустройство школ должно было соответствовать быту казахского населения, а программа обучения – первому и второму отделениям волостной одноклассной школы.

Прописанный в «Правилах» распорядок учебного процесса выглядел следующим образом. Учебный год прерывался на два каникулярных месяца

²³³ Плахотник Т.Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/302784.html>

(апрель, сентябрь) и проходил «с октября до апреля в (наемных) землянках, с мая до сентября в (наемных же) кибитках <...>. Учитель аульной школы обязан раз в год, по усмотрению инспектора школ, доставлять своих учеников на испытание особой комиссии при волостной школе, в районе которой находится аульная школа и в случае удовлетворительного отзыва этой комиссии об успехах учеников аульной школы учитель имеет право на получение особого единовременного вознаграждения, размер которого определяется всякий раз попечителем учебного округа»²³⁴.

Учебный план соответствовал общегосударственным стандартам рассматриваемого периода. Среди его предметов были: «а) русский язык, б) чистописание русское и татарское, в) арифметика и способ счисления на счетах, г) татарский язык, д) закон магометанский и г) составление деловых бумаг и общие понятия о российском законоположении». Относительно дальнейшего участия усвоивших образовательную программу казахов отмечалось: «По выходе из школы служат в орде при безукоризненном поведении, засвидетельствованным волостным управителем и старшим султаном округа, 6 лет или несколько менее сего срока, если при том достигли совершеннолетнего возраста, т. е. 21 года от роду, общества могут избирать в волостные управители и киргизские заседатели в окружные приказы»²³⁵.

В рамках усиления контроля за училищной частью постановлением 1 января 1902 г. в Степном крае вводилась должность директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей, подотчетного МНП.

Создание аульных инородческих школ в Степном крае, безусловно, демонстрировало ориентированность образовательной политики на полиэтничную карту региона. Однако появление подобной мотивации в управленческом аппарате не было данностью, а формировалось по мере выстраивания «этно-дифференцированных», в соответствии контингенту

²³⁴ Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3. С. 2136.

²³⁵ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев [и др.]. Алма-Ата, 1964. Док. № 280. Ст. 34. С. 429.

учащихся, учебных заведений. Отметим, что, несмотря на подчинение Степного края управленческой структуре Западно-Сибирского учебного округа, и соответственно, МНП²³⁶, над Акмолинской и Семипалатинской областями также не прекращался контроль МВД. В первом случае учреждался свой административный аппарат: в начале XX в. кроме попечителя, для указанных областей назначался один смотритель, один директор народных училищ, а также два инспектора²³⁷. Во втором – согласно «Положению об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» от 25 марта 1891 г., военному губернатору принадлежало «общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения в губернии», и право «сообщать министерству народного просвещения свои по означенному предмету замечания и соображения»²³⁸.

Однако инородческие школы, русско-казахские и аульные, в большей степени подчинялись контролю МНП, координировавшего форму и содержание образовательного процесса, тогда как за генерал-губернатором оставалось решающее мнение одобрения/возражения с точки зрения риска дезинтеграции (усиления волнений в казахском обществе).

В «Правилах о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России», утвержденных министром народного просвещения 31 марта 1906 г., еще раз подтверждались принципы осуществления образовательной интеграции. В этот раз форма и содержание русификации выражалась в разделении инородческих школ для потенциальных учащихся на частично и слабо ассимилированных. Так, инородцам, отдельно проживавшим от русского населения и незнающим русский язык предлагалось обучаться в первоначальных училищах (школах грамоты), начальных одноклассных и двухклассных училищах. Основой обучения по-прежнему был инородческий язык с

²³⁶ См. подробнее: Блинов Л.В. Западно-Сибирский учебный округ [Электронный ресурс]. URL: <http://russiasib.ru/zapadno-sibirskij-uchebnyj-okrug/>

²³⁷ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. Изд. 2-е. СПб., 1886. Ч. 2. С. 159.

²³⁸ Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской: текст по изданию 1892 г. Омск, 1893. С. 102.

постепенным переходом на преобладание русского. Во втором варианте, инородцы, проживавшие смешанно с русскоязычным населением и владевшие русским языком, подвергались более интенсивному инкорпорированию в имперскую культурно-образовательную среду. Поскольку русский язык должен был максимально замещать инородческий. Контроль также возлагался на инспекторов народных училищах в соответствующем учебном округе. Применительно к инородческим, русско-казахским и аульным, школам Степного края важно отметить, что Правила 1906 г. в целом закрепляли установленную практику и проводили сформировавшуюся линию образовательной интеграции казахов под руководством МНП. Важно также подчеркнуть, что та часть правил, которая касалась именно начальных школ, подведомственных МНП, инородческих, при упоминавшихся ранее редакциях, не претерпела существенных изменений. Причина в неизменности курса МНП на интенсивную русификацию посредством «синтезного варианта», на пересечении культур, инородческих школ, в добровольном включении в данном случае казахского населения в ассимиляционный процесс. Медленными темпами возникавшие такого вида школы свидетельствовали о протекании процесса образовательного инкорпорирования в форме открытого диалога, в который вступали казахи добровольно включаясь к имперское образовательное пространство и принимая условия МНП. В противовес этому процессу – инкорпорирование конфессиональной иноверческой школы, когда при любой попытке интенсифицировать темпы русификации с передачей контроля от над мусульманскими школами от МВД инспекторам народных училищ от МНП, возникали волнения среди мусульман, и казахов Степного края в частности.

Ввиду указанных причин МНП продолжало стимулировать добровольное включение казахов в образовательный процесс, им организованный, усиливать мотивацию к обучению в инородческих школах, наиболее близко соотносившихся с мусульманским мировоззрением. Еще раз отметим, что организованная для мусульман-казахов, аульная школа была наиболее близка, т.к. сохраняла религиозный компонент. В содержание учебной программы было включено, по

аналогии с программой обучения в мектебах, изучение Корана. Дети инородцев, «поступившие в начальные училища народного типа, освобождались от посещения уроков Закона Божия, церковно-славянского языка и церковного пения»²³⁹. Тем самым, по мнению администрации, аульная школа могла выступить альтернативой традиционной мусульманской, становилась более привлекательной для казахского населения и исключала возможность неуспешной адаптации учеников²⁴⁰.

Таким образом, уместно определять данного типа инородческую школу как образовательное учреждение, организованное исключительно с позиций балансирования в обстоятельствах преобладания кочевого населения над оседлым переселенческим. Преследуя цель – создать оптимальных баланс в этнокультурном взаимодействии и реализовать политику русификации, имперская администрация стремилась сделать аульную школу более привлекательной для детей казахов. В то же время акцент в таком типе школы, не смотря на присутствие религиозного, ставился на светский компонент. В конечном итоге аульная школа должна была вытеснить мусульманскую школу из образовательного пространства Степного края.

Практика строительства аульной школы показала, что подавляющее большинство учеников в них составляли казахи. Фактически аульные школы стали единственным типом начальных школ, созданных именно для казахов. Как отмечает Т.Ю. Плахотник, «развитие школьной сети в крае шло при участии областных властей, взявших на себя, в основном, функции организации школ и учебного процесса, контроля над расходованием средств Об этом, в частности, свидетельствует переписка между инспектором народных училищ и директором народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей»²⁴¹.

²³⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 816. Л. 241об.

²⁴⁰ Курбанов А.А., Кузьмин О.Д. Очерки по истории развития педагогической мысли в Туркестане. (1886–1941 гг.). Ч. 1. Ашхабад, 1972. С. 25

²⁴¹ Плахотник Т.Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/302784.html>

Тенденции на увеличение численности аульной и русской-казахской школы, впрочем, как и учебных заведений для русского населения, актуализировали необходимость интеграции Степного края через систему инспекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа. В 1902 г. инспекторский состав училищ Акмолинской и Семипалатинской областей был увеличен до трех, в 1907 г. – до пяти. Проведены были мероприятия по перераспределению инспекторских районов в областях: Акмолинская область была разделена на три, а Семипалатинская – на два инспекторских района, а в 1916 г. число районов по областям достигло четырех и трех соответственно²⁴². В целом, преобразования характеризовали тенденцию – распространение общей модели регулирования образовательного процесса в империи на области, подведомственные Западно-Сибирскому окружному начальству, в том числе и на этнорегион Степного края²⁴³.

Большое внимание имперской администрацией уделялось подбору учительских кадров для русско-казахских, аульных школ. Перечисленные законодательные предписания указывали на кадровую политику как отвечающую задаче инкорпорирования инородческого населения в общеимперское образовательное пространство. Учителя в русско-казахских, аульных школах должны были соответствовать установленному образовательному цензу и владеть русским языком (если были выходцами из инородческой среды, если русскоязычные, то – инородческим наречием)²⁴⁴.

При подборе учительских кадров предпочтение оказывалось лицам, лояльным административным структурам и в то же время вызывавшим доверие казахского населения. От учителей требовалось как квалифицированная

²⁴² В 1916 г. населенные пункты Акмолинской области были разделены следующим образом: в состав первого инспекторского района входил Омский уезд, в состав второго – Петропавловский, третьего – Кокчетавский, четвертого – Атбасарский и Акмолинский уезды. Контроль над Семипалатинской областью осуществляли по инспекторским районам: первый включал в себя школы Семипалатинского и Каркаралинского уездов, второго – Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов, третьего – Павлодарского уезда. См. подробнее: Голикова О.А. Формирование инспекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. № 4/3 (68). 2010. С. 52.

²⁴³ Голикова О.А. Формирование инспекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. № 4/3 (68). 2010. С. 52.

²⁴⁴ Андреев М. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России. Симбирск, 1907. С. 1–16.

профессиональная деятельность, так и ведение строгой отчетности по расходованию средств. По сути учителя являлись посредниками в процессе русификации и должны были создавать ситуацию предпочтения министерских школ мусульманским.

Данный момент был важен еще и потому, что, по мнению региональной администрации, система инородческого, а внутри него – аульного образования являлась самым перспективным направлением в формирующемся образовательном пространстве Степного края. Свои выводы чиновники строили на фактах финансовой поддержки зажиточным казахским населением деятельности местной администрации в данном направлении, которые имели место быть.

Показателем ориентированности на этническую разнородность региона образовательных учреждений является инициированная в начале XX в. Министерства народного просвещения секретная переписка с попечителем Западно-Сибирского учебного округа о диагностике педагогических кадров на наличие специалистов, знакомых с преподаванием в инородческих школах²⁴⁵. 21 сентября 1916 г. товарищ министра народного просвещения А. Рачинский направил попечителю «по встретившейся надобности» предложение, чтобы он сообщил, «сведения о том, кто из подведомственных <...> директоров и инспекторов народных училищ и других чинов вверенного <...> округа: а) имеет практическое знакомство с постановкой учебного дела в инородческих начальных школах и б) знает инородческие языки и какие именно»²⁴⁶.

Вследствие дальнейшей рассылки предложения директорам народных училищ, учительским институтам и семинариям обозначенного округа по Акмолинской и Семипалатинской областям подали сведения следующие учебные заведения: директор народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей М. Филиппов сообщил, что «все инспектора народных училищ вверенной мне дирекции имеют практическое знакомство с постановкой учебного

²⁴⁵ Стурова М.В. Степной край в составе Западно-Сибирского учебного округа: особенности управления (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 28–31.

²⁴⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 109. Л. 38.

дела в инородческих русско-киргизских школах, так как таковые они имеют в своем ведении, в особенности же инспектора: Омского уезда, статский советник Степанов, Петропавловского – статский советник Греховодов, Семипалатинского – статский советник Скорковский» (инородческих языков не знают), а также учитель высшего начального училища, губернский секретарь Иван Григорьев (владеет татарским и казахским языками). Отдельно отмечается знакомство самого М. Филиппова, знающего и казахский, и татарский языки, с преподаванием в конфессиональных школах («в мектебах и медресе, где ведется преподавание на татарском языке»)²⁴⁷.

Семипалатинская учительская семинария имени Цесаревича Алексея заявила о преподавателе казахского языка коллежском секретаре Нургалии Кульджанове, имевшего опыт управления русско-казахскими школами Уральской и Тургайской областей²⁴⁸. Среди лучших выпускников Омского учительского института директором Ф. Шубиным назван И.А. Матвеев, на момент сбора сведений преподававший во втором Омском высшем начальном училище, владевший и казахским, и татарским языками. При Омской учительской семинарии в двухклассном училище также нашелся специалист по постановке учебного дела в инородческих школах – учитель И. Лозовой²⁴⁹.

К 9 ноября 1916 г. сведения в комплексном виде были поданы в МНП. В частности в отпуске окружного инспектора А. Алекторова относительно информации о Степном крае указывалось: «Из директоров и инспекторов народных училищ и других чинов Западно-Сибирского учебного округа имеют практическое знакомство с постановкой учебного дела в инородческих начальных школах следующие лица: 4 директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей» и 3 учителя упомянутых учебных заведений. В отпуске дополнительно сообщалось о том, где получили образование упомянутые учителя и директора, а также, где приобрели необходимый для сообщения в министерство опыт: статский советник Филиппов – окончил курс в Казанской

²⁴⁷ ГАТО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 109. Л. 43.

²⁴⁸ Там же. Л. 46.

²⁴⁹ Там же. Л. 49.

духовной академии, «со степенью кандидата Богословия, знает хотя и не в совершенстве татарский и киргизский языки»; инспектор народных училищ Омского уезда Степанов окончил курс Омской учительской семинарии, выпускником Оренбургского учительского института был инспектор Греховодов; Статский советник Скорковский окончил Виленский учительский институт; преподаватель киргизского языка Н. Кульджанов, «киргиз по происхождению, магометанин», окончил «курс в Оренбургской учительской школе»²⁵⁰.

Следовательно, возникшая потребность в специалистах, ориентированных на преподавание в полиэтничной среде, и их скромное количество – вместе свидетельствуют о начальном этапе адаптации образовательной политики к этнорелигиозным особенностям изучаемого региона. Данные о полученном педагогами образовании являются прямым указанием на преобладание тенденции приглашать (направлять) специалистов, прошедших обучение в таких крупнейших культурно-образовательных центрах, как Оренбург и Казань. Исключением является только персона учителя И.А. Матвеева, отличившегося успехами в обучении в Омском учительском институте.

Одним из важнейших обстоятельств, препятствовавших «обрусению», являлось отсутствие преподавательских кадров, компетентных в вопросах православно-мусульманского взаимодействия. Так, несмотря на действующее правило принимать в семинарии и институты лиц православного исповедания, в порядке исключения, в Омскую учительскую семинарию, изначально принималось «1–3 своекоштных воспитанника из числа киргиз». В дальнейшем планировалось даже открытие Томской учительской семинарии, в которой предполагалось обучать до 10 «инородцев» для подготовки из них учителей для инородческих школ»²⁵¹.

От осознания необходимости и отдельных попыток организации учреждений, подготавливавших педагогические кадры, до целенаправленных

²⁵⁰ ГАТО. Ф. 126. Оп. 3. Д. 109. Л. 55 – 55 об.

²⁵¹ Чуркина Н.И. Социокультурный образ региона в составе воспитанников педагогических учебных заведений Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 2010. С. 230.

мероприятий прошло несколько десятилетий: так, в 1910 г., когда «Министерство народного просвещения, озабочиваясь открытием новых учительских институтов, остановилось на предположении о желательности открытия второго учительского института в Западно-Сибирском учебном округе»²⁵².

По итогам заседания Омской городской думы было вынесено постановление от 7 января 1911 г., в котором указывалось на содействие в учреждении института училищной комиссии, которая «со своей стороны признала возможным предоставить Учительскому институту в пользование на все время его существования участок городской земли». Председатель Комиссии Я.С. Севастьянов также отметил, что «при Учительском институте для практических занятий учащихся должно быть открыто городское по положению 1872 г. училище, в котором в данное время ощущается настоятельная неотложность»²⁵³. Предоставляя участок земли, комиссия предложила взять финансовую сторону учреждения «образовательного комплекса» (институт и училище) городскому управлению.

Результатом заседания явилось постановление Думы о выделении необходимого участка «в бесплатное пользование на все время существования Института без права эксплуатации этого участка» и ассигновании пособий из городской казны в размере 20000 руб. (единовременно – по случаю открытия) и 5000 р. (ежегодно – на содержание) «при условии, чтобы при Институте было учреждено для практических занятий учащихся городское по положению 1872 г. училище»²⁵⁴.

Первым учебным годом Омского учительского института МНП указывался 1912/13 г.²⁵⁵, предварительно сообщалось о необходимости составить роспись сумм на оборудование классов, подыскание помещения, его ремонт либо постройку нового здания. Механизм эффективного управления процессом обеспечения материальной базой, а также набора ученического контингента

²⁵² ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2545. Л. 1.

²⁵³ Там же. Л. 8.

²⁵⁴ Там же. Л. 9.

²⁵⁵ Там же. Л. 15.

достигался за счет распределения обязанностей следующим образом: в то время, когда городской голова заключал договор аренды помещения, разрабатывал с помощью архитектора проект размещения классных комнат, назначенный директором Ф. Шубин занимался подготовкой кадрового состава; прием заявлений от намеревавшихся держать вступительные экзамены осуществлял директор народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей М. Филиппов (на момент подачи отчета Попечителю Западно-Сибирского учебного округа, 20 августа 1912 г., им было принято 25 прошений).

Особенного внимания заслуживают прошения, направляемые на протяжении 1912–1913 гг. на имя самого попечителя Л.И. Лаврентьева. Под «особыми случаями» подразумевались обстоятельства, исключавшие возможность допуска к вступительным экзаменам на общих основаниях: например, среди контингента поступающих заявлял о себе действующий учитель, желавший продолжить обучение, но имевший семью²⁵⁶; учитель, получивший отказ директора и пожелавший добиться удовлетворения прошения непосредственно через попечителя²⁵⁷; учительница с. Новопокровское Кокчетавского уезда с десятилетним педагогическим стажем преподавания в начальных училищах²⁵⁸.

Необходимо также отметить, что среди подававших прошение о допуске к вступительным испытаниям в 1912–1913 гг. были и казахи. И если обращение киргиза «Маралдинской волости Павлодарского уезда, Семипалатинской волости Эдрес Оразалин, магометанского исповедания, прожив. в С-Петербурге <...> в Министерство Народного Просвещения, с ходатайством о разрешении ему

²⁵⁶ Так, от учителя Омской учительской семинарии И.А. Данилова 2 июля 1912 г. поступило заявление с мотивировкой «продолжать образование во вновь открывающемся Омском учительском институте», чтобы получить возможность «путем дальнейшего образования, выйти из того полунищенского существования, которое приходится влечь в виду дороговизны жизни и семейного положения» // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2545. Л. 19, 25.

²⁵⁷ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2545. Л. 41 – 41об.

²⁵⁸ В своем прошении Ольга Лисавина ссылалась на невозможность покинуть пределы округа («материальная необеспеченность» и возраст не позволяют получать высшее образование за пределами округа»). А поскольку «жажда знания растет не по дням, а по часам», и в формально-правовом отношении есть «разрешение Министерства Народного Просвещения поступать женщинам во все другие высшие учебные заведения», заявитель настоятельно просила, «если же поступить на стипендию окажется почему-либо невозможным, то прошу, хотя, допустить вольнослушательницей» // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2545. Л. 102 – 102об.

поступить в число воспитанников Омского учительского института»²⁵⁹ было удовлетворено, то прошение учителя Павлодарского двухклассного русско-киргизского училища Абыкея Сатпаева попечитель отклонил²⁶⁰.

Однако прошения практически всех обратившихся к попечителю лично остались без удовлетворения, хотя ограничения по этнической принадлежности и вероисповеданию не ставились, а также отсутствовало требование знать инородческие языки на этапе вступительных экзаменов (испытанию подвергалось знание курса русской истории и русского языка).

В большинстве случаев в ответном письме причина отказа не обозначалась, чаще всего указывалось в качестве комментария на полях того же ходатайства «брачное состояние» заявителя. Лишь анализ расходных росписей института косвенным образом указывал на жестко обозначенный предел расходов (упомянутые 5000 руб. в год), исключающий возможность материального обеспечения «особых случаев». Отсутствие же резервных мест и прием в короткие сроки, по случаю объявления об открытии учительского института, сразу 25 заявлений – свидетельствовали не только о насущной необходимости учительского состава следовать «по пути прогресса народного образования»²⁶¹, но и своевременной реализации плана организовать в округе центр подготовки кадров, ориентированный на области Степного генерал-губернаторства.

Заинтересованность имперской администрации в распространении именно аульной русско-казахской школы определяется также посредством изучения финансовых предпочтений Степному краю, в сравнении с другими этнорегионами. Так, начало XX в. отмечено стимулированием роста образовательных учреждений светской направленности, строительством аульных школ для детей казахов²⁶². Расход сумм, а также порядок распределения денежных средств подробно указывался в «Правилах для аульных русско-

²⁵⁹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2545. Л. 68.

²⁶⁰ Там же. Л. 178.

²⁶¹ Там же. Л. 102.

²⁶² Стурова М.В. Приоритетные направления в материальном обеспечении учебных заведений Степного генерал-губернаторства на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: Девятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник материалов научной конференции (3–4 октября 2013 г., г. Барнаул) / Отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул, 2014. С. 98–99.

киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей», утвержденных 11 октября 1901 г. Открывавшиеся с целью распространения имперской системы образования на казахское население, аульные школы на местах находились под контролем заведующего волостной или двухклассной русско-киргизской школы, при которой организовывалась сама школа. Затраты на содержание школ относились на счет волостных сборов по генерал-губернаторству. Однако «Правилами» предусматривалась возможность, в случае недостатка средств, обращения за «пособием от казны из сумм, отпускаемых на нужды народного образования в этих областях»²⁶³.

Преимущество областей Степного генерал-губернаторства просматривается в сравнении с регламентацией правил открытия русско-туземных и аульных школ в Оренбургском учебном округе. Например, в утвержденных в 1899 г. «Правилах» «в виду обнаружившегося среди киргиз Уральской области стремления к обучению своих детей русской грамоте» и невозможности по смете МНП (за счет земских сборов) открывать дополнительные школы, «волостным, аульным обществам, а также частным лицам предоставляется право, с надлежащего разрешения учебного начальства, открывать и содержать на свой счет русско-киргизские школы грамоты»²⁶⁴. Необходимо было также обозначить в приговоре финансовое отношение к ней учеников: либо обучение должно производиться на бесплатной основе для всех желающих, либо за счет средств родителей учеников, или исключительно детей, родители которых были членами общества, и, соответственно, ее учредителями.

В указанном учебном округе по «Правилам», разработанным для Тургайской области, фиксировалась сумма ежегодного содержания аульных школ: «а) на жалованье учителю 180 р., с правом получения за каждого удовлетворительно сдавшего экзамен ученика от 5 до 10 р., б) за наем квартиры

²⁶³ Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3. Ст. 7. С. 2136.

²⁶⁴ См. подробнее: Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3. Ст. 10. С. 2137.

(зимой – землянка, летом – кибитка) по 5 р. в месяц – 60 р., в) на жалование сторожу – 24 р., г) на учебные книги и письменные принадлежности 20 р. и д) на мелочные расходы по передвижению школы и ее учеников 40 р., и всего 324 р.», и на текущие расходы – 25 руб. 50 коп.²⁶⁵

Примечательно, что, согласно «Правилам», разработанным для Оренбургского учебного округа, «татарам и другим инородцам магометанского исповедания содержание школ грамоты в зауральской степи не разрешается»²⁶⁶, хотя организация мечетей и школ казахами, например, Акмолинского округа Области сибирских киргизов была разрешена еще в 1860-х гг.²⁶⁷ Относительно же инициативы татар в организации школ для казахов допускалось только совместное открытие образовательных учреждений при участии русского населения, соответственно, русско-казахских школ: «Частные лица из киргизов или русских, желая содержать русско-киргизскую школу грамоты на свои средства с приглашением учителя для обучения детей, подают о разрешении открыть школу прошения инспектору народных училищ области, прилагая подписку в том, что при школе они обязуются не допускать не только к учительству, но и для услуг татар и других, кроме киргизов, инородцев магометанского исповедания».

Следовательно, в пределах Оренбургского учебного округа законодательное оформление получило право местного населения из собственных средств организовывать данного типа школы (хотя инициатива исключительно от мусульман исключалась). Значит, в сравнении со Степным краем, в данной местности более выражена была мотивация получения образования казахским населением, и, напротив, касательно Акмолинской и Семипалатинской областей, данный процесс стимулировался и поддерживался «сверху», на министерском

²⁶⁵ «Правила аульных русско-киргизских школ Тургайской области», утвержденные Попечителем Оренбургского учебного округа в 1892 г. // Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3. Ст. 13. С. 2139–2141.

²⁶⁶ Настольная книга по народному образованию... Т. 3. Ст. 19. С. 2139.

²⁶⁷ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев [и др.]. Алма-Ата, 1964. Док. № № 335, 345. С. 499, 526.

уровне, что выражалось в выдаче дополнительных кредитов, пособий и разрешении казахам организовывать за свой счет школы.

Свидетельством самостоятельности Степных генерал-губернаторов видоизменять образовательное пространство региона и определять судьбу аульной казахской школы являются «Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края»²⁶⁸. Наряду с комплексов вопросов экономического свойства, вынесенных на повестку дня Совещания, обсуждению подверглись и вопросы, связанные с развитием системы начального школьного образования в регионе. Дискуссия о судьбе аульной русско-казахской школы во многом была связана с отрицательной реакцией мусульманской общественности на введенные в 1906 г. «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России». Отмена некоторых статей новой редакции Правил, принятых в конце 1907 г., актуализировала обсуждение проблемы в Степном крае. Необходимо подчеркнуть, что на заседания Частного совещания были приглашены и представители казахского населения, принимавшие активное участие в дискуссии. Делегатами от казахов были озвучены проблемы, в решении которых они ожидали встретить содействие чиновников имперской администрации. В частности, на одной из четырех комиссий, посвященной вопросам образования и проходившей под председательством А.Е. Алекторова, были заявлены вопросы об открытии мусульманских семинарий, мектебов и медресе без классов по русскому языку. В разделе опубликованных Трудов, называвшемся «Школьная программа», применительно к аульным школам отражено ходатайство казахов об обучении в них родному языку и установлении арабской транскрипции в учебниках. Кроме прошений о дозволении свободно открывать мектебы и медресе, указывалось на необходимость увеличения стипендий для казахов, намеревавшихся поступать в низшие, средние и высшие учебные заведения. Более того, содержится также ходатайство о назначении при

²⁶⁸ Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908.

министерских школах, в которых обучались казахи, вероучителей ислама собственно из казахов²⁶⁹.

Итогом работы совещания под руководством степного генерал-губернатора И.П. Надарова стали резолюции и постановления, в которых неуклонно соблюдался курс на продолжавшуюся русификацию, подразумевавшую учреждение классов русского языка при мектебах и обеспечение контроля над русско-казахскими школами со стороны МНП. Выражено было согласие в вопросе о назначении мусульманских вероучителей в школах, где обучались дети казахов²⁷⁰. Однако сделанные уступки в сторону усиления рычагов этноконсолидации казахов нейтрализовывались соответствующими контрусловиями и в целом, позиция МНП на активную аккультурацию поддерживалась и впредь²⁷¹. В аульных школах решено было оставить прежний порядок (соблюдать условие – преподавание на языке учащихся) с акцентом на хорошее знание учителями казахского языка²⁷².

Всего к 1916 г. в Акмолинской области функционировало 84 аульные русско-казахские школы, из которых 4 являлись двухклассными с интернатами для русских и казахских детей. При одной из них имелась слесарно-ремесленное отделение²⁷³.

Для успешной реализации задач интеграции казахского населения Степного края в общеимперскую систему начального школьного образования была реализована попытка его включения в процесс обучения в миссионерских православных школах. Воплощение данной идеи было возложено на Киргизскую миссию Омской епархии, созданную по настоятельной рекомендации Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД и Святейшего

²⁶⁹ Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года Степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. Омск, 1908. С. 5, 66–90.

²⁷⁰ Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года Степным генерал-губернатором ... С. 90.

²⁷¹ Например, в Трудах указано: «Выслушав вышеизложенные соображения, Совещание признало возможным допустить открытие магометанских семинарий, но с обязательным изучением в них русского языка, русской истории и географии, и с тем, чтобы семинарии эти были в ведении Мин[истерства] Народн[ого] Просвещения и содержались на средства киргизских обществ и частных пожертвований» // Там же. С. 67.

²⁷² Там же. С. 83.

²⁷³ Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Док. № 89.

Синода в 1895 г.²⁷⁴ Создание сети миссионерских школ для казахских детей в полной мере соотносилось в основной целью деятельности Киргизской миссии: ограничение влияния ислама в степи и распространением православной идеологии.

Следует отметить, что в процессе организации деятельности миссионерских школ в Степном крае, служащие миссии руководствовались теми же принципами, что и чиновники МНП при создании аульных русско-казахских школ. В его основе было заложено несколько принципов. Во-первых, обучение в миссионерских школах Степного края выстраивалось в рамках системы Н.И. Ильминского и соотносилось с созданной им четырехгодичной программой для инородческих школ. Главное место в данной образовательной системе отводилось идее распространения христианства среди инородческих народов империи на их родном языке. Метод считался «единственно приемлемым, способным дать положительные результаты в деле просвещения инородцев и их обрусения, действенным методом борьбы с исламом. Поэтому, безусловно, конечным итогом деятельности Киргизской миссии должна была стать русификация детей инородцев», освоение ими русского языка и православной догматики»²⁷⁵. В тоже время отметим, что в школах Киргизской миссии на уроках Закона Божия присутствие казахских детей было не обязательным, в некоторых из интернатов для учащихся-мусульман как альтернатива преподавались основы ислама.

Посетивший миссионерскую школу п. Преображенского Буконьского стана в 1897 г. семипалатинский краевед Н.Я. Коншин, так описывал процесс обучения/русификации: «Мальчики и девочки обучаются в устроенной в поселке трехклассной школе. Преподают Закон Божий, арифметика, русский и киргизский языки, причем в первом, и отчасти, во втором классе преподавание происходит на киргизском языке, в 3-м – на русском. Киргизские книги употребляются исключительно с русским алфавитом и без всякой, по

²⁷⁴ Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Межэтнические процессы на Алтае в XVIII – начале XX в. на примере русского и казахского этносов. Барнаул, 2013. С. 150–151.

²⁷⁵ Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.) Барнаул, 2010. С. 164.

возможности, примеси татарских и арабских слов. Учитель в школе – крещенный татарин, окончивший курс в Казанской миссионерской школе Братства Святого Гурия. Из школьников составлен хор, который в церковные праздники поет на русском и киргизском языках»²⁷⁶.

Во-вторых, в рамках системы Н.И. Ильминского важное значение для более продуктивной православной пропаганды среди казахского населения и освоения им русского языка огромное значение придавалось факту полиэтничности Степного края, а именно присутствию в нем русского православного населения. Последнее активно привлекалось служащими Киргизской миссии к проведению конкретных пропагандистско-просветительских мероприятий. Поэтому в процессе миссионерского школьного строительства акцент делался на организацию смешанной формы обучения казахских детей и детей крестьян-переселенцев.

В-третьих, позитивным принципом организации школ при станах миссии стало создание при них интернатов, в которых размещались казахские и русские дети. Таким образом, учитывалось своеобразие системы жизнеобеспечения казахов, характеризующееся господством кочевого способа ведения хозяйства и, как следствие, мобильностью населения степи. Кроме того, в процессе хозяйственного освоения Степного края, значительная часть русского населения расселялась на хуторах и отдаленных заимках. Это создавало определенные трудности для обучения детей в церковно-приходских школах, расположенных на значительном удалении от места проживания. Система интернатов помогала решить данную проблему. Например, в 1900 г. такой интернат был организован при Актюбинской миссионерской школе для 18 казахских мальчиков из Бурлинской, Бестамакской, Кара-Тургайской, Успыл-Каринской волостей и 9 русских мальчиков из хуторов Кос-Естек, Тастысай²⁷⁷.

Учитывая затруднительное финансовое положение большинства новокрещенных казахов и крестьян-переселенцев, обучение для их детей в

²⁷⁶ Яковлев Н. (Н.Я. Коншин). По Усть-Каменогорскому уезду. Путевые заметки // Семипалатинские областные ведомости. № 45–46. 1898. 1899. № 4. Часть неофициальная.

²⁷⁷ Отчет Киргизской миссии за 1901 г. // ОмЕВ. 1902. № 11–12. 1–15 июня. С. 22.

школах и проживание в интернатах при них являлось бесплатным. Миссионерские школы, как правило, содержались на средства, отпущенные Синодом Киргизской миссии или на средства, полученные от доходов Омской епархии и Сибирского казачьего войска. Например, в Центральном, Большенарымском, Буконьском и Атбасарском станах миссионерские школы содержались на средства миссии, а остальные пять – на средства Сибирского казачьего войска. В 1900 г. Буконьском стане в интернате воспитывалось 8 пансионеров, в Атбасарском – 22 мальчика. В женской ключевской общине Центрального стана миссии в Заречной слободе (пригород г. Семипалатинска) в интернате проживал 21 ребенок – 19 девочек и 2 мальчика. Учащиеся миссии поступали на «полное государственное обеспечение»: для них устраивались спальные места, покупались кошмы, подушки, суконные одеяла, бедным – одежда и обувь, обеспечивались они комплектами учебников и всеми школьными принадлежностями²⁷⁸.

Проведенный в рамках исследования анализ отчетов Киргизской миссии о своей деятельности за период 1898–1913 гг. позволили выявить динамику школьного строительства и вовлеченности в обучение казахских и русских детей. В 1898 г. в Киргизской миссии функционировало 9 миссионерских школ с 24 – учениками-казахами и 245 – русскими. К 1913 г. таких школ было открыто 18, число обучающихся составило 63 казаха и 612 русских. Полученные данные позволяют утверждать, что вопросу школьного образования Омские епархиальные власти, Синод и Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД придавали огромную роль в реализации политики интеграции Степного края в общеимперское образовательное пространство. В период Русско-японской, Первой мировой войны, когда в целом по стране происходило сокращение финансирования на церковно-миссионерских нужды, количество школ Киргизской миссии неизменно возрастало. В то же время следует подчеркнуть, что основной контингент учащихся в школах миссии составляли дети крестьян-переселенцев. Данная ситуация объяснялась недостаточно развитой

²⁷⁸ Омская Киргизская миссия в 1900 г. // ОмЕВ. 1901. № 13–14. 1–15 июля. С. 3.

церковно-приходской и церковно-школьной системой Омской епархии, переживающей на рубеже XIX–XX вв. этап своего становления. Нехватка церковно-приходских школ компенсировалась, в том числе миссионерскими школами Киргизской миссии.

Выпускники школ миссии имели возможность продолжить религиозное образование в Казани, но наиболее «популярным» было Бийское катехизаторское училище (г. Бийск), подчинявшееся Алтайской миссии и занимавшееся подготовкой кадров для миссионерского дела. В 1895 г. здесь обучалось 6 казахов²⁷⁹, в 1901 г. сюда поступил учиться один выпускник миссионерской школы казах Роман Яковлев²⁸⁰. В начале XX в. возникла идея о создании собственного катехизаторского училища, поскольку Бийское «...не может вполне быть пригодно» для Киргизской миссии, так как «...в нем не изучается киргизского языка, не дается сведений о мусульманстве, не преподается и полемика против него ...». В 1902 г. миссия ходатайствовала перед епархиальными властями об открытии в миссии своего катехизаторского училища, но идея так и не была воплощена в жизнь²⁸¹.

В тоже время следует отметить, что обучение в миссионерских школах и приютах Киргизской миссии не ставило задачи подготовки кадров миссии, каждому учащемуся предоставлялось право выбора, более того учителя школ делали все возможное для успешного перехода учеников «во взрослую жизнь». Так, в 1901 г. в школе Центрального стана Киргизской миссии Омской епархии – Заречной слободе в порядке эксперимента была открыта столярная мастерская, в которой воспитанники приюта учились столярному мастерству, что бы, окончив школы, они имели «в запасе полезные познания, хоть в каких-либо ремеслах». На этих занятиях учащиеся изготавливали «табуреты для своей комнаты, рамки для картин, ...для этого назначено определенное время, установлены очереди, что бы мастеру было легче следить и делать указания»²⁸².

²⁷⁹ Отчет Алтайской духовной миссии за 1895 г. // ТомЕВ. 1896. № 6. 15 мар. С. 39–42; Отчет Бийского катехизаторского училища за 1894/95 учебный год. // ТомЕВ. 1896. № 13. 1 июл. С. 34.

²⁸⁰ Отчет Киргизской миссии за 1901 г. // ОмЕВ. 1902. № 11–12. 15 июн. С. 13.

²⁸¹ Отчет о состоянии Киргизской миссии за 1902 г. // ОмЕВ. 1903. № 10. 15 мая. С. 21–22.

²⁸² Отчет Киргизской миссии за 1901 г. // ОмЕВ. 1902. № 11–12. 1–15 июн. С. 10.

Пропорциональное соотношение числа мусульман, получавших образование в епархиальных учебных заведениях в начале XX в., приводит в своем исследовании И. Чуркина. Так, автор отмечает: «В Семипалатинской семинарии в 1904 г. на 33 учащихся было 2 магометанина, в 1905 г. на 54 воспитанника – 5 магометан, в 1914 г. на 113 – 4, 1915 г. на 107 – 7». Относительно стипендий известно, что «вследствие ходатайства Директора в 1903 г. Степным генерал-губернатором были назначены при Семипалатинской семинарии 9 киргизских стипендий по 100 рублей, которые перечислялись по мере поступления»²⁸³.

В историографии имеются различные оценки результатов образовательной политики России в Степном крае, направленной на создание сети государственного начального образования для казахского населения.

Одним из негативных фактов, снижавших привлекательность аульной русско-казахской школы, стало содержание учебных программ, содержащих открытые установки на русификацию. Так, в донесении чиновника Министерства народного просвещения в 1900 г. генерал-губернатору Степного края указывалось, что «интерны должны были поступиться и в вопросе о соблюдении в стенах школы уразы (протесты умолкли при применении решительных мер)», «русская транскрипция вытесняет арабскую и тем более парализует влияние мусульманской литературы, уроки вероучения – не более 2–3 занятий в неделю, что отнюдь не позволяет, чтобы «мусульманские ученики были посвящаемые в тонкости шариата». Как отмечает ряд современных исследователей, ситуация не изменилась и после принятия «Правил о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» 1906 г. Согласно Правилам сохранился жесткий курс государства на русификацию посредством более углубленного изучения русского языка. Данные тенденции выразились в том, что «в первоначальных инородческих школах для изучения русского языка и

²⁸³ См. подробнее: Чуркина Н.И. Социокультурный образ региона в составе воспитанников педагогических учебных заведений Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 2010. С. 227–228.

церковно-славянского чтения отводилось 8 уроков, а на грамоту на родном языке 4, в училищах с четырех годичным курсом для русского языка было предусмотрено 12 уроков, а на родной отводилось только 2»²⁸⁴.

Результатом становилось отчисление учащихся из аульных русско-казахских школ. Причем данная тенденция проявилась настолько явно, что о ней стали говорить на ведомственных совещаниях, подчеркивая, что «туземные мальчики большею частью выходят из наших школ, не доканчивая учебного курса, с крайне плохим знанием русской речи, русской грамматики и русского народа, а взрослые и до сих пор страшатся русской школы, отчасти не ожидают никакой пользы от нее»²⁸⁵.

Свидетельством незначительной привлекательности аульной русско-казахской школы являются данные по уровню владения русским языком среди казахского населения на начало XX в. Так, уровень грамотности казахов Оренбургской губернии составлял 10,12 %. Основная часть грамотных проходила по категории «грамотность на других языках» (7,16 %), тогда как русская грамотность среди казахов составляла 1,83 %. Еще более низкие показатели общей грамотности были у казахов в Уральской и Тургайской областях. В Уральской области общая грамотность татар составляла 23,9 %, русских – 31,6 %, казахов по категории грамотность «на других языках» (4,7 %), русская грамотность казахов составляла 0,28 %²⁸⁶.

Как отмечает С.Ш. Казиев, «из-за слабой востребованности знаний и умений выпускников русско-казахской школы в социальных «нишах» традиционного кочевого социума они проигрывали в материальном достатке выпускникам религиозных школ, которые могли рассчитывать на высокое материальное вознаграждение за знание основ ислама и владение арабским языком»²⁸⁷.

²⁸⁴ Гафаров А.А., Гафаров А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман российской империи // Вестник Казахстанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 7. С. 300.

²⁸⁵ Искандер-Мурза. Русские школы для мусульман в Туркестане // Восточное обозрение. 1883. № 38. 22 сентября.

²⁸⁶ Казиев С.Ш. Национально-просветительское движение и проекты национализма в Казахстане в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2 (84). С. 130.

²⁸⁷ Казиев С.Ш. Указ. соч. С. 130.

Важно отметить также, что на развитие аульной и в целом, русско-казахской школы повлияли условия исторического периода – рубежа XIX–XX вв., когда происходил рост этнического самосознания и этнической консолидации казахского общества. Усилившиеся после Указа о веротерпимости и Манифеста об усовершенствовании государственного порядка в 1905 г. тенденции объективным образом препятствовали росту популярности инородческих школ, организованных имперскими структурами. Кроме того, в контексте реформирования казахской мусульманской школы и появления новометодных школ русско-казахской чрезвычайно трудно было обозначить преимущества получения образования на этнически чужеродной основе.

В целом, несмотря на весь отрицательный опыт распространения государственной светской/религиозной образовательной модели среди казахского /инородческого населения, нельзя не согласиться с мнением ряда современных исследователей о том, что исторически близкая мусульманским народам Российской империи русская культура в лице имперской образовательной системы сыграла положительную роль. По точному определению А.А. Гафарова и А.Н. Гафарова, русская культура дореволюционной России «стала адаптивным проводником приобщения российских мусульман к достижениям европейской цивилизации». Содержание и интенсивность культурной ассимиляции, как и сохранение традиционных исламских институтов, в разных этнорегионах зависели от степени их удаленности от имперского центра. Таким образом, по замечанию авторов, «аккультурация стала важным толчком общего процесса модернизации жизни мусульман, охватившего в своем движении практически все слои населения мусульманской России»²⁸⁸.

Таким образом, рассмотрение образовательной интеграции Степного края с учетом этноконфессионального аспекта позволило выделить отдельное направление – инкорпорирование казахской мусульманской школы. Выяснено, что интенсивному вмешательству МНП препятствовала сдерживающая фанатизм

²⁸⁸ Гафаров А.А., Гафаров А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман российской империи // Вестник Казахстанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 7. С. 301.

деятельность МВД. Но понимание блокировки механизма «интенсификации» (повышение интереса к обучению теории и вероисповедной практики) указанные министерства понимали различно. МВД придерживалось позиции ограждения казахов от «негативного влияния» знатоков мусульманской веры – татар, а также выходцев из Бухары, Самарканда и других религиозных центров, а также препятствовало обретению самостоятельности в образовательной деятельности, которая напрямую была связана с интенциями к политической независимости. Стремление МНП к активной аккультурации выражалось в сохранении ведущей роли реформирования образовательной карты за имперскими чиновниками и недопущении у казахов явления «перехватывания инициативы» в деле трансформации содержательной стороны (новометодные школы и подчинение ОМДС).

МНП предлагало комплекс мер, воздействие которых вызывало большее сопротивление, рост негативной реакции, однако, по причине воздействия именно на коренные основания этнического мировоззрения (религию и язык), ожидало более эффективного результата «скрепления» центра и окраины. В этой связи действия двух министерских групп пересекались в «цене вопроса». Вопрос рациональной и разумной жертвы во исполнение действий, способных предотвратить обособление региона именно по линии религиозной его специфики. Разные, но равновеликие задачи министерств сталкивались именно в проблеме (не-)допустимости вмешательства в сферу образовательной деятельности, которая для казахов приобретала в определенном роде сакральный характер, т.к. была связана с вероисповедной практикой.

Общность интересов МНП и МВД обнаружилась в опоре на ведущий компонент образовательной интеграции – русский язык как инструмента для создания элементов «общего родства» (на основе общего/одного языка – к общей культуре, быту, основам мировосприятия, а значит, – к одному и единому Отечеству). Дальнейшие же споры ведомств демонстрируют различное содержание политики образовательного инкорпорирования этнорегионов (и Степного края в частности). МНП справедливо уясняло, что введение в

содержание образовательной программы обязательного изучения русского языка не создало прочной основы для аккультурации, поэтому предлагало «пробить» идеологическую обособленность, санкционировав вторжение в сферу формирования содержания образования мектебов, чем и обуславливались действия по реализации с помощью Закона 1874 г. подчинить конфессиональные школы собственно МНП. Сдерживающим фактором выступали действия МВД, которые также справедливо (основываясь на отчетах военных губернаторов и генерал-губернаторов) просчитывали ответную реакцию, коей было усиление «фанатизма», а по существу – стремление национальной мусульманской элиты перехватить инициативу в реформировании образовательных программ, придав процессу трансформации аутентичный этноконфессиональный характер. Последующее развитие событий, вылившихся в создании джадидских школ, свидетельствовало об успешном маневре мусульманской образованной элиты. В то время, когда МВД (и ВМ) отслеживало факты усиления внешнего влияния на целостность границ и использовало эти данные, а также свидетельства религиозной активности мусульман как контраргумент высказываниям чиновников МВД, сдерживая, таким образом, импульс трансформации содержания образования, мусульмане совершили действие на опережение, стратегически уместное и идеологически продуманное.

Специфика образовательной интеграции, региональная ее особенность заключалась в том, что необходимо было интегрировать обособленные и самостоятельно развивавшиеся мусульманские образовательные учреждения. Для этого необходимо было так регулировать их деятельность, чтобы не вызвать волнений по поводу жесткого ограничения вероисповедной практики (обучение в школе было логическим ее продолжением) и вместе с тем мотивировать выбор в сторону школ МНП или церковно-приходских. Поскольку мусульманские школы находились в большинстве своем при мечетях, то особый порядок их строительства регламентировал и организацию конфессиональных мусульманских образовательных учреждений. Зафиксированный по итоговой редакции «Правил 1906 г.» (1913 г.) порядок отличался от правил для

этнорегионов, подведомственных Таврическому магометанскому духовному правлению и ОмДС. Степные области в указанных вопросах полностью подчинялись генерал-губернаторам, а вопрос о передаче казахских мусульманских школ МНП так и не был решен положительно (в то время как в Туркестане данные вопросы курировались в разное время МНП и МВД).

Отметим также, что существовавшая система мусульманского образования, выполняя этноконсолидирующую функцию, создавала серьезный противовес политике приобщения казахов к российской культурно-образовательной среде. Стремление создать направление, столь же идеологически сильное, но на российско-православной основе, реализовывалось посредством развития среди казахского общества системы миссионерских школ. С учреждением в 1895 г. Омской епархии и Православной киргизской миссии, получила организационное оформление задача приобщения казахов к христианско-православной картине мира посредством миссионерско-школьного образования и развития системы интернатов. Однако контингент учеников из среды казахского населения был невелик ввиду непопулярности миссионерских школ РПЦ.

Причиной отсутствия популярности государственных школы в Степном крае следует считать этноцивилизационный аспект проблемы. Особенности культурно-цивилизационного взаимовосприятия формировалось через образовательное пространство, активным инициатором диалога в котором выступили российско-имперские административные структуры, казахское же население оказалось в условиях необходимости адаптации с условием сохранения национальной специфики. Производными же особенностями стали с одной стороны, недовольство «цивилизаторов» в неприятии казахским населением благ просвещения, с другой – отторжение казахами того пути, который, по их взгляду, разрушал традиционные основы этнической ментальной структуры. В силу того, что опосредованность диалога происходила через внедрение светскости в школьном образовании и обучение русскому языку, это нарушало основы ортопраксии приверженцев мусульманского вероисповедания. Нарушение традиции (духовно-нравственное воспитание, жизненный уклад, смысловое

наполнение которого осуществлялось посредством национального, казахского, языка и сакрального, арабского) означало вторжение в область «устойчивого ядра» национальной культуры.

Сохранение этнокультурного ядра, отвечавшего за сохранение этноса в целом, обязывало их носителей (оказавшихся в позиции «вынужденных к диалогу» реципиентов) к реакции, релевантной историческому контексту политической несвободы, к интеллектуальной обработке мер по трансформации собственной системы обучения, что должно было стратегически опережать меры образовательной политики российско-имперской администрации.

Глава 2. Становление и развитие системы начального школьного образования для православного населения Степного края (вторая половина XIX в. – 1917 гг.)

2.1. Механизмы управления и тенденции развития системы светского начального школьного образования для православного населения Степного края

Центральным событием второй половины XIX – начала XX вв., кардинально видоизменившим этнополитическую структуру Степного края, являлось переселенческое движение российского крестьянства из европейской части страны. В историографии данному событию посвящен значительный объем исследований²⁸⁹. Отметим только, что согласно внутренним закономерностям и особенностям государственного регулирования процесса, его традиционно подразделяют на три этапа. Первый этап хронологически соотносится с 60–80 гг. XIX в., когда крестьянское переселение ограничивалось со стороны государства, отсутствовали законодательные механизмы его регулирования, поэтому преобладающим было самовольное переселение. На втором этапе – конец 80-х гг. XIX в. – начало XX в. переселение в Степной край было официально разрешено на законодательном уровне. В июле 1881 г. были утверждены «Временные правила о переселении крестьян», а после пятилетней разработки в 1889 г. вступил в силу закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Закон вводил ряд льгот и привилегий для переселенцев в Азиатскую часть империи, устанавливал места выхода переселенцев – в Степном крае это стали Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области. На созданный в 1892 г. Комитет Сибирской железной

²⁸⁹ См. подробнее: Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965; Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане в последней четверти XIX – начале XX вв. Алма-Ата, 1963; Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981; Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX вв. Алматы, 1996.

дороги был возложен ряд функций по регулированию процесса переселения и содействию заселения прилегающих к строящейся дороге участков²⁹⁰.

Третий период переселенческого движения в Степной край связан с 1903–1914 гг., оказавшимися наиболее «продуктивным» для переселений. На этом этапе в ходе реализации столыпинской аграрной реформы изменился правительственный курс в отношении русской земледельческой общины. Крестьянам был разрешен свободный выход из нее и они, таким образом, получили возможность активно совершать переселения²⁹¹. К 1905 г. функционировали Акмолинский, Семипалатинский, Тургайско-Уральский, Семиреченский, Сыр-Дарьинский переселенческие районы.

Крестьянская колонизация Степного края кардинально изменила этническую карту региона – он стал многонациональным, удельный вес казахского населения сократился с 73,4 % от общей численности населения в 70-е гг. XIX в., до 67,7 % в 1897 г., численность славянского населения возросла с 8,2 % до 22,8 % соответственно. К 1916 г. на территорию Акмолинской и Семипалатинской областей переселилось 984,1 тыс. крестьян²⁹². Существенным последствием крестьянской колонизации Степного края стало изменение его культурно-религиозного ландшафта – православие по численности своих адептов стало второй после ислама религиозной системой региона²⁹³.

Изменившееся соотношение русскоязычного и казахского населения в Степном крае неизбежно побуждало правительственные структуры к перестройке образовательного пространства региона с учетом данного обстоятельства. При этом очевидно, что православное крестьянство выступало мощной движущей силой процесса русификации и интеграции Степного края в общеимперское пространство. Это определяло общую логику и содержание мероприятий

²⁹⁰ Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского движения в Казахстане. Алма-Ата, 1950. С. 23.

²⁹¹ Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв.: Историко-демографическое исследование. Усть-Каменогорск, 2009. С. 43–44; Краснобаева Н.Л. Население Казахстана в конце XIX – первой четверти XX века. Усть-Каменогорск, 2011. С. 36–37, 61.

²⁹² Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Северной Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986.

²⁹³ Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.) Барнаул, 2011. С. 66.

имперских властей в образовательной политике, далеких от стремления ограничиться «паллиативными мерами, состоящими в поддержании христианства там, где оно существует, и противодействовать мусульманству лишь там, где оно проявляет стремление к насильственной пропаганде»²⁹⁴.

Колонизационный потенциал крестьянского движения, а вместе с ним и успешность интеграции Степного края в общеимперское пространство определялись политической и общественной элитой России очень высоко. Напомним, что событийный ряд второй половины XIX в. ставил перед имперской администрацией задачи укрепления общеструктурных связей по линии «центр–окраины», более того, контекст инкорпорирования центральноазиатских территорий определялся как модернизацией собственно российского пространства, так и соединенной с адаптационными мероприятиями трансформацией кочевого общества. Проектная деятельность министерств в направлении казахской степи складывалась первоначально как сумма практик нового управленческого опыта и продолжение курса на оптимизацию управления инородцами. Успешность практики империостроительства зависела от взвешенности оценок интегрируемых территорий.

В течение второй половины XIX – начала XX в. мотивация центральных властей при реализации переселенческого движения менялась. Так, в начале рассматриваемого периода преобладали мотивы безопасности и укрепления границ империи. В 70–80 гг. XIX в. определились патерналистские тенденции к организации крестьянского движения. Так, западно-сибирский генерал-губернатор Н.Г. Казнаков в 1876 г. выступил с инициативой о необходимости развития «хлебопашества в киргизской степи», «что бы оно соответствовало, по меньшей мере, местной потребности киргизов в хлебе» и побуждало их к «сокращению свои отдаленных перекочевок». Эти позитивные тенденции в эволюции кочевого скотоводства должны были значительно облегчить управление казахами, поскольку «крепкие к земле, они дорожили бы своим

²⁹⁴ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. Изд. 2-е испр. и доп. СПб., 2008. С. 173.

полевым хозяйством и не пытались бы удалиться со своими стадами за пределами обитаемых ими областей, если бы, по примеру прежних лет, между ними возникли какие-либо волнения, которые, тем скорее, могли быть усмиряемы...»²⁹⁵. Патерналистские идеалы Н.Г. Казнакова, наиболее рельефно характеризующие «имперскую ситуацию» проявились в следующем его высказывании: «Осторожное, без стеснения кочевое население, водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляет единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа»²⁹⁶.

На рубеже XIX–XX вв. крестьянская колонизация стала рассматриваться как важный элемент прогрессивного развития Степного края. Военный губернатор Акмолинской области, генерал-майор В.С. Цытович в 1881 г. отмечал, что «...в последнее время один из самых важных вопросов – вопрос об образовании в киргизской степи оседлых поселений. Вопрос этот, вызванный жизнью кочевого населения, в настоящее время является вопросом жизненным. В виду многих заявлений <...> вопрос об образовании оседлых поселений требует скорейшего разрешения, в противном случае грозит вредно отозваться на благосостояние края...»²⁹⁷.

Российскому крестьянству отводилась роль культуртрегера, предполагалось, что крестьянское переселение станет частью политики русификации окраин империи. Последнее должно было стать образцом для казахов, стимулировать их переход к оседлому образу жизни. Процесс русификации представлялся достаточно широкоформатной акцией, направленной на развитие гражданственности и цивилизованности коренного населения, постепенное уравнивание его в правах и обязанностях с остальными

²⁹⁵ Цит. по: Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края Западной Сибири: переселенческое движение и государственная политика (XIX – начало XX в.) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. (часть 1).

²⁹⁶ Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края ...

²⁹⁷ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 4. Д. 534. Л. 56об.

верноподданными империи²⁹⁸. Геополитическое значение заселения центральноазиатских окраин русским земледельческим населением подчеркивал Н.М. Ядринцев: «Перевес русского населения на Востоке окажет также значительное влияние и на наше политическое положение в Азии. Оно даст возможность развернуть национальные силы, создать действительную гражданственность, которой недостает нам при всех наших завоевательных устремлениях. Только гражданственность укрепит наши владения и обеспечит их цветущую будущность»²⁹⁹.

Таким образом, крестьянская колонизация Южной Сибири, а затем казахских степей и далее Туркестана, представлялась как целесообразное явление в рамках распространения цивилизаторского начала (вместе с рациональным способом хозяйствования и культуры), что предполагало реализацию, в первую очередь, интересов переселенцев³⁰⁰. Идеологическая задача расширения границ «Русского мира» понималась как распространение единственно верного пути развития, подразумевавшего поступательное движение, обеспеченное прогрессивностью земледельческой культуры³⁰¹. Последняя считалась синонимом цивилизованного мира. Следовательно, на восточно-славянское население возлагалась задача вовлечения этнорегиона в общеимперский контекст модернизации, распространение на Азиатскую Россию общей логики прогрессивно-цивилизационного развития³⁰². А нерациональное использование земельных ресурсов, казалось, «автоматически» запускало механизм их «освоения» носителями «Русского мира»³⁰³.

²⁹⁸ Ремнев А., Суворова Н. Управление миграционными процессами в позднеимперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2012. С.78.

²⁹⁹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С.185.

³⁰⁰ Гинс Г.К. В киргизских аулах. Очерки из поездки по Семиречью. [Б.м.: б.и.], 1913; см. также: Стурова М.В., Бобров Д.С. Г.К. Гинс об образе казахской степи и оценке этнокультурного потенциала региона в практике государственного строительства начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Конференции, симпозиумы, семинары. 2015. № 4/2 (88). С. 182–186.

³⁰¹ См. подробнее: Гинс Г.К. В киргизских аулах. Очерки из поездки по Семиречью. [Б.м.: б.и.], 1913. С. 288; Стурова М.В., Бобров Д.С. Г.К. Гинс об образе казахской степи и оценке этнокультурного потенциала региона в практике государственного строительства начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Конференции, симпозиумы, семинары. 2015. № 4/2 (88). С. 182–186.

³⁰² Гинс Г.К. В киргизских аулах. Очерки из поездки по Семиречью. [Б.м.: б.и.], 1913. С. 288.

³⁰³ Гинс Г.К. В киргизских аулах. ... С. 290.

Для того чтобы представить, насколько мощный идеологический заряд был заложен, по мысли «модераторов» переселенческого дела, в миграционные потоки восточно-славянского этноса и состояние референтной стороны, необходимо обратиться к программному заявлению правительства П.А. Столыпина, на которое указано в исследовании А.В. Ремнева и Н.Г. Суворовой: «Важнейшим в Сибири государственным делом является переселение. Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда живой русской рабочей силы может найти полноту хозяйственной и культурной жизни. Все остальное: быт старожилов, киргиз, казаков, лесные и горные промыслы, земские и городские дела – все это представляет довольно неподвижную общую среду; напротив, переселение представляется здесь главной движущей силой. Под влиянием этой силы сдвигаются с места и перестраиваются все иные отношения: к новым условиям, создаваемым приходом поселенцев, должны приспособляться и захватное хозяйство старожила, и вековое первобытное хозяйство кочевника, и местные рабочие рынки»³⁰⁴.

Одним из механизмов успешной адаптации переселенцев в условиях преобладания инородческого населения признавалась система образования. Первостепенная роль в трансформации образовательного пространства Степного края, связанного в необходимость развития системы начального школьного для восточно-славянского населения региона, принадлежала Министерству народного просвещения. Факт относительно позднего (в 1895 г.) появления в образовательном пространстве Акмолинской и Семипалатинской областей Омской епархии как субъекта образовательной политики (тогда как Западно-Сибирский учебный округ был учрежден в 1885 г.) сформировало у имперского руководства представление о потенциально большей эффективности министерских школ. Школы Министерства народного просвещения были предназначены выполнять двойную задачу: обеспечивать культурно-идеологический комфорт переселенцам, обеспечивая присутствие имперской

³⁰⁴ Записка председателя Совета Министров о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. СПб. 1910. С. 3.

власти (образовательной системы) на территории Азиатской России, а также служить дополнительным ресурсом аккультурации казахского населения.

Однако необходимо подчеркнуть, что значительным препятствием на пути интеграции Степного края в общеимперское пространство выступало отсутствие единого центра, координировавшего процесс создания учебных заведений и осуществления образовательного процесса, как на общеимперском уровне, так и в пределах Западно-Сибирского учебного округа. Косвенным свидетельством ситуации является отсутствие в Своде законов Российской империи указания исключительно на одно ведомство, в руках которого были бы сосредоточены механизмы управления образовательным пространством в масштабах всей страны³⁰⁵.

Основываясь на данных по Томской губернии, О.А. Голикова в качестве одного из основных законов в сфере начального и среднего образования, олицетворявшего принцип «размытости», выделяет «Устав гимназий, уездный и приходских училищ» от 8 декабря 1828 г. (имевший юридическую силу в указанный период). Согласно Уставу, создаваемые училища в финансовом и административном плане находились в полной зависимости от того, на чьи средства они открывались.

Так, правом инициировать создание образовательных учреждений обладало Министерство торговли и промышленности, в составе которого был Совет по учебным делам (состав Совета входил член от МНП). Указанный Совет по учебным делам обладал полномочиями обсуждать: «1) способы большего распространения коммерческих знаний и развитие художественно-промышленного образования; 2) годовые отчеты учебных заведений Министерства торговли и промышленности и общие вопросы, касающиеся сих заведений; 3) основные требования, коим должны удовлетворять учебные заведения, учреждаемые в различных местностях, в видах развития в последних какой-либо отрасли торгово-промышленной деятельности; 4) условия подготовки для означенных учебных заведений преподавателей и приобретения права

³⁰⁵ Свод законов Российской империи. 1912. Т. 1. Ч. 2. Ст. 448–449. С. 194.

преподавания в них специальных предметов, а также способа поверки познаний лиц, назначаемых в сии заведения преподавателями общеобразовательных предметов; 5) рассмотрение дел по закрытию частных коммерческих заведений в установленном законом порядке, и 6) все вообще дела, до учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности относящихся, которые министр торговли и промышленности признает нужным передать на рассмотрение Совета»³⁰⁶. Отметим, что контроль над учебным отделом осуществлял также управляющий Министерства торговли и промышленности³⁰⁷.

Учебные заведения казачьих войск на основании ряда дополнений от 1 июня 1860 г. к «Указу об училищах в казачьих селениях» 1834 г. находились под контролем Наказных атаманов, являвшихся параллельно генерал-губернаторами или военным губернаторами отдельных административных единиц империи. Однако участие в функционировании казачьих учебных заведений принимали и те министерства, которым в целом подчинялись отдельные сферы деятельности казачьих войск. Согласно установленному законодательству, «управление населением казачьих войск и отдельными частями по ведомству» осуществлялось соответственно министерствами: «Военным, Финансов, Главным управлением землеустройства и земледелия и Народного просвещения, а также Государственного контроля»³⁰⁸.

Решением учебных вопросов, возникавших в процессе деятельности учебных заведений «по сельскохозяйственной и лесной частям» занималось Главное управление землеустройства и землевладения, которому вверялось «заведование сельскохозяйственной и лесною промышленностью, государственными имуществами, переселенческой частью, делами, связанными с вопросами о землеустройстве и землепользовании инородцев и сельских обывателей различных наименований»³⁰⁹. Имел свой Учебный комитет и в Министерстве путей сообщения, который заведовал Императорским московским

³⁰⁶ Свод законов Российской империи. 1912. Т. 1. Ч. 2. Ст. 47. С. 264.

³⁰⁷ Там же. С. 266.

³⁰⁸ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П. Аннин. СПб., 1886. Ч. 2. Ст. 10. С. 458–459.

³⁰⁹ См. подробнее: Свод законов Российской империи. 1912. Т. 1. Ч. 2. Ст. 1. С. 277–278.

инженерным училищем, и другими железнодорожными техническими училищами.

Меры по централизации образовательного пространства, начавшиеся со второй половины XIX в., постепенно становились особой политикой общеимперского значения, распространяясь и на «окраины». Подробно исследуя политику государства на данном хронологическом этапе, О.А. Голикова выделяет «Положение об управлении гражданскими учебными заведениями в Западной Сибири» от 12 апреля 1859 г., согласно которому главное управление всеми гражданскими учебными заведениями было сосредоточено в руках генерал-губернатора как главного начальника края. Ему передавалось право «исполнения всех постановлений по учебной части во вверенном ему крае, сохраняя в отношении к оной, власть надзора и разрешения, присвоенную ему общими и местными учреждениями». Для непосредственного надзора за учебными заведениями при генерал-губернаторе создавалась должность главного инспектора училищ для управления школами Томской и Тобольской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областей»³¹⁰.

Факт передачи образовательных учреждений под контроль высшей административной власти в регионе объяснялся, на наш взгляд, обширностью его территорий, отдаленностью от центра, Казанского и Оренбургского учебных округов, а также особенностями этноконфессиональной ситуации, характеризующейся преобладанием мусульманского казахского населения.

В период либерально-буржуазных преобразований в России, как уже указывалось выше, была проведена реформа образования. В 1864 г. издан «Устав гимназий» и «Положение о народных училищах», регламентировавшие начальное и среднее образование. Согласно данным законодательным актам в государстве вводилось доступное всеобщее образование. В населенных пунктах учреждались приходские училища, земские, церковно-приходские, воскресные и частные школы, содержащиеся за счет государства, различных организаций и

³¹⁰ Голикова О.А. Развитие школьной сети Западно-Сибирского учебного округа в последней четверти XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–2 (59). С. 153–156.

обществ. Гимназии разделились на классические и реальные. В них принимали детей из всех сословий, способных оплатить обучение.

Положением 1874 г. устанавливалась подконтрольность Министерству народного просвещения начальных народных училищ (городских и сельских приходских народных училищ ведомства Министерства народного просвещения, сельских училищ ведомства Министерства государственных имуществ, церковно-приходских училищ духовного ведомства).

Однако до середины 90-х гг. XIX в., согласно «Своду главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях» на территории Степного края министерские и церковно-приходские школы были подчинены штатным смотрителям училищ уездных, а они – губернским директорам училищ, как начальникам гимназий. Директора училищ подчинялись попечителю учебного округа, функции которого в Степном крае выполнял генерал-губернатор³¹¹.

Генерал-губернаторы также были в праве учреждать должность почетных блюстителей, которые вместе со штатным смотрителем должны были осуществлять контроль над училищной частью. Штатному смотрителю следовало определять учительский состав приходских, уездных училищ: «Смотритель осведомляется об их нравственных качествах и поведении, стараясь удостовериться заранее, что они без вреда для учащихся могут быть допущены к исправлению должности учителей». К числу должностных обязанностей штатного смотрителя относился также «надзор как за всеми училищами, так и за частными учебными заведениями» в соответствующем уезде³¹². О выявленных в учебном процессе несоответствиях смотритель обязан был сообщить губернскому

³¹¹ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. СПб., 1886. Ч. 2. С. 6.

³¹² В продолжение описания функций контроля штатного смотрителя следуют и §§ 108–109 «Устава гимназий и училищ» от 8 декабря 1826 г.: «§ 108. Смотритель, будучи начальником учебных заведений в уезде находящихся, обязан иметь об оных подробные и верные сведения и принимает надлежащие меры для доставления оным способных учителей и нужных учебных пособий <...>; § 109. Смотритель должен каждую неделю обозревать находящийся в одном городе с ним учебные заведения, а прочие по крайней мере два раза в год». // См. подробнее: Свод главнейших законоположений и распоряжений ... С. 16–17.

директору училищ, а также в праве был обратиться к «градской и земской полициям, к уездному предводителю и вообще к местным начальствам»³¹³.

Функции почетного смотрителя были идентичны указанным должностным обязанностям штатного смотрителя, однако первый находился в определенном подчинении от второго, поскольку для исправления выявленных нарушений обязан в первую очередь обратиться к штатному смотрителю, который затем обращается непосредственно к директору училищ³¹⁴.

Директор, осуществляя «бдительный неослабный надзор за всеми вверенными ему училищами», должен был обращать «особенное внимание на учителей», «наставляя и поощряя их, он должен сам быть для них примером усердия, благоразумия и неутомимой деятельности»³¹⁵.

Процедура отчетности субъектов образовательного процесса в Степном крае регламентировалась циркулярным предложением Министерства народного просвещения от 21 июня 1880 г. «О сообщении Управлениями учебных округов на рассмотрение министерства отчетов директоров и инспекторов народных училищ, представленных ими по мере обозрения школ»³¹⁶. Отчеты по состоянию образования в областях Степного края подавали также военные губернаторы областей генерал-губернатору, на основании которых последний включал данный блок в ежегодные всеподданнейшие доклады о состоянии вверенной ему административно-территориальной единицы. Доклады поступали в МВД, которое таким образом, опосредованно также участвовало в функционировании образовательного пространства Степного края.

Образование в 1882 г. Степного генерал-губернаторства с центром в Омске и последовавшее упразднение Западно-Сибирского генерал-губернаторства «повлекло реорганизацию управления учебной частью во входящих в него административно-территориальных единицах. Высший контроль над учебными заведениями Тобольской и Томской губерний и Семипалатинской, Акмолинской

³¹³ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П. Аннин. СПб., 1886. Ч. 2. С. 18.

³¹⁴ Свод главнейших законоположений и распоряжений ... Ст. 124. С. 18.

³¹⁵ Свод главнейших законоположений и распоряжений ... Ст. 167, 168. С. 19.

³¹⁶ Свод главнейших законоположений и распоряжений ... С. 19.

и Семиречинской областей временно передавался Главному инспектору с присвоением прав попечителя учебного округа»³¹⁷.

Учреждение в 1885 г. Западно-Сибирского учебного округа и утверждение должности попечителя благоприятно отразилось на процессе централизации управления в Степном генерал-губернаторстве. Управление теперь было сосредоточено у попечителя округа (в указанный период обязанности исполнял В.М. Флоринский)³¹⁸.

Однако не смотря на последовавшую реорганизацию системы управления образовательным пространством в целом Западной Сибири, в Степном крае продолжали действовать ее специфические особенности. Так, в «Положении об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» от 25 марта 1891 г. указывалось, что «губернатору принадлежит общее наблюдение за ходом и направлением первоначального обучения в губернии. На этом основании, сверх принадлежащих ему, по закону, как представителю высшей в губернии административной власти, прав, ему предоставляется сообщать министерству народного просвещения свои по означенному предмету замечания и соображения»³¹⁹. Генерал-губернатору на основании присвоенного ему звания почетного попечителя, также поручался особый контроль над женскими учебными заведениями, «в видах лучшего изыскания средств для поддержания существующих уже женских гимназий и прогимназий, а также для открытия новых учебных заведений этого рода.

В Положении 1891 г. отмечалось, что в непосредственном управлении системой образования губернатор не участвовал, но исполнял больше функции контроля за условиями осуществления образовательной деятельности соответствующих учреждений, и «в случае замеченных им беспорядков, делал указания Попечительному совету гимназии или прогимназии, а в более важных

³¹⁷ Блинов А.В. Оформление административно-территориальных границ образовательного пространства Западной Сибири (1803–1885) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 10.

³¹⁸ Голикова О.А. Управление начальными народными училищами Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2011. № 4/2 (72). С. 71.

³¹⁹ Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Омск, 1893. Ст. 272. С. 97, 102.

случаях сообщал о том попечителю учебного округа или доводил непосредственно до сведения министра народного просвещения»³²⁰.

В начале XX в. региональными органами власти, контролировавшими образовательную систему Степного края, были предприняты попытки приведения ее в соответствие с общегосударственными стандартами³²¹. Так в начале XX в. руководство Западно-Сибирского училищного округа для повышения эффективности заведования учебными заведениями добилось организации на его территории системы Дирекции народных училищ. Первоначально они были созданы в Томской и Тобольской губерниях. В 1902 г. последовало упразднение института инспекций и создание института Дирекции народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей. По данным О.А. Голиковой, в 1906 г. произошло первое увеличение инспекторских районов: 2 – в Акмолинской области, 1 – в Семипалатинской. «К 1917 г. штат инспекторов Акмолинской области состоял из 4 служащих, Семипалатинской – из 3»³²².

В это же период были предприняты попытки создания Училищного совета в Акмолинской и Семипалатинской областях. Училищные советы к этому периоду, как коллегиальная контролирующая инстанция, действовали на основании Положения о начальных народных училищах 1864 г. фактически во всех учебных округах Российской империи, в том числе на территории Томской и Тобольской губерний, входивших в состав Западно-Сибирского училищного округа³²³.

В ноябре 1913 г. на запрос Министерства народного просвещения о целесообразности открытия Училищных советов в Акмолинской и Семипалатинской областях попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев сообщал, что учреждение училищных советов в Акмолинской и

³²⁰ Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Омск, 1893. Ст. 273, Примечание. С. 103.

³²¹ О светском направлении образовательной интеграции см., например: Сулимов В.С. Светская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX веков: воспитание учащихся. Тобольск, 2015.

³²² Голикова О.А. Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Кемерово, 2012. С. 21–22.

³²³ Блинов А.В. Организация училищных советов в рамках Западно-Сибирского учебного округа (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 13(115). С. 35.

Семипалатинской областях желательно и необходимо. Главным аргументом попечителя являлся факт активизации переселенческого движения в регион, рост численности детей школьного возраста и необходимость их включения в образовательный процесс, а также, «необходимость совместного решения школьных вопросов представителями различных ведомств и т.д.». Для Акмолинской и Семипалатинской областей предлагалось создать один Училищный совет и семь уездных: Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Акмолинский, Усть-Каменогорский, Каркаралинский, Зайсанский³²⁴. Однако события Первой мировой войны не позволили реализовать данный проект.

Практическая реализация усилий по формированию системы начального школьного образования для православного русскоязычного населения шла по пути создания в Степном крае школ двух типов: министерских (государственных/светских) и церковно-приходских (о последних речь пойдет в разделе 2.2 диссертации).

Согласно Положению об управлении гражданскими учебными заведениями в Западной Сибири 1859 г. начальные школы Степного края делились на несколько категорий, определявших степень их зависимости от МНП. К числу первых относились школы, находившиеся в полном подчинении министерства. Вторая категория была представлена школами, имевшими иную ведомственную принадлежность и подотчетными перед Министерством народного просвещения только в педагогических вопросах. Третью категорию составляли инородческие, частные и т.д. школы, в деятельность которых министерство контролировало исключительно вопросы организации учебного процесса в соответствии с государственными нормативными актами. К 1885 г. – моменту создания Западно-Сибирского училищного округа в Акмолинской области насчитывалось 108 министерских начальных школ, в Семипалатинской области – 83 школы³²⁵.

³²⁴ Блинов А.В. Организация училищных советов в рамках Западно-Сибирского учебного округа (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 13(115). С. 38.

³²⁵ Голикова О.А. Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Кемерово, 2012. С. 18.

Поскольку русскоязычное население Степного края формировалось исключительно за счет крестьян-переселенцев, большая часть министерских школ открывалась в сельской местности. Учитывая сложное финансовое положение переселенцев, процесс открытия школ в регионе инициировался, как правило «сверху». Ходатайства от сельского общества с просьбой об учреждении школы поступали крайне редко. Если такие случаи имели место быть то, как отмечает О.А. Голикова, процесс открытия учебного заведения сопровождался «многими трудностями и занимал длительное время». Главное бюрократическое препятствие состояло в том, что «было сложно получить государственный кредит» на открытие школы³²⁶.

В целом за период существования дирекции Западно-Сибирского училищного округа (1899–1916 гг.) был сделан значительный рывок в процессе развития начального школьного образования в Степном крае. Так на 1916 г. в Акмолинской области прирост начальных учебных заведений составил 51 %, в Семипалатинской области – 47 %. Наибольшего уровня грамотности удалось достичь в среде Сибирского казачьего войска. В отчете дирекции начальных училищ приводятся данные о грамотности 54 % мужчин и 48 % женщин войска.

Тем не менее, как считает О.А. Голикова, положительная динамика роста численности начальных школ и уровня грамотности в Степном крае не решили проблемы включения в образовательные процесс всех детей школьного возраста региона. По данным, которые приводит исследователь со ссылкой на отчеты Министерства народного просвещения, доля неучащихся детей в Акмолинской области составляла 69,1%, в Семипалатинской – 84,4 %. Следует отметить, что эти данные фиксировали ситуацию, характерную для всей Западной Сибири. Так, доля неучащихся детей в Томской губернии составляла 66,6 %, в Тобольской губернии – 64,6 %³²⁷.

В условиях нехватки профессиональных кадров, ограниченного финансирования центральные и региональные органы власти предпринимали

³²⁶ Голикова О.А. Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Кемерово, 2012. С. 24.

³²⁷ Голикова О.А. Указ. соч. С. 25.

определенные усилия для решения проблемы нехватки начальных школьных учреждений. В частности, как вариант, была реализована практика создания в переселенческих поселках малозатратных однокасных школ грамоты. Однако наиболее перспективными казались попытки со стороны МНП ввести всеобщее начальное обучение.

Реализация данной задачи стала возможной после очередной реформы Министерства народного просвещения, когда в 1908 г. был принят закон о распространении начальных училищ в масштабах всей империи. Согласно закону, помимо сумм, запланированных бюджетом страны, МНП дополнительно ассигновало финансовые средства «на поддержание и дальнейшее расширение начального образования» в размере 6,9 млн. руб. в год. С 1906 по 1909 гг. дирекция Западно-Сибирского училищного округа провела огромную организационную работу по сбору информации, необходимой для составления планов школьного строительства на его территории. Были составлены переписи детей школьного возраста, списки населенных пунктов, крайне нуждающихся в строительстве школы, составлены порайонные планы школьного строительства и т.д.

Однако процесс массового строительства школьных зданий на территории Западно-Сибирского училищного округа удалось начать только с 1913 г., поскольку до этого периода Сибирь не входила в смету расходования кредитов на развития начального обучения. В Актмолинской и Семипалатинской областях планы школьного строительства были завершены гораздо позднее – в 1913 и 1916 гг. соответственно³²⁸. Согласно планам, из 648 селений Актмолинской и Семипалатинской областей не было школ в 350. По предварительным подсчетам, на их учреждение и содержание требовалось 245 тыс. руб. (по 700 руб. на каждую) и на строительство – 1241000 руб.³²⁹

По данным М.П. Войтеховской, в апреле 1915 г. директор народных училищ Актмолинской и Семипалатинской областей М. Филиппов получил от МНП

³²⁸ Голикова О.А. Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Кемерово, 2012. С. 27.

³²⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2022. Л. 14–15.

кредит в размере 19 тыс. руб. на строительство новых школ, которое должно было начаться с лета 1915 г.³³⁰ Однако сложная экономическая ситуация, связанная с участием России в Первой мировой войне не позволила реализовать эти планы.

Важным моментом организации системы начального школьного образования является вопрос о подготовке кадров. На территории Акмолинской и Семипалатинской областей Западно-Сибирского училищного округа решение данной задачи было возложено на Омскую (открытую в 1872 г.) и Семипалатинскую учительские семинарии. Анализируя социальный состав воспитанников указанных учебных заведений, Н.И. Чуркина выявляет тенденцию: к началу XX в. преобладание доли дворянского сословия сменилось значительным перевесом в сторону крестьян. Более того, как отмечает автор, данное явление поддерживалось и стимулировалось государственной образовательной политикой, создавая опору законодательного характера. Данная ситуация объяснялась двумя обстоятельствами. Во-первых, позицией МНП, закрепленной циркуляром 1902 г., которая признавала более целесообразным открыть доступ в учительские семинарии «окончивших курс сельских 2-х классов училищ, как наименее притязательных молодых людей, наиболее отвечающих сельской жизни». Во-вторых, объективными обстоятельствами, связанными с массовой миграцией крестьян из европейской части страны. Одним из сильнейших обстоятельств, способствовавших увеличению доли сельского населения было и массовое переселение крестьян в начале XX в.³³¹

Экономическим основанием политики стимулирования формирования педагогических кадров (увеличение численности воспитанников учительских семинарий) меры по поддержке учащихся выражались в выплатах стипендий. К примеру, известно Высочайше утвержденное мнение Департамента государственной экономии Государственного совета от 28 апреля 1881 г. «О

³³⁰ Войтеховская М.П. Развитие начального образования в Западно-Сибирском учебном округе в связи с планами введения всеобщего обучения // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4(16). С. 138.

³³¹ Чуркина Н.И. Социокультурный образ региона в составе воспитанников педагогических учебных заведений Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 29 апреля 2010 г. Вып. II / Под ред. А.В. Старцева. Барнаул, 2010. С. 227–228.

казенных стипендиях для учеников приготовительных классов Учительских Семинарий», согласно которому педагогическим советам учительских семинарий предоставлялось право выделять средства из фонда свободных казенных стипендий учащимся приготовительных классов³³². К тому же практиковался обмен стипендиатами из других губерний: известен факт обучения в Омской учительской семинарии «с 1874 г. 10 человек стипендиатов Томской губернии; с 1878 г. – 15 Тобольских стипендиатов, с 1877 г. – 10 стипендиатов Сибирского казачьего войска, с 1878 г. – 10 стипендиатов Алтайского округа». Вполне объяснимо, что при таких благоприятных условиях в семинариях процент местного населения и ближайших территорий Западно-Сибирского учебного округа увеличивался, как, например, в Семипалатинской области³³³.

В центре внимания окружной администрации был и такой не менее важный для успешной реализации образовательных программ вопрос, как обеспечение контроля над морально-нравственными условиями образовательного процесса, создание здоровой психологической обстановки в коллективе, сосредоточенном на предметном содержании своих дисциплин. Явное неблагополучие в обозначенном аспекте демонстрировала Семипалатинская мужская гимназия, по случаю смерти директора Ремезова остававшаяся в течение двух лет без строгого контроля.

В частности, в секретной докладной записке от 9 июня 1905 г. вступивший в должность директора Семипалатинской мужской гимназии В. Галанин сообщал попечителю округа о положении дел. Печальное впечатление производило не только удручающее состояние помещения в целом, но и не соответствовавшее санитарным нормам состояние комнат, а также внешний вид учеников, которые «в большинстве с длинными волосами проходили в классы <...> в калошах, стараясь держать их при себе на случай посещения отхожих мест и в видах ограждения себя от потери их в швейцарской»³³⁴. Возмутило директора и

³³² Чуркина Н.И. Социокультурный образ региона в составе воспитанников педагогических учебных заведений Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. / Под ред. А.В. Старцева. Барнаул, 2010. С. 228.

³³³ См. подробнее: Чуркина Н.И. Социокультурный образ региона ... С. 229.

³³⁴ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1941. Л. 8 – 8об.

отсутствие элементарных норм дисциплины, когда на «утреннюю молитву в гимназическую церковь ученики ходили не по звонку, в строго отведенное время, а по указанию помощника классных наставников, когда раньше, когда позже, причем ученики младших классов собирались в церковь раньше старших и в ней ждали их прихода, занимаясь разговорами и щелканием орехов»³³⁵. Попытка поставить на должный уровень дисциплину, восстановить репутацию гимназии в городе, упорядочить расписание занятий встретили противодействие «корпорации преподавателей» во главе с исполнявшим обязанности инспектора учителем Березиковым.

В результате неудавшихся попыток В.Галанина наладить механизмы взаимопомощи и поддержки (учителями Дегтяревым и Безуглым директору был предъявлен ультиматум об их увольнении из гимназии в конце 1904/1905 учебного года), установить благоприятный климат общения среди педагогов, окружное управление вынуждено было направить ревизора с целью выяснения подлинного состояния дел и устранения конфликта. В отчете от 5 декабря 1905 г. сообщалось о «таких дефектах, которые некоторые лица из местного общества прямо называли распущенностью учащихся»³³⁶.

По окончании проверки предлагалось оказать содействие директору В. Галанину в продолжении мероприятий, направленных на повышение образовательного уровня гимназистов, и лишить поддержки «душу конфликта» – учителя Березикова (форму ограничения влияния на воспитанников должен был назначить непосредственно попечитель).

Исследуя конфиденциальную записку директора, а также отчет по ревизии, необходимо отметить, что совершенно выпущена из поля зрения указанных лиц структура образовательных программ, не подверглась анализу и степень освоения русского языка учениками из казахов. Однако подобное невнимание к вопросам адаптации учебного заведения к потребностям населения области не представляется удивительным, поскольку вся созидательная сила была

³³⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1941. Л. 8об.

³³⁶ Там же. Л. 61.

направлена на установление должного порядка, а проблема совершенствования и переустройства действовавших образовательных программ оставалась действиями второго порядка.

Обращаясь к проблеме выработки комплекса мер по этнокультурной интеграции областей Степного генерал-губернаторства в имперское пространство посредством образования, стоит также обратить внимание на расстановку приоритетов в финансировании учебных заведений. В свою очередь, это позволит соотнести декларируемые идеологические установки образовательной интеграции (содержавшиеся в соответствующих законоположениях) с правоприменительной практикой, под которую должно было быть подведено соразмерное экономическое основание.

Памятуя о том, что на данном хронологическом этапе имперская администрация придерживалась курса на русификацию «иностранческого компонента» империи, сосредоточим внимание на том, что это требовало усиления позиции государствообразующего этноса. Достижение последнего возможно было через экстраполяцию опыта организации образовательного пространства из центральных губерний в этнорегион Степного края³³⁷. Следовательно, необходимо было так распределить финансовые потоки, чтобы и главная, и опосредованная задачи были выполнены.

В рассматриваемый период 1882–1917 гг. финансирование регулировалось следующими законоположениями. В продолжение политики «диверсификации» функция надзора и управления – постановление 7 мая 1885 г. «Об учреждении в Акмолинской и Семипалатинской областях должностей инспекторов народных училищ», указывавшее «для надзора за низшими училищами» учреждение в каждой области по инспектору, «с окладом содержания в 2250 руб. в год (в том числе: жалованья 750 р., столовых 750 р., на наем квартиры, канцелярские расходы и разъезды 750 р.)»³³⁸.

³³⁷ Результатом реализованной стратегии образовательной интеграции могла стать «скрепа» полиэтничной Азиатской России с «имперским центром», созданная посредством культурно-образовательной среды.

³³⁸ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. Изд. 2-е, изменен. и доп. СПб., 1886. Ч. 2. Ст. 1. С. 133.

Относительно учеников от Сибирского казачьего войска следует отметить продолжавшуюся тенденцию – оказывать материальную поддержку ученикам, чьи родители принадлежали к казачьему сословию. Так, постановление Военного совета от 11 февраля 1888 г. закрепило ранее назначенную сумму в 25 руб. в год на ученика³³⁹.

Специального внимания заслуживает период 1900-х – гг. (до 1917 г.), поскольку отмечен общеимперской тенденцией подготовки и проведения реформ, направленных на введение всеобщего начального образования. Следует обратить внимание на то, каким образом согласовались особенности данного этнорегиона с общеимперскими интенциями по реформированию образования и последующей реализацией проектов, находилось ли Степное генерал-губернаторство в финансовом отношении в «привилегированном» отношении.

Относительно нововведений начальных учебных заведений МНП следует отметить постановление 5 июня 1900 г., распространявшее свое действие и на области Степного края. В частности, постановление утверждало увеличение сумм на содержание одно- и двухклассных училищ: теперь ассигнуемый одноклассному училищу кредит составлял «не более 500 р.», двухклассному – «не более 1000 р.» в год³⁴⁰. Кроме того, Министру НП предоставлялось право увеличивать пособия ежегодно для одноклассных училищ – до суммы в 700 руб., для двухклассных – до 1400 руб.³⁴¹

Циркуляром МНП № 4557 от 14 февраля 1901 г. «Об открытии кредита на устройство и содержание начальных училищ» дополнительное финансирование получали все «имеющиеся в виду окружного начальства ходатайства по устройству и содержанию начальных училищ, кроме приходских и других,

³³⁹ Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб., 1904. Т. 3. С. 2186–2187.

³⁴⁰ Настольная книга по народному образованию ... Т. 3. Ст. 7. С. 1694.

³⁴¹ Среди статей расхода на пособия указаны в ст. 1 Постановления 29 мая 1869 г. «О двухклассных и одноклассных училищах Министерства народного просвещения»: учебные пособия и поощрения народным училищам, стипендии учителям из семинаристов, поддержание училищ, содержимых духовенством, земством, обществами и частными лицами. Более того, особенное внимание уделялось выплате пособий учителям, окончившим духовные семинарии. С 5 января 1885 г. вводилась дополнительная процедура, когда директор народных училищ должен был согласовывать с епархиальным начальством кандидатуры, наиболее нуждающиеся в стипендии и затем подавать ходатайства окружному начальству. // См. подробнее: Настольная книга по народному образованию / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб., 1904. Т. 3. Ст. 3424. §§ 1, 14, 15. С. 1693–1696.

получающих содержание по § 9 сметы»³⁴². Примечательно, что максимальной суммой для единовременной выплаты на содержание упомянутых училищ министерства народного просвещения названы 1500 руб. – для одноклассных и 3000 руб. – для двухклассных училищ. Также предусматривалась возможность при обстоятельствах, «вызывающих необходимость изъятия из общих правил», выступать перед МНП с представлением о выделении дополнительных средств на содержание начальных народных училищ³⁴³.

В череде общих мер по увеличению финансирования учебных заведений различного профиля поддержку получили и поселковые, и станичные школы Сибирского казачьего войска, что нашло отражение в «выдаче безвозвратных пособий учителям и учительницам войсковых начальных училищ». Общая сумма для указанных целей Военного совета от 3 декабря 1901 г. устанавливалась в 4000 руб. путем вычета из «кредита в 170200 р., на пособие пострадавшему от неурожая населению Сибирского казачьего войска»³⁴⁴. Ранее, в 1899 г. также была определена сумма на содержание станичных библиотек и войскового станичного склада (1000 руб.), а также сформирована стартовая сумма оборотного капитала (2000 руб.) «для производства всех необходимых операций по выписке и рассылке допущенных к употреблению в народе св. синодом, министерствами н. п. и военным книг, учебных пособий, приборов, припасов и картин для войскового склада, библиотек, и продажу таковых желающим»³⁴⁵.

Для оптимизации контроля и управления входившими в состав Западно-Сибирского учебного округа Акмолинской и Семипалатинской областями постановлением 2 января 1902 г. вводилась должность директора народных училищ обозначенных областей (обязанности, которые до этого момента

³⁴² Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3. Ст. 3424. § 15. С. 1696.

³⁴³ Настольная книга по народному образованию / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3. Ст. 3425. § 2. С. 1697.

³⁴⁴ Настольная книга по народному образованию / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3. С. 2187.

³⁴⁵ Там же. С. 2187.

исполнял директор Омской гимназии, получили законное оформление в новой должности)³⁴⁶.

Финансовым «подспорьем» можно считать распоряжения 1890-х – начала 1900-х гг. о целенаправленной поддержке начального образования в Степном крае. Так, 10 мая 1899 г. мнением Государственного совета было постановлено «предоставить министру н. п. принять меры к сосредоточению всех средств на начальное образование в Степном крае в смете сего м-а, с обращением в пособие означенному ведомству тех сумм, кои назначаются на тот же предмет по земским сметам назначенного края», а 7 апреля 1900 г. было принято постановление о выделении кредита «Степным областям» на народное образование. Далее следовал план о распределении денежных средств на трехлетний период. Особенное внимание уделялось образованию казахского населения. В частности, на указанные цели в Акмолинской и Семипалатинской областях на протяжении 1901–1903 гг. министру народного просвещения по согласованию с министром финансов предписывалось удовлетворять все расходы, указанные в земских сметах и росписях на строительство, содержание аульных школ и выплату стипендий³⁴⁷.

Показателем участия в формировании образовательного пространства (непосредственно через сферу финансового обеспечения) и поддержании функционирования учебных заведений низшего и среднего уровня являлась организация попечительских советов и обществ, функционировавших на территории Западно-Сибирского учебного округа, в частности в областях Степного генерал-губернаторства. Одним из них стало «Общество попечения о начальном образовании в городе Омске». Согласно Уставу, Общество обязывалось, во-первых, «содействовать материальными средствами Городскому

³⁴⁶ Постановлением 1902 г. директору народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей назначался оклад в размере 2.800 руб. в год: «В том числе жалованья 1.000 р., на наем квартиры и канцелярские расходы 1.100 р. и на разъезды 700 р.» // Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. СПб., 1904. Т. 3. § 3. С. 2135–2136.

³⁴⁷ Степень участия министерств была такова, что сначала расходы на образование в целом обращались на счет остатков по росписи земских сборов, а затем, в случае нехватки оных, выделялись напрямую министерством финансов // Настольная книга по народному образованию ... Т. 3. § 3. С. 2136.

общественному управлению в улучшении положения приходских городских училищ», во-вторых «помогать беднейшим и способным ученикам и ученицам приходских городских школ, а по окончании ими курса училищ доставлять способы к продолжению учения в Омских средних учебных заведениях», в-третьих, «оказывать пособие лицам с особенною пользою обучавшим в городских школах», также прописывалась обязанность «оказывать пособие лицам, которые, с разрешения начальства, откроют и будут содержать частные первоначальные школы»³⁴⁸.

Следует отметить, что благотворительная деятельность данного общества находилась под надзором МВД, однако участие МНП осуществлялось через директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей и инспектора соответствующей области, которые, являясь «непременными членами» совета, участвовали в «обсуждении вопросов об удовлетворении нужд учебных заведений города Омска», и следили за «правильным употреблением выдаваемых училищам пособий»³⁴⁹.

Однако, анализ практической деятельности Общества попечения г. Омска позволяет утверждать, что его возможности по поддержке в сфере начального и среднего образования, были крайне ограничены. Кроме этого, в отношении областей Степного края следует отметить количественно больше случаев отказа в прошениях на получение казенных стипендий. Так, из общего количества поданных в 1906–1907 гг. 28 прошений положительное решение было принято по 17 случаям, о результатах пяти ходатайств сведений не обнаружено. Примечательно, что от жителей областей Степного края было подано всего два прошения, которые не были удовлетворены. В целом, наиболее распространенным обстоятельством, способствовавшим освобождению от платы за обучение, было наличие свободного места казенного стипендиата, все же остальные случаи, в которых ходатаи апеллировали к попечительским советам, по большому счету оставались без удовлетворения.

³⁴⁸ Устав Общества попечения о начальном образовании в городе Омске. Омск, 1894. С. 1.

³⁴⁹ Там же. С. 4.

Следовательно, сравнительный анализ приведенных случаев по округу и в Степном генерал-губернаторстве, отсутствие документации, свидетельствующей о сотрудничестве администрации и попечительских советов при необходимости (в крайне тяжелых случаях) выделять из фонда «специальных средств» деньги на вспомоществование детям учителей и вдовам бывших государственных служащих – прямо указывают на непривилегированное положение учебных заведений и главное – контингента учащихся Акмолинской и Семипалатинской областей. Указаний на предпочтение православного вероисповедания либо, напротив, четкого предписания не принимать в учебное заведение представителя иной, кроме православно-христианской конфессии, за 1906–1907 учебный год не встречено.

Таким образом, исследование процесса образовательной интеграции Степного края с акцентированием внимания на этноконфессиональный аспект выявило сложившийся комплекс мер по организации начального школьного образования для государствообразующего этноса. Отличные от механизмов управления казахским этносом, мероприятия для восточно-славянского населения дифференцировались на светское и религиозное направления. И несмотря на имперскую логику государственностроительства, риторику административных кругов, идентифицировавших восточно-славянское население, как государствообразующее, с православным вероисповеданием, ставка была сделана именно на развитие системы светского начального школьного образования. Начиная со второй половины XIX в., одной из ведущих тенденций в этом процессе была главенствующая роль генерал-губернатора. Особое положение в Степном крае структуры МВД объяснялось удаленностью от центра, от учебных округов со схожими по смыслу принципами управления, Оренбургского и Таврического, а также внешнеполитическими событиями и внутригосударственными преобразованиями, связанными с закреплением в Центральной Азии и инкорпорированием казахской степи. Законодательное закрепление полномочий генерал-губернатора связано с Положением об управлении гражданскими учебными заведениями 1859 г., благодаря которому

генерал-губернатор получал возможность коррелировать изменения в образовательном пространстве с производившимися мероприятиями в остальных сферах. Преемственность курса прослеживается и во Временном положении 1868 г., и в Указе об учреждении Степного генерал-губернаторства 1882 г., и в Положении об управлении степными областями 1891 г. и сохраняется в последующем, несмотря на активизировавшуюся деятельность МНП.

Отмечая противостояние указанных министерств в выборе темпов русификации не только казахских мусульманских школ, но и всего Степного края, подчеркнем их обоюдную заинтересованность именно в опоре на светскую школьную систему. И в сфере начального образования восточно-славянского православного населения общность интересов наиболее очевидна была по той причине, что данного вида школы выполняли двойную задачу: обеспечивали условие для адаптации переселенцев, повышая их культуртрегерский потенциал, и служили инструментом инкорпорирования казахов.

Действия чиновников МНП по образовательной интеграции Степного края выражались в централизации контроля над всеми учебными заведениями (светскими и конфессиональными (мусульманскими и церковными в том числе)) по Положению 1874 г., выделению Западно-Сибирского учебного округа с включением Акмолинской и Семипалатинской областей. МНП выступало проводником модернизации: действия окружного начальства, учреждение дирекций (1899, 1902 гг.), инспекций народных училищ (1885, 1902, 1906–1907 гг.), инспекторское районирование (1906, 1916 гг.) – все в целом являлось свидетельством синхронизации процессов с общеимперскими. Однако по ряду причин внешне- и внутривластного характера эти институты управления учреждались с разницей в среднем от года до 4-х лет (всеобщее начальное обучение так и не было введено по плану 1913 г.), результируя региональную специфику Степного края – запаздывавшую модернизацию в ходе образовательного инкорпорирования.

2.2. Место и роль церковно-приходских школ в формировании образовательного пространства Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.)

В отечественной и зарубежной историографии, исследующей теорию управления имперским поликонфессиональным пространством, логику интеграции по отдельным ее компонентам, а также роль институтов и учреждений, осуществлявших в азиатских национальных окраинах политику интеграции, отдельное внимание уделяется идеологическому или культурно-цивилизационному аспекту инкорпорирования³⁵⁰. Особенное место в данном процессе отводилось распространению православного мировоззрения, основанного на концепции «Москва – Третий Рим – Святая Русь». Расширение границ православного мира и увеличение численности православного населения, в том числе посредством развития православного миссионерства среди многочисленных народов империи, ставилось приоритетной задачей региональной составляющей интеграционной политики.

Становится очевидной та роль, которая правящими кругами отводилась Русской православной церкви в реализации задач русификации коренного этноса и инкорпорирования в целом данного этнорегиона в общероссийское пространство. В условиях преобладания мусульманского казахского населения перед РПЦ также стояла задача занять собственную нишу в религиозном пространстве, создав благоприятные условия для религиозно-духовной адаптации неизменно увеличивающегося за счет миграций православного населения.

В 60–80 гг. XIX в. территории Акмолинской и Семипалатинской областей входили в юрисдикцию Томских архиереев. В целом для региона было характерно слабое присутствие институтов Русской православной церкви и отсутствие развитие административно-территориальной системы управления. Так,

³⁵⁰ См., например: Ремнев А.В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века / А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова. Омск, 2013; Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI в.): Сб. статей / Под науч. ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. Оренбург, 2012.

в отчете о состоянии Томской епархии за 1859 г. указывалось, что в епархии насчитывалось 42 благочиннических округа, «так что на каждого благочинного, по числу церквей причитается средним числом по двенадцати. Из них в Томской губернии 24, в Енисейской 17, в Семипалатинской области – 1»³⁵¹. В 1864 г. на территории Семипалатинской области проживало 50265 православных, а функционировало всего 20 церквей и 13 часовен. Таким образом, на каждую церковь приходилось в среднем по 2500 прихожан³⁵². В указанном отчете епископа Томского Парфения (Попова) содержатся сведения о причинах, по которым значительные территории остались вне попечения епархиального духовенства: «Самое незначительное число церквей в Киргизской степи» содержалось «по крайней трудности в проезде и по неимению способов к дальнейшему проезду»³⁵³. Немаловажным обстоятельством отсутствия со стороны епархиальных властей внимания к данному региону, на наш взгляд, объясняется и незначительным количеством православного населения.

Состояние учебного дела в отчете епископа Томского Парфения (Попова) в 1859 г. оценивалось крайне критично. Процесс перманентного расширения приходов, строительства новых церквей приводил к дополнительным расходам, вызывал нехватку «благочиннических кадров», и как следствие – невозможность «завести при них [монастырях. – С.М.] какое-нибудь училище» (всего же в 1859 г. их насчитывалось 31, «число учеников при них было незначительное»)³⁵⁴.

К обстоятельствам, препятствовавшим расширению школьной сети, относились «закоренелость в раскольнических предрассудках» самого населения, «постоянные отвращения причта для исполнения треб по приходам, составленным из нескольких деревень, неустроенность самих приходов и даже церквей вследствие значительного их умножения, не дает; в настоящее время, возможности заняться с большим успехом училищами»³⁵⁵.

³⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 39. Л. 2 – 2об.

³⁵² ГАОО. Ф. 3. Оп. 5. Т. IV. Д. 7011. Л. 747.

³⁵³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 39. Л. 7об. – 8.

³⁵⁴ Там же. Л. 53об.

³⁵⁵ Там же. Л. 53об. – 54.

С 80-х гг. XIX в. процесс церковно-приходского строительства в Степном крае вступил в новый этап, что было связано, как указывалось выше, с началом массовой миграции крестьянского населения из Европейской части Российской империи и резким увеличением в связи с этим численности православного населения. В эти годы фиксировался рост численности приходов в Степном крае. Так, в Акмолинской области к 1887 г. насчитывалось 66 церквей и 45 часовен. Преобладающее их количество располагалось в Петропавловском уезде (35 и 25 соответственно), Омском уезде функционировало 16 церквей, в Кокчетавском – 12 церквей, в Атбасарском и Акмолинском – по одной церкви. Из 66 церквей только 27 были приходскими: православное население Петропавловского уезда было объединено в 12 приходов, Кокчетавского – в 8, Омского – 5. На территории Атбасарского и Акмолинского уездов действовало по одному приходу³⁵⁶.

Русской православной церковью предпринимались определенные шаги, направленные на создание условий для реализации духовно-нравственных потребностей православных переселенцев³⁵⁷. В преддверии учреждения самостоятельной Омской епархии произошли изменения в сторону преодоления препятствий в церковно-школьном строительстве и организации образовательного пространства в целом. По данным Отчета епископа Томского Петра (Екатериновского) о состоянии Томской епархии за 1880 г., во-первых, открытие Томского викариатства способствовало «достраиванию» епархиальной структуры. Во-вторых, произошло выравнивание соотношения приходского духовенства и населения. Совершенно очевидно, что в школьном деле появившаяся возможность «обозреть» паству отразилась в реализации стремления придать образовательному процессу дисциплинированность, упорядоченность³⁵⁸.

Позитивным моментом развития церковно-школьного строительства стало утверждение в 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах». На их основании

³⁵⁶ Памятная книжка Акмолинской области за 1887 г. Омск, 1888. С. 53–54; см. также: Лысенко Ю.А., Стурова М.В. Роль и место православных миссионерских школ в образовательной системе Казахстана (XIX – начало XX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2012. № 4/1 (76). С. 153–158.

³⁵⁷ О конфессиональной доминанте школьного строительства, представленной РПЦ, см., например: Сулимов В.С. Светская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX веков: воспитание учащихся. Тобольск, 2015. С. 83–107.

³⁵⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 907. Л. 5.

духовенству были предоставлены значительные полномочия в деле организации образовательного пространства Российской империи. Согласно «Правилам», распространение получили два типа школ: 1) начальные – для начального образования детей и взрослых. К их числу относились церковно-приходские школы, школы грамоты и воскресные школы; 2) учительские – для подготовки учителей начальных школ. К ним принадлежали второклассные и церковно-учительские школы³⁵⁹.

Для осуществления руководства и контроля за деятельностью церковно-приходских школ в епархиях создавались Епархиальные училищные советы и их уездные отделения. Начальные церковно-приходские школы были «одноклассными» (с двухлетним обучением) и «двухклассные» (с четырехлетним). Перечень изучаемых предметов включал: Закон Божий, Священную историю и объяснение богослужения, краткий катехизис, церковное пение, чтение на церковнославянском и русском языке, начальную арифметику. В программу двухклассных школ добавлялись первичные знания по истории Русской православной церкви и государства. Центральное место в образовательном процессе занимал Закон Божий. Объем преподавания предметов устанавливался специальными образовательными программами, утверждаемыми Училищным советом Синода³⁶⁰.

В 1891 г. Святейшим Синодом были учреждены «Правила о школах грамоты», которые открывались, как правило, в малонаселенных пунктах. Правила определили их порядок организации, источники финансирования и т.д. В 1902 г. вышел в новой редакции закон о церковно-приходских школах. Срок обучения в одноклассных церковно-приходских школах увеличился до трех лет, в двухклассных – до 5. Таким образом, по продолжительности обучения церковные школы сравнялись с министерскими и земскими³⁶¹.

Оформление нормативно-правовой базы функционирования церковно-приходских школ в целом не устранило совокупности проблем, которые были

³⁵⁹ ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 4. № 2318. С. 372.

³⁶⁰ Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М., 2007. С. 279.

³⁶¹ Там же.

характерны для Степного края. Как подчеркивали томские епархиальные власти, сложной оставалась кадровая ситуация, а также отсутствие ярко выраженной мотивации к обучению в православных конфессиональных школах: «В народе видимо мало сочувствия к образованию своих детей. От того школ мало». Причиной «индифферентности» указывалось общее состояние непросвещенности в догматах христианства и православия, в частности³⁶². По этой же причине по итогам отчетного, 1880 г., и церковно-приходских попечительств насчитывалось всего 2; епископ Петр поясняет: «В одних местах прихожане отказываются от учреждения у себя попечительств по религиозной холодности, в других по бедности. Некоторым священникам и удавалось открыть, но по прошествии двух–трех лет попечительства сами собою закрывались, по несочувствию к ним горожан»³⁶³.

Вместе с тем уровень образования самого духовенства, а также «нравственный облик» влияли на появление у паствы «несочувствия» и «религиозной холодности». Как отмечал епископ Петр в отчете за 1880 г., «со стороны образования, духовенство Томской епархии стоит не на высокой ступени». Более того, болезненно воспринимались «недуги» среди пастырей, дискредитировавшие духовенство в целом³⁶⁴.

Однако, не смотря на положительную динамику, к 80–90 гг. XIX в. очевидным стало несоответствие темпов переселения темпам церковно-приходского и церковно-школьного строительства в регионе. Ситуация объяснялась факторами субъективного характера. Открытие новых приходов совершалось по действующему законодательству, согласно которому население вновь открываемого прихода должно было представить письменное обязательство епархиальным властям о том, что оно возьмет на себя расходы по содержанию причта прихода постройке ему домов для проживания, а также гарантирует плату за требы. Большинство крестьян-переселенцев в связи с переменой места жительства и процессом адаптации к новым условиям испытывало крайнюю

³⁶² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 907. Л. 6.

³⁶³ Там же. Л. 9.

³⁶⁴ Там же. Л. 11 – 11об.

нужду и экономически были «не способны брать на себя подобные обязательства». Кроме этого, при создании нового прихода каждому штатному причту светские власти должны были предоставить в пользование 99 десятин земли – пахотной, сенокосной или пастбищной – для ведения хозяйства. Однако на территории Степного края большинство земельных ресурсов находились в пользовании либо казахских обществ, либо казаков Сибирского казачьего войска, что делало фактически невозможным решение вопроса о наделении новых причтов землей³⁶⁵.

От темпов формирования церковно-приходской системы в Степном крае напрямую зависел процесс церковно-школьного строительства. Кроме этого, он напрямую коррелировался с нравственным состоянием паствы и осознанием ею утраты «знания веры» в условиях преобладания инородческого населения, соответственно, понимания угрозы разрушения самоидентификационных основ. Позиция государства в вопросе церковно-школьного строительства определялась стремлением удержать православных от инокультурного воздействия казахско-мусульманского населения. В последнем варианте именно РПЦ служила интересам государства в полной мере (оставаясь при этом самостоятельным субъектом формирования образовательного пространства и сохраняя независимую мотивацию проповеднической деятельности).

По мнению томских епархиальных властей, важным условием роста численности церковно-приходских школ являлось устранение обстоятельств, препятствовавших «укреплению в вере». Разделение паствы на 3 категории, – «переселенцы-православные, сибиряки-старожилы, раскольники (староверы)», – позволило более точно определить направление работы по устранению препятствий к рождению истинной внутренней потребности к делам веры. Соответственно, для первой категории необходимо было предпринимать действия по восстановлению авторитета церкви, для второй – по усилению морально-нравственной доминанты в повседневной жизни и обереганию от отпадения в

³⁶⁵ Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. С. 116.

раскол или омусульманивания, к третьим – возврат к православию посредством поиска компромисса в виде единоверия.

Очевидным препятствием на пути повышения религиозно-нравственного уровня населения Степного края являлось ужасающие крайности безнравственной жизни, являвшиеся одновременно и следствием утраты «знания веры» и непреодолимым барьером в виде жизни не по заповедям, ставшей нормой³⁶⁶. Усиливали негативные тенденции общественной деградации, внося «много нравственной порчи <...> в среду простого народа ссыльнопоселенцы, которых ежегодно водворяется здесь тысяч до двух»³⁶⁷. Таким образом, подразделяя население епархии на определенные категории, духовенство определяло направления проповеднической деятельности, коррелируя их в соответствии со степенью непросвещенности паствы. Глубина проповеднической деятельности варьировалась в соответствии с готовностью реципиентов признать необходимость «восстанавливать» ход жизни по евангельским заповедям. Просвещение, как род деятельности, для церкви был наиболее благодатен с позиции неисчерпаемого потенциала глубины проповеднической деятельности: любой человек, будучи в разной степени осведомлен в догматах, мог почерпнуть больше в меру своей воли и понимания (от выслушивания проповеди по окончанию службы до обучения детей в церковно-приходской школе и т.д.). Свидетельством бесчисленного рода вариаций являлся, например, феномен крещения казахов. Православные миссионеры являлись определенного рода подвижниками в плане ликвидации разрыва между «знанием веры» до «жизни по вере» (чему предшествовал этап ознакомления, просвещения и т.д.).

Первым шагом по выправлению нравственной жизни населения стало «преподавание» прихожанам «начальных истин веры и Заповедей Господних». Так, к мерам расположения населения к «большему нравственному самоочищению», общего просвещения за пределами церковных школ, относятся назидательные проповеди, сопровождающие божественные литургии и

³⁶⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 907. Л. 16 – 16об.

³⁶⁷ Там же. Л. 16об.

исполнение треб. «Для составления и произнесения таких проповедей благочинными в конце года составлялись расписания», утверждаемые епископом и представляемые на рассмотрение Епархиального цензурного комитета»³⁶⁸. В свою очередь, и обучение в церковных школах сформировало в сознании населения почву для восприятия просветительской деятельности священников, как отмечает епископ Томский и Семипалатинский Петр, «с распространением начального образования в народе чрез открытие школ по селениям знание начальных истин веры и благочестия понемногу распространяется в прихожанах. Учившиеся в школах знают Символ веры, Молитву Господню, Десять Заповедей, понимают их, от них усвоят некоторые и из необучавшихся в школах. Но так как школ в епархии очень немного, то вообще религиозно нравственные познания в народе самые ограниченные»³⁶⁹.

Вторым этапом в деле укрепления «знания веры» становилась непосредственно педагогическая деятельность православного духовенства и церковно-школьное строительство. При общей относительно малой численности школ на душу населения (всего 169 с 3675 учащимися обоего пола) по окончании 1880 г. было зафиксировано преобладание двух тенденций: усиление светского компонента в содержании образовательных программ (с оставлением предмета Закона Божия, который преподавали не только лица духовного звания, но и светские учителя «не без успеха»), и коррелировавшееся с данным процессом ведомственное перераспределение от епархиального начальства в пользу министерств³⁷⁰. Ответной реакцией родителей явилось недовольство по причине нецелесообразной траты учебного времени: вместо «чтения церковной печати» на «сказки, басни, пустые рассказы; что родителям очень не нравится, а такую науку называют они «баловством». К тому же, факторами, рассеивавшими интенсивность влияния православного духовенства являлись: передача прав

³⁶⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 907. Л. 10об. – 11об.

³⁶⁹ Там же. Л. 16об. – 17.

³⁷⁰ Как сообщал в отчете епископ Томский и Семипалатинский Петр, «церковно-приходских школ нет в епархии; где были они, там на местах их заведены другие, которые находятся в ведении: одни горнозаводского ведомства, другие Министерства народного Просвещения при волостных правлениях, третьи в селениях государственных крестьян в ведении Казенной палаты» // Там же. Л. 18–18об.

преподавания Закона Божия в деревенских школах светским учителям («Закон Божий преподают священники только в тех школах, которые находятся при церквях»), и скромное годовое жалование законоучителям за уроки в школах³⁷¹, ввиду чего происходило, по мнению епископа Томского и Семипалатинского Петра, «охлаждение усердия» священников в преподавании: «Под разными предлогами они опускают уроки, и на уроках не всегда ведут дело с воодушевлением и любовью».

Недостаток финансирования отразился и на строительстве церковных библиотек, которых в отчетном, 1880 г., не прибавилось (всего – 195) по причине «бедности церквей, которые к тому же вносят значительные суммы на содержание духовно-учебных заведений»³⁷².

Со старообрядцами была избрана ниша для нивелирования обособленности – единоверие. Непосредственно сам факт установления взаимоотношений со старообрядцами в русле диалога (с переменным успехом и разной степени «дружественности»/коммуникативной активности) свидетельствовал о затрачивании значительных усилий по работе в данном направлении. В указанном отчете отмечалась двойственность в религиозно-нравственном состоянии единоверцев, ввиду чего «одни из них номинально принадлежат к единоверию: единоверческого священника чуждаются, в церковь не ходят: идеал их религиозный в расколе», вторая половина – «не только набожно усердны, как единоверцы, но и не чуждаются православных и православного священника»³⁷³. Однако установление контактов со старообрядцами означало ликвидацию обособленности и смену тактики игнорирования даже на скупое взаимодействие и являлось необходимым условием укрепления в вере восточно-славянского населения, подверженного влиянию раскольников, вносивших дезориентацию в понимание догматов переселенцами, не обладавшими достаточными знаниями.

Стоит отметить, что на сферу церковно-школьного строительства указанное направление деятельности влияло по нескольким аспектам: во-первых,

³⁷¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 907. Л. 18.

³⁷² Там же. Л. 18об. – 19.

³⁷³ Там же. Л. 19 – 19об.

вовлеченность детей в систему церковно-приходского образования зависела от осознания родителями необходимости в обучении в церковно-приходских школах, целесообразности. Убежденность напрямую была связана с внутренним осознанием необходимости сохранения связи с традицией, олицетворением которой являлась РПЦ. Авторитет последней был связан с интенсивностью деятельности представителей других конгрегаций и формы диалога, который выстраивала РПЦ. По этой причине наличие определенного количества учеников в приходских школах являлось своего рода «вторичным показателем», демонстрировавшим именно успех прохождения первого этапа. Доказав свое право называться институтом, аккумулирующим и передающим этно-конфессиональный субстрат, РПЦ вынуждена была сначала «унифицировать» подведомственное епархии пространство, подчинить, в пределах допустимого, идеологическому контролю других самостоятельных субъектов религиозных отношений, затем направить усилия по расширению сети приходских школ³⁷⁴.

Во-вторых, несмотря на «неперекрещивающиеся» сферы деятельности миссионеров и законоучителей, шире – педагогов церковно-приходских школ, рассредоточение усилий по достижению относительного единообразия конфессионального пространства епархий, безусловно, снижало интенсивность и основательность деятельности священнослужителей в школьном деле. Прежде всего, истощение было связано с финансовыми затратами: в отчетах томских архиереев неоднократно упоминалось о недостатке средств для строительства отдельного от церкви здания школы. И хотя общим заключением о состоянии паствы по итогам 1880 г. была фиксация результативности деятельности духовенства (что выразилось в небольшом росте религиозного настроения в пользу православия)³⁷⁵, все же темпы церковно-школьного строительства были незначительными³⁷⁶.

Новый этап церковно-школьного строительства в Степном крае связан с образованием Омской епархии в 1895 г. Одной из главных причин ее образования

³⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 907. Л. 8 – 8об.

³⁷⁵ Там же. Л. 21.

³⁷⁶ Там же. Л. 6об.

стало резкое увеличение численности православного населения в регионе и необходимость формирования максимально комфортных условий для реализации его религиозно-духовных потребностей. Именно поэтому, в 1895 г. параллельно с изданием указа о создании Омской епархии, была организована деятельность Епархиального училищного совета и четырех его уездных отделений: Семипалатинского, Ишимского, Тарского, Тюкалинского. В 1898 г. к ним добавилось еще два – Омское и Акмолинское³⁷⁷.

Епархиальный училищный совет с момента организации прилагал значительные усилия на привлечение государственных средств на нужды церковно-школьного строительства. Уже в 1895 г. Государственный совет Российской империи ассигновал на эти цели из средств государственного казначейства 3279205 руб. Одновременно с государством денежные дотации на строительство церковно-приходских школ в Степном крае оказывал Благотворительный фонд им. императора Александра III. Например, «на его средства в Омской епархии с 1895 по 1900 гг. было построено 52 школьных здания, в том числе каменных – 2, деревянных – 38, глинобитных и саманных – 12»³⁷⁸. В 1902 г. в пределах Акмолинской области располагалось 4 церковно-приходские школы и 2 школы грамоты, в Семипалатинской области – 23 церковно-приходских школы и 17 школ грамоты. К 1905 г. эти показатели по Акмолинской области увеличились до 38 церковно-приходских и 28 школ грамоты, в Семипалатинской области – 30 и 20 соответственно³⁷⁹.

Важно отметить, что в условиях нехватки средств на строительство новых школ и их комплектации, православное население привлекалось к обучению в миссионерских школах. Например, по данным отчета Киргизской миссии Омской епархии за 1897 г., отмечалось, что «при станах миссии существовало в отчетном году 6 училищ. Во всех школах в течение года обучалось 162 мальчика и 41 девочка, а всего 203 человека, в том числе детей инородцев 30 человек». И только

³⁷⁷ ОмЕВ. 1909. № 10. 15 мая. С. 27.

³⁷⁸ Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.) Барнаул, 2011. С. 109.

³⁷⁹ ОмЕВ. 1903. № 17. 1 сент. С. 4–10; Голошубин Н. Справочная книга Омской епархии. В 7-ми книгах. Омск, 1914.

в двух из шести миссионерских школ «обучаются исключительно дети новокрещенных киргиз»³⁸⁰.

Важным шагом в расширении образовательного пространства РПЦ в Степном крае следует считать организованное государством в начале XX в. беспрецедентное по масштабам церковно-приходское и церковно-школьное строительство в регионе. Его основанием стал майский указ Синода 1907 г. «О порядке учреждения новых приходов в Азиатской России». В нем подчеркивалось: «...Вследствие усилившегося притока переселенцев за Урал и истощения свободного земельного запаса в наиболее заселенной части Сибири, земли для выдворения выходцев из Европейской России отводятся, с одной стороны, – все дальше на север – в тайгу, с другой – далее – на юг, в киргизскую степь, причем переселенческие участки часто находятся в расстоянии 100 и более верст от ближайших селений. При таких условиях, недостаток в Сибири православных храмов и церковно-приходских организаций является весьма ощутимым. <...> В настоящее время, вследствие обширности существующих приходов, священники лишены возможности посещать новые поселки, ещё не вошедшие в состав этих приходов. Множество же населения проживает в таком отдалении от приходов, что вовсе не в состоянии обращаться к ним даже в самых необходимых случаях»³⁸¹.

Указом Синода новые приходы в азиатских епархиях открывались «без обязательного требования от прихожан исполнения всех установленных для сего условий». Для составления и реализации планов церковно-приходского и церковно-школьного строительства в 1907 г. в Омской епархии была организована работа Епархиальных комитетов по устройству церковного быта переселенцев и их уездных отделений³⁸². Координировать деятельность Епархиальных комитетов было призвано созданное при Синоде в мае 1908 г. Особое совещание. На него возлагалась задача «...выявления церковных нужд в переселенческих местностях и выработка общего плана их удовлетворения» посредством

³⁸⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1681. 14об. – 16.

³⁸¹ ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 122. Л. 1– 1об.

³⁸² Там же. Л. 140.

«установления средненормальной цифры отпуска на построение церквей и причтовых домов; а также на содержание причтов в переселенческих приходах», а также определение «пунктов», в которых было необходимо «приступить к открытию приходов и причтов в первую очередь, отложив осуществление предположений относительно учреждения постоянных приходов»³⁸³. Результатом работы Омского епархиального комитета по устройству религиозных нужд православного населения стало открытие, например, в 1908 г. 92 самостоятельных приходов.

Параллельно с организацией новых приходов, Омский епархиальный комитет осуществлял планирование церковно-школьного строительства во вновь открываемых приходах и в отдельных переселенческих поселках. Учитывая то обстоятельство, что объемы строительства должны были стать огромными, но при этом финансовые возможности государства были ограничены, «было принято решение о строительстве в приходах помещений, функционально предназначавшихся сразу и для церковных мероприятий и для организации школьных занятий, так называемых церквей-школ. Предполагалось, что со временем, когда переселенцы окрепнут экономически и смогут построить на свои средства новые, более просторные и дорогие церкви, построенные церкви-школы в этих приходах станут использоваться только как школьные помещения. Поэтому, проектируя постройку церкви-школы, изначально исходили из того, что здание должно соответствовать, прежде всего, учебным требованиям»³⁸⁴.

Как отмечает Ю.А. Лысенко, Омский епархиальный комитет при планировании и проектировании церквей-школ учитывал количество населения того или иного прихода, перспективы его роста, доступность строительных материалов. Например, в районах, где имелись в достатке строительные материалы из древесины, проект церкви-школы с количеством учащихся в 50–60 человек оценивался в 3000 руб. В районах, где имелся их недостаток, принималось решение о строительстве церкви-школы из кирпича, что приводило

³⁸³ ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 122. Л. 137.

³⁸⁴ Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.) Барнаул, 2011. С. 79–80.

к удорожанию проекта до 5000 руб. В 1911 г. Омской епархии было ассигновано 33 тыс. руб. на строительство церквей-школ³⁸⁵.

Общее количество церковно-приходских школ и школ грамоты по Акмолинской и Семипалатинской областям к 1915 г. представлены в таблице 1.

Таблица 1

Число школ в пределах прихода. Омская епархия, 1915 г.³⁸⁶

Область, уезд	Церковно-приход школы	Школы грамоты (церковные)	Земские	МНП
1) По Акмолинской области:				
гор. Омску	6	—	—	30
его уезду	6	2	—	52
гор. Петропавловску	3	—	—	6
его уезду	29	3	—	34
гор. Кокчетаву	—	—	—	—
его уезду	31	4	—	48
гор. Акмолинску	1	—	—	6
его уезду	10	1	—	17
гор. Атбасару	—	—	—	4
его уезду	10	2	—	22
2) По Семипалатинской области:				
По гор. Семипалатинску	5	—	—	—
его уезду	4	—	—	16
гор. Павлодару	1	—	—	8
его уезду	3	—	—	33
гор. Устькаменогорску	6	—	—	7
его уезду	5	—	1	15
гор. Зайсану	—	—	—	3
его уезду	—	—	1	3
Итого	120	12	2	304

Сравнивая данные таблицы со статистическими ведомостями Омской епархии за 1912 г. можно утверждать, что в Степном крае происходило неизменное увеличение численности церковно-приходских школ и школ грамоты. Так, в 1912 г. в Акмолинской области насчитывалось 88 церковно-приходских

³⁸⁵ Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.) Барнаул, 2011. С. 83.

³⁸⁶ Таблица составлена по данным, предоставленным канцелярии Синода Омской епархией за период 1910–1915 гг. // РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 438. Л. 128об. – 129.

школ, 8 школ грамоты. В 1915 г. численность первых возросла до 96, школ грамоты – до 12. Статистические данные также свидетельствуют о преобладании в целом светского компонента в организации взаимодействия в образовательном пространстве. К примеру, в 1912 г. школ, подведомственных Министерству народного просвещения, насчитывалось 205, а в 1915 г. – 219³⁸⁷.

Функционирование церковно-приходских школ Степного края сопровождалось определенными трудностями. Прежде всего, это кадровая проблема, особенно для школ грамоты, создаваемых, как правило, в сельской местности. При низкой оплате труда и тяжелых бытовых условий для этой категории школ была характерна сильная текучесть кадров, большинство учителей таких школ не имели педагогического образования. Низкий уровень профессиональной подготовки учителей значительно снижал эффективность преподавания в школах грамоты. «Сравнительная молодость учителей, а также происхождение их из той же крестьянской среды и даже деревни» порождали недоверчивое отношение со стороны населения и проблемы во взаимоотношениях на уроках между ними и учениками³⁸⁸.

Абсолютное большинство школ грамоты не соответствовало медико-санитарным нормам. В школах этой категории отсутствовали медицинские пункты, общежития при школах, столовые и т.д.³⁸⁹ Актуальной являлась и проблема материально-технического обеспечения школ. Как правило, не хватало мебели в классах, школьных учебников и методической литературы, а также школьных принадлежностей: тетрадей и ручек³⁹⁰. Проведя анализ отчетов епархиальных училищных наблюдателей Ю.А. Лысенко подчеркивает: «Данную проблему пытались решать на уровне епархиальных училищных советов посредством организации централизованного снабжения школ книгами, учебными пособиями и канцтоварами. Они высылались в школы по мере необходимости по заявкам учителей. Однако какого-либо однообразного порядка

³⁸⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 438. Л. 128 об. – 129.

³⁸⁸ ОмЕВ. 1904. № 17. 1 сент.

³⁸⁹ ОмЕВ. 1907. № 21. 1 нояб. С. 13.

³⁹⁰ ОмЕВ. 1907. № 18. 15 сент. С. 13.

снабжения школ книгами не было. К тому же рассылка по школам книг и канцтоваров затруднялась из-за почтовых правил о пересылке, согласно которым вес посылки с казенной печатью был ограничен»³⁹¹.

Претензии епархиальных властей имелись и к процессу обучения в церковно-приходских школах и школах грамоты. По донесениям епархиального училищного наблюдателя на недостаточно высокий уровень было поставлено преподавание целого ряда предметов, таких как: Закон Божий, история Ветхого завета и Нового завета, церковно-славянская грамота и церковное пение.

Таким образом, Русская православная церковь являлась самостоятельным и активным субъектом формирования и развития начального школьного образования в Степном крае, а вместе с ним, в целом, политики культурно-цивилизационной интеграции региона в общеимперское пространство. Именно религиозное просвещение православного населения своевременно было определено как важный аспект восстановления идейно-мировоззренческой связи региона с имперским центром. Посредством восстановления и укрепления «знания веры» православное духовенство создавало прочную основу противостояния тенденции омусульманивания русскоязычного населения. Вкупе с деятельностью Киргизской миссии по христианизации казахов, в том числе и через образовательные учреждения, – усилия РПЦ в Степном крае по интеграции этнорегиона в целом возможно считать успешными.

Развитие церковно-школьной системы в Степном крае условно разделяется на два периода. На первом этапе – 60–80 гг. XIX в. – процесс церковно-школьного строительства на территории Акмолинской и Семипалатинской областей осуществлялся под руководством Томских и Тобольских архиереев в русле общеимперского законодательства. Для периода были характерны низкие темпы ввода в эксплуатацию школ, что объяснялось незначительной численностью православного населения, а также ограниченностью финансовых возможностей церковных структур и самого населения.

³⁹¹ Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.) Барнаул, 2011. С. 83.

Второй этап развития церковно-школьной системы в Степном крае – 90-е гг. XIX – 1917 гг. – связан с двумя важными факторами: открытием Омской епархии, территориально охватившей Акмолинскую и Семипалатинскую области, а также массовой миграцией православного крестьянского населения из европейской части России в Степной край. Под воздействием данных факторов государство было вынуждено более ответственно и взвешенно подойти к решению вопроса о реализации духовно-религиозных прав переселенцев и их адаптации в инокультурной среде. Поэтому для этого этапа были характерны достаточно высокие темпы церковно-школьного строительства в Степном крае, главным образом, за счет государственных дотаций и средств Синода.

Значительно меньшее число школ РПЦ относительно учебных заведений МНП являлось закономерной тенденцией, поскольку Омская епархия не могла равноценно противостоять тенденции имперского руководства по реализации варианта интегрирования при использовании светской модели обучения. Поощрение строительства школ МНП, а также профильных («профессиональных») учебных заведений, подведомственных другим министерствам, происходило в контексте политики русификации, и считалось приоритетным направлением формирования образовательного пространства Степного края.

Заключение

Залогом успешного развития экономических отношений является сокращение возможных факторов риска, в том числе и реакций, обусловленных спецификой национальных менталитетов, культурно-цивилизационные особенности которых, бесспорно, определяют контекст данного вида взаимоотношений. Обстоятельством, генерирующим напряжение, является и процесс глобализации и региональной интеграции – бросает вызов сохранению сугубо национальным характеристикам субъектов, их традициям в целом. Следовательно, необходимым условием является обнаружение особенностей взаимовосприятия, основывающихся на традиционных ценностях, формирующихся посредством религии, языка, исторической памяти. В истории международных отношений России и Казахстана существует опыт культурно-цивилизационной коммуникации реализованный через образовательную интеграцию Степного края в общеимперское пространство. Данная сфера взаимодействия позволит обозначить конфликтные узлы, негативный опыт воспроизведения диалогов, экстраполируемые на область современных взаимоотношений, обозначаясь в диапазоне от недоверия до стремления компенсировать состоявшийся в прошлом неравноправный взаимообмен посредством давления на отношения в настоящее время.

Обращение к исторической ситуации образовательной интеграции указанного этнорегиона поставило в центр внимания процессы инкорпорирования населения Степного края с опорой имперской администрации на светские и религиозные начальные образовательные учреждения. Применительно к казахскому этносу – инородческие (русско-казахские, аульные) школы, а также – министерские (Министерства народного просвещения) и миссионерские (Томская, Омская епархии). Включение собственно государствообразующего, восточно-славянского, населения в общеимперское образовательное пространство осуществлялось посредством строительства министерских школ (одно- и двухклассных народных училищ, сельских, земских школ, и уездных, городских),

а также церковно-приходских, воскресных школ, школ грамоты и частных школ начальной ступени образования.

Исследование образовательной интеграции позволило выявить особенности культурно-цивилизационного взаимовосприятия, сформировавшиеся в условиях неравноправного обмена. Причиной «неравноправности» в данном случае являлось преимущество Российской империи, выступавшей инициатором диалога (происходило вторжение в казахскую национальную и культурную среду с целью включения региона в общеимперское пространство). Казахское же население вынуждено было реагировать на культурно-цивилизационную интеграцию, ставя главной задачей сохранение традиционных ценностей.

С начала рассматриваемого периода в министерской среде происходило формирование комплекса мер по образовательной интеграции населения Степного края в общеимперскую культурную среду. На данном этапе, до преобразования Акмолинской и Семипалатинской областей в Степного генерал-губернаторства, этнорегион объективно идентифицировался как казахско-мусульманский ввиду численного преобладания указанного этноса. К 1882 г. в министерских кругах сформировалось мнение о распространенной среди казахского населения развитой автономной системы обучения в мусульманских школах и вместе с тем осознавалось недостаточное «присутствие» в образовательном пространстве Степного края имперских школ. Ключевыми «проводниками» в образовательной коммуникации имперская администрация обозначала русский язык и систему светского школьного образования. Оформление также получил опыт русификации через светское образование – Омскую школу для казахских детей (1857 г.).

Центральная власть интегрировала Степного край, распространяя модернизационные мероприятия в образовании общеимперского характера («Устав гимназий и прогимназий», «Положение о народных училищах» 1864 г., Положения 1874 г. о сосредоточении контроля в ведомстве МНП народных училищ светских и церковно-приходских училищ духовного ведомства, Постановление от 20 ноября 1874 г. о сосредоточении управления инородческими

школами разных наименований, в т.ч. мусульманскими в ведомстве Министерства народного просвещения). Главенствующую роль в регулировании процесса образовательной интеграции занимали структуры МВД: в Степном крае за генерал-губернатором были закреплены широкие полномочия по координации решений в области гражданской и военной. Законодательно заложенные на данном этапе принципы управления (Временное положение об управлении в степных областях 1868 г.) позволяли генерал-губернатору аккумулировать сведения внешнеполитического характера и коррелировать инкорпорирование в связи с целевой установкой имперского центра.

В дальнейшем, в период, когда степные области, Акмолинская и Семипалатинская, были объединены в Степное генерал-губернаторство с изменением исторических условий, повлекших изменения и в этноконфессиональной карте населения (в сторону увеличения численности государствообразующего этноса) произошла «диверсификация» образовательной политики. В логике строительства начальных образовательных учреждений был продолжен вектор на интеграцию и закрепился принцип сохранения имперских структурных связей через особый комплекс мер в отношении казахского и восточно-славянского населения.

Применительно к казахскому населению, следует выделить следующие направления интеграции: ограничение мусульманской школы и предоставление альтернативы в качестве «синтезного варианта» (на пересечение двух мировоззренческих основ: российско-имперской и казахско-мусульманской, на основе светской традиции). Получила развитие тенденция принадлежности генерал-губернатору ведущей роли в образовательной интеграции. И хотя на протяжении всего рассматриваемого периода МНП создавало перевес в сторону активной русификации, структурам МВД удалось сохранить за генерал-губернатором функции согласования процесса строительства начальных школ для казахского населения сообразно тенденциям центростремительного характера, и приостановки тенденций, которые усиливали дезинтеграционные начала (рост национального самосознания, этническую консолидацию у казахов-мусульман,

усиление их ориентированности в развитии на мусульманские институты и внешнеполитические контакты).

Затруднения в русификации, испытываемые и МВД, и МНП, на этапе 1880-х гг. – 1917 г. были связаны с преемственностью проблем, возникавших в процессе образовательной интеграции в 1850-е – 1870-е гг. По-прежнему большей популярностью среди казахского населения пользовались мектебы. И, несмотря на разные взгляды в формировании образовательной политики, на программы аккультурации, взаимоисключавшие друг друга, все же действия указанных министерств носили и взаимодополняющий характер. МВД продолжало курс контроля за: количеством мечетей и мусульманских школ (ограничение строительства); организацией классов русского языка при мектебах. МНП продолжало линию на активное инкорпорирование через строительство сети начальных школ светского характера, а также русско-казахских, в т.ч. аульных.

Так, российско-имперская образовательная система, направленная на включение казахов в общеимперское образовательное пространство и стремившаяся создать альтернативу предпочитаемых ими мусульманских школ, представляла широкий круг начальных образовательных учреждений. Адаптирующим элементом выступали следующие условия (продолженные со второй половины XIX в.): 1) для министерских школ (принадлежавших ведомству МНП, начальных народных училищах, одно- и двухклассных, сельских и городских) – выравнивались условия поступления (разрешение не посещать уроки Закона Божия, продолжен курс на отсутствие сословных ограничений); 2) для русско-казахских (кроме вышеперечисленных) – возможность преодоления языкового барьера с помощью опоры на родной язык в процессе обучения, сроком от нескольких месяцев до года; 3) для аульных – преодоление бытовых трудностей, связанных с кочевым образом жизни и ведением хозяйственной деятельности. Бесплатное обучение предоставлялось во всех указанных школах. Невысокие показатели грамотности (читаем – включенности в процесс модернизации образовательного пространства) казахов были связаны как с проблемами финансирования, так и препятствиями цивилизационно-

мировоззренческого характера интегрируемого этноса и государствообразующего.

Изучение процесса становления и развития начального школьного образования с выделением этноконфессионального аспекта позволило выявить следующие характеристики образовательной интеграции, отразившейся на государствообразующем этносе, православном населении.

Во-первых, развитие начального школьного образования проходило в русле общеимперских тенденций модернизации, но с запозданием, вызванным необходимостью решения внутри- и внешнеполитических задач (рост самосознания у населения национальных окраин, трансформация государственного устройства, интеграция степных областей и Туркестанского края по другим аспектам, территориально-административному, судебному устройству, экономическим преобразованиям, что снижало объемы субсидирования на образовательную составляющую).

Во-вторых, основной упор был сделан на светские учреждения, позволявшие реализовать двойную задачу: и распространить структуру организации образовательного пространства для русскоязычного населения (в продолжение колонизационно-переселенческих мероприятий); и русифицировать казахов. В направлении восточно-славянского этноса политика министерских структур претерпела эволюцию от строительства учебных заведений имперского типа (МНП) по мере увеличения переселенцев (для удовлетворения потребности в воспроизводстве культурно-религиозных мировоззренческих основ в инородческой/-верческой среде) к целенаправленной политике «этносбережения», воспрепятствования «обратной ассимиляции» (омусульманиванию) и утраты связи с «имперским центром». Главную роль в произошедшем переломе, – ускорении действий, направленных на актуализацию исторической памяти и «знания веры», – выполнила Русская православная церковь.

Несмотря на подчиненность общей государственной линии на развитие светского образования, РПЦ проявила достаточную самостоятельность, выраженную как в состязании с МНП (по реализации Положения 1874 г. и

перехода церковно-приходских школ в ведомство МНП), так и в организации конфессионального варианта интеграции казахов посредством их обучения в миссионерских школах. Контингент обучавшихся в миссионерских школах составляла группа социально необеспеченных казахов, мотивированных к обучению получением земли, материального вспомоществования.

Благодаря попыткам сохранить определенную автономность от МНП, строительству церковно-приходских школ грамоты, воскресных школ, церковным структурам удалось выявить проблему утраты религиозной просвещенности собственно государствообразующего этноса, восточно-славянского населения. Таким образом, выступая равноценным, наряду с министерскими учреждениями, субъектом образовательной политики, РПЦ проводила линию на русификацию казахского населения и усиление интеграционно-аккультурационного потенциала государствообразующего этноса.

В целом, исследование процесса организации сети начального школьного образования с акцентированием внимания на этноконфессиональном аспекте интеграции Степного края в общеимперское пространство на протяжении второй половины XIX в. – 1917 г. к вышеизложенным характеристикам позволило сделать заключение. По мере включения Степного края в орбиту модернизационных процессов общеимперского масштаба дифференцирование подхода в управлении русскими и казахам, и далее – по светскому и религиозному направлениям, закрепилось и продолжило развиваться вплоть до 1917 г. Реализация отдельных законопроектов, дискуссионность в процессе их принятия, многовариантность при реализации (сравним уникальность варианта с восточно-славянским этносом (проба пера для империи, т.к. русские переселенцы оказались в чужой иноэтничной среде и государству необходимо было выработать механизмы адаптации и обратить государствообразующий этнос в культуртрегеров) и казахской школой (в общем – политика согласовывалась с имперским курсом на мусульманскую школу, но были и свои региональные особенности) – все в комплексе свидетельствует о релевантном подходе – выборе этноконфессиональной идентификации региона в качестве основы для политики

интеграции. И именно создание системы начального школьного образования как продолжение общего курса на русификацию явилось полем для реализации данной стратегии.

Результаты примененной практики управления неоднозначны. Несмотря на целесообразность выбранной стратегии инкорпорирования, степень интегрированности казахского населения в образовательной сфере осталась невысокой. И вместе с тем были продемонстрированы модели культурно-образовательной коммуникации, этнической адаптации в контексте указанных мероприятий. Более того, рассмотрение образовательной интеграции посредством логики обусловленности этноконфессиональными особенностями Степного края позволило реконструировать исследуемый процесс как региональный вариант модернизации. Представленная через совокупность интеграционных мер в образовательной среде практика управления коренным образом отличалась от мероприятий в соседних этнорегионах. К примеру, в сравнении с Оренбургской областью – неинституционализированностью процесса религиозной консолидации, а с Туркестанским генерал-губернаторством – в большей степени свободой конфессионально-школьного строительства. Все вместе указанные обстоятельства обеспечили условия для проявления адаптационных и преобразовательных способностей казахского и государствообразующего этносов, а их анализ своим результатом представил уникальный исторический опыт инкорпорирования одного из регионов Азиатской России.

Список сокращений

ВМ – Военное министерство

ГААК – Государственный архив Алтайского края

ГАОО – Государственный архив Омской области

ГАТО – Государственный архив Томской области

ДДД ИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий

ЗСУО – Западно-Сибирский учебный округ

МВД – Министерство внутренних дел

МНП – Министерство народного просвещения

ОмЕВ – Омские епархиальные ведомости

ОП – Образовательные программы

РГИА – Российский государственный исторический архив

РПЦ – Русская православная церковь

ТобЕВ – Тобольские епархиальные ведомости

ТомЕВ – Томские епархиальные ведомости

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

Список использованных источников и литературы

Источники

Опубликованные источники

Законодательные и нормативные акты

Устав о сибирских киргизах, 22 июля 1822 г. // ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 38. № 29127.

Устав гимназий и училищ уездных и приходских, 8 декабря 1828 г. // Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. – СПб., 1886. Ч. 2. – С. 1–21.

Положение об управлении Семипалатинской областью, 19 мая 1854 г. // ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 29. Ч. 1. № 28255.

Положение об управлении гражданскими учебными заведениями в Западной Сибири, 12 апреля 1859 г. // ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 34. № 34355.

Положение о начальных народных училищах, 19 июля 1864 г. // ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 39. Ч. 1. № 41068.

Положение об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями, 21 октября 1868 г. // ПСЗ РИ. Собрание 2. Т. 43. Ч. 2. № 46380.

Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев, 26 марта 1870 г. // Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колониетских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских / Сост. Г.Фальборком и В.Чарнолуским . – СПб., 1903. – С. 14–19.

Постановление о передаче в ведение Министерства народного просвещения башкирских, киргизских и татарских школ разных наименований, 20 ноября 1874

г. // Иностранческие и иноверческие училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил. – СПб., 1903. – С. 19–20.

Указ об учреждении Степного генерал-губернаторства, 18 мая 1882 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 2. № 886.

Постановление об устройстве училищной части в областях Акмолинской и Семипалатинской, 26 октября 1882 г. // Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуцкий. – СПб., 1904. Т. 3. – С. 2135.

Правила о церковно-приходских школах, 13 июня 1884 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 4. № 2318.

Указ об учреждении в Акмолинской и Семипалатинской областях должностей инспекторов народных училищ, 7 мая 1885 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 3. № 2926.

Высочайше утвержденное мнение Государственного совета об учреждении Западно-Сибирского учебного округа, 12 марта 1885 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 15. №. 2808.

Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями, 25 марта 1891 года // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 11. №. 7574.

Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, 25 марта 1891 года / Под ред. Ф.Н. Кишенского. – Омск: Типография А.К. Демидова, 1893. – 210 с.

Указ об учреждении Омского епархиального управления и об утверждении штата оною, 16 января 1895 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 15. №. 11274.

Указ о преобразовании пяти киргизских школ в степных областях в сельскохозяйственные школы, 15 января 1896 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 16. Отд.1. № 12423.

Указ о предоставлении Степному генерал-губернатору права удалять в избранную им местность иностранцев, вредных для общественного порядка и спокойствия, 17 ноября 1897 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 17. № 14648.

Правила для аульных русско-киргизских школ Акмолинской и Семипалатинской областей, 11 октября 1901 г. // Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции. С. 2136.

Указ об укреплении начал веротерпимости, 17 апреля 1905 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 25. № 26126.

Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», 17 октября 1905 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 25. № 26803.

Андреянов М. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России. – Симбирск: Тип. А. и М. Дмитриевых, 1907. – С. 1–16.

Учреждение Министерства народного просвещения // Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. II. – СПб., 1912.

Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке (Екатеринбург, 11 ноября 2013 г.). Ст. 9, 22, 23, 25 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499073635>

Сборники документов

Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. [и др.] Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX – начале XX в.: Документы и извлечения / отв. ред. А.В. Старцев. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 624 с.

Инородческие и иноверческие училища: Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колониетских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских, караимских и еврейских / Сост. Г.Фальборком и В.Чарнолуским. – СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольф, 1903. – 62 с.

Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и авт. ввводн. ст. Д.Ю. Арапов. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. – 367 с.

История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сборник документов и материалов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 1120 с.

Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): Сборник документов / Сост.: Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев [и др.]. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 575 с.

Культурное строительство в Казахстане: Сборник документов и материалов / Под ред. Абдулкадыровой М.А., Бейсембаева С.М., Голубятникова С.С., Хабиева Х.Х. – Алма-Ата: Казахстан, 1965. – 567 с.

Лысенко Ю.А. [и др.] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения / Составители: Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова. Отв. ред. Ю.А. Лысенко. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 582 с.

Материалы по истории политического строя Казахстана: Со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции / Академия наук Казахской ССР; Сост. М.Г. Масевич; Отв. ред. С.З. Зиманов. Т. 1. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. – 441 с.

Министерские училища. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений о двухклассных и одноклассных училищах Министерства народного просвещения / Сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуский. – СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1903. – 41 с.

Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. – СПб: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1904. Т. 3. – 713 с.

Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа / Сост. Г.Фальборк, В. Чарнолуский. – СПб: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1911. Т. 4. – 788 с.

Рабочее и аграрное движение в Казахстане 1907–1914 гг. Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. – 566 с.

Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1869. – 522 с. [Электронный ресурс]. URL: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_003582732/viewer/?page=2

Сборник документов по истории отношений России с Китаем. 1689–1881. – СПб.: МИД, 1889. – 271 с.

Сборник сведений о специальных капиталах ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Вып. 5. Западно-Сибирский учебный округ. – Пг.: Изд-е МНП, 1915. – 144 с.

Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П.Аннин. Изд. 2-е, изменен. и доп. – СПб.: Типография Глазунова, 1886. Ч. 2. – 160 с.

Документальные публикации

Записка председателя Совета Министров о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. – СПб.: Государственная типография, 1910. – 172 с.

Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом: Переселенческое дело в Туркестане. – СПб.: Сенаторская тип., 1910. – 468 с.

Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом: Учебное дело. – СПб.: Сенаторская тип., 1910. – 177 с.

Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А.С. Будиловича. – СПб.: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. – 366 с.

Труды Частного совещания, созванного 20 мая 1907 года степным генерал-губернатором по вопросам о нуждах киргизов Степного края. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1908. – 93 с.

Устав Общества попечения о начальном образовании в городе Омске. – Омск: Типография Акмолинского Областного Правления, 1894. – 6 с.

**Работы просветителей и педагогов-реализаторов имперской
образовательной политики**

Алекторов А.Е. Указатель книг и журналов, газетных статей и заметок о киргизах. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. – 14 с.

Алекторов А. Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 144. Отд. 4. № 12. С. 154–191.

Алекторов А.Е. Иностранцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Литовцы. Евреи. Немцы. Армяне. Татары / А.Е. Алекторов, с предисл. и добав. А.С. Будиловича. – СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1906. – 134 с.

Алекторов А.Е. Киргизская хрестоматия: Сборник статей для переводов на русский язык для классного и домашнего чтения с рисунками. Изд-е 3-е доп. – Омск: Изд-е книжного магазина А.С. Александрова, 1907. – 61 с.

Алтынсарин И. Киргизская хрестоматия. Кн. 1. – Оренбург: Типография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1879. – 100 с.

Васильев А.В. Учение Корана и мухаммеданские предания о Боге и предопределении // Православный собеседник. 1887. Ч. 3. С. 82–120.

Васильев А.В. Букварь для киргиз. Изд.2-е. – Казань: Центральная типография, 1912. – 59 с.

Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881 [Электронный ресурс]. URL: <http://qrim.org/?p=16813>

Гинс Г.К. В киргизских аулах. Очерки из поездки по Семиречью. – [Б.м.: б.и.], 1913. – С. 285–332.

Ильминский Н. Школа для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани // Сборник документов и статей по вопросу об образовании иностранцев. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1869. С. 53–84 [Электронный ресурс]. URL: <http://ibook-edu.ru/books/121790/read#page1>

Ильминский Н.И. Письма к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. – Казань: Типо-Литография Императорского университета, 1895. – 414 с.

Катаринский В.В. Грамматика киргизского языка. – Оренбург: Тургайская областная типография, 1906. – 217 с.

Кунанбаев А. Слова назидания. Слово второе, третье, двадцать пятое [Электронный ресурс]. URL: <http://абай.kz/category/slova-nazidaniya-abaj/>

Остроумов Н.П. Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространения среди них православного христианства. – Казань: Типография Императорского университета, 1879. – 116 с.

Остроумов Н.П. Что такое Коран? По поводу статей Г.г. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурзы-Алима. – Ташкент: Тип., арендуемая Базилевским, 1883. – 156 с.

Остроумов Н.П. К.П. фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания и исторический очерк народного образования в крае. Ташкент: Типо-литография т. д. «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1899. – 286 с.

Остроумов Н.П. Коран и прогресс: По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман. – Ташкент: Тип. Штаба Турк. воен. округа, 1901. – 256 с.

Яковлев Н. (Н.Я. Коншин). По Усть-Каменогорскому уезду. Путевые заметки // Семипалатинские областные ведомости. № 45–46. 1898. 1899. № 4. Часть неофициальная.

Статистические издания

Куломзин А. Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. – СПб.: Государственная Типография, 1912. – 49 с.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 16]: Область сибирских киргизов. – Ч. 2. / Сост. Ген. штаба подполковник Н.И. Красовский. – СПб.: Типографии Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. – 428 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1881 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1882. – 72 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1882 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1883. – 73 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1883 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1884. – 65 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1891 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1892. – 85 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1894 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1896. – 123 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1895 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1897. – 42 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1898 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1900. – 117 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1902 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления. – 74 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1905 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1906. – 71 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1907 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1908. – 100 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1909 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1910. – 82 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1910 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1911. – 116 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1911 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1911. – 140 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1912 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1913. – 128 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1913 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1914. – 140 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1914 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1915. – 140 с.

Обзор Акмолинской области. Приложение к всеподданнейшему отчету Акмолинского губернатора за 1915 год. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1917. – 142 с.

Памятная книжка Акмолинской области за 1887 г. – Омск: Типография Акмолинского областного правления, 1888. – 185 с.

Справочные издания

Большая энциклопедия. Словарь под ред. С.Н. Южакова. Т. 16. – СПб.: Типо-литография книгоиздательского товарищества «Просвещение», 1904. – 794 с.

Справочная книга Омской епархии / Сост., по поручению 7-го Епарх. съезда, свящ. села Новоселья, Тюкалин. уезда, Иоанн Голошубин. – Омск: тип. «Иртыш», 1914. – 1250 с.

Периодическая печать

- Омские епархиальные ведомости. 1901. № 13–14. 1–15 июл.
 Омские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. 1–15 июн.
 Омские епархиальные ведомости. 1903. № 10. 15 мая
 Омские епархиальные ведомости. 1903. № 17. 1 сент.
 Омские епархиальные ведомости. 1904. № 17. 1 сент.
 Омские епархиальные ведомости. 1907. № 8. 15 апр.
 Омские епархиальные ведомости. 1907. № 12. 15 июн.
 Омские епархиальные ведомости. 1907. № 18. 15 сент.
 Омские епархиальные ведомости. 1907. № 21. 1 нояб.
 Омские епархиальные ведомости. 1909. № 10. 15 мая
 Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 10. 16 мая
 Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 21. 1 нояб.
 Тобольские епархиальные ведомости. 1884. № 19. 10 окт.
 Тобольские епархиальные ведомости. 1884. № 21. 1 нояб.
 Томские епархиальные ведомости. 1880. № 1. 1 июл.
 Томские епархиальные ведомости. 1880. № 5. 1 сент.
 Томские епархиальные ведомости. 1896. № 6. 15 мар.
 Томские епархиальные ведомости. 1896. № 13. 1 июл.

Неопубликованные источники

ГААК (Государственный архив Алтайского края)

*Ф. 26. Барнаульское духовное правление Томской духовной консистории.
 1744–1915 гг.*

Оп. 1. Д. 193, 194, 333, 336, 435, 439, 484, 465, 485, 855.

Оп. 2. Д. 186, 195.

ГАОО (Государственный архив Омской области)

Ф. 3. Главное управление Западной Сибири.

Оп. 5. Т. IV. Д. 7011.

Ф. 16. Омская духовная консистория (1895–1921).

Оп. 1. Д. 122.

ГАТО (Государственный архив Томской области)

Ф. 126. Управление Западно-Сибирского учебного округа. 1885–1918 гг.

Оп. 1. Д. 4, 50, 59, 62, 73, 74, 83, 84, 85, 160, 218, 284, 294, 330, 334, 447, 476, 477, 489, 651н, 677, 724, 1125, 1232, 1236, 1240, 1258.

Оп. 2. Д. 1883, 1894, 1679, 1822, 1850, 1861, 1880, 1883, 1941, 1974, 1987, 2016, 2020, 2033а, 1941, 2160, 2545.

Оп. 3. Д. 109.

Ф. 170. Канцелярия Томской духовной консистории. 1863–1917 гг.

Оп. 3. Д. 4202а.

РГИА (Российский государственный исторический архив)

Ф. 796. Канцелярия Синода

Оп. 440 (Статистические ведомости, 1856–1917 гг.). Д. 438, 715.

Оп. 442 (Отчеты о состоянии епархий, 1853–1916 гг.). Д. 39, 658, 907, 1106, 1535, 1681, 1965.

*Ф. 821. Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий
Министерства внутренних дел*

Оп. 8 (Дела департамента по иудейскому, магометанскому и ламаитскому исповеданиям, а также по языческим культам: о постройке мечетей и молитвенных домов, открытии духовных учреждений; об органах управления духовными делами; об учебных заведениях, духовной цензуре и пр. за 1833–1914 гг.). Д. 594, 612, 616, 624, 634, 651, 743, 801, 807, 816.

Оп. 133 (Дела департамента по протестантскому, иудейскому, магометанскому и ламаитскому исповеданиям; об учебных заведениях и просветительных обществах пр. за 1841–1917 гг.). Д. 471, 566, 576.

Оп. 150 (Материалы Общего, Секретного и Счетного отделов и Секретарской части и Правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского по управлению иностранными исповеданиями за 1828–1917 гг.). Д. 22.

Ф. 1276. Совет Министров, 1905–1917 гг.

Оп. 2 (1906 г.). Д. 593.

Оп. 4 (1908 г.). Д. 14, 662.

Ф. 1022. Петровы: Александр Васильевич, Начальник отделения ДДД ИИ МВД, заведующий отделом старопечатных книг Рукописного отделения БАН; Петр Васильевич, чиновник особых поручений Главного управления военно-учебных заведений Военного министерства.

Оп. 1 (1615–1927 гг.). Д. 28.

Ф. 1016. Фонды личного происхождения, графы: Пален Константин Иванович (1833–1912), Министр Юстиции, Константин Константинович (1861–1923), Виленский губернатор, сенатор, Петр Константинович (1859–1912), посол России в Нидерландах.

Оп. 1 (1851–1917 гг.). Д. 747, 748, 749, 751, 752, 753, 754.

ЦГА РК (Центральный государственный архив Республики Казахстан)

Ф. 4. Областное правление Оренбургскими киргизами.

Оп. 1. Д. 490.

Ф. 44. Семиреченское областное правление Министерства внутренних дел.

Оп. 1. Д. 49007.

Ф. 64. Канцелярия Степного генерал-губернатора Министерства внутренних дел. г. Омск. 1882–1917 гг.

Оп. 1. Д. 299.

Исследования

Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. – М.: Алетейя, 2007. – 304 с.

Абашин С. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456–471.

Абдакимов А. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: Учебное пособие. – Алматы: РИК, 1994. – 235 с.

Абдразаков Т.А. Закономерности построения социалистической экономики в национальных районах СССР: На материалах Казахской ССР. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1975. – 272 с.

Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. – Караганды: Гласир, 2010. – 242 с.

Абдрашитова А.Р. Деятельность Оренбургского Магометанского Духовного Собраниа в 1789–1917 годах и его взаимоотношения с государственными органами власти: дис... на соискание ученой степ. канд. ист. наук. – М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/deyatelnost-orenburgskogo-magometanskogo-dukhovnogo-sobraniya-v-1789-1917-godakh-i-ego-vzaim#ixzz318qNIsGO>

Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – СПб.: Издание переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. – 719 с.

Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. – М.: Наука, 2004. – 600 с.

Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева / Под ред. Н.Г. Суворовой. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 600 с.

Алаев Л.Б. Империя: феномен или этап развития // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 148–156.

Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. – 112 с.

Алексеев Н.В., Алексеев В.Н. Славянское население Казахстана XVIII–XX вв.: Историко-демографическое исследование. – Усть-Каменогорск: Изд-во «Медиа-Альянс», 2009. – 131 с.

Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20.

Амантаев Б.А. Социализм и коренное преобразование социальной природы казахского крестьянства. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1969. – 452 с.

Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Пер. с англ. В.В. Воронина, Е.В. Зиньковского; Ред.: Осипов Г.В. (Вступ. ст.). – М.: Прогресс, 1972. – 392 с.

Аналитический отчет на тему: «Религиозная ситуация в Казахстане и процессы активизации религиозного сознания молодежи» по результатам социологического исследования среди молодежи Казахстана / Работа была выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Ислам в современном Казахстане: сущность и истогирелигиозного возрождения» / Рук. проекта Надирова Г.Е. – Алматы: АҚНҰР, 2014. – 58 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева, вступ. ст. С. Баньковской. – М: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 2001. – 288 с.

Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Т. 26. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – 210 с.

Анисимова И.В. История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа (вторая половина XVIII – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Анисимова Инна Владимировна. – Барнаул, 2004. – 225 с.

Анисимова И.В., Бочкарева И.Б. [и др.] Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в.: коллективная монография / Отв. ред. А.В. Старцев. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 460 с.

Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Межэтнические процессы на Алтае в XVIII – начале XX века (на примере русского и казахского этносов). – Барнаул: Азбука, 2013. – 176 с.

Анохина И.А. Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Пензенского государственного педагогического университета. 2007. № 3 (7). С. 85–90.

Ануфриев К.С. Политика России и Китая в Центральной Азии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 200 с.

Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. – Алма-Ата: [б. и.], 1948. – 256 с.

Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). – М.: [МПГУ], 2004. – 287 с.

Арапов Д.Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 132–137.

Арапов Д.Ю. «Совершенно новые веяния...» Министр внутренних дел Д.С. Сипягин и русский посол в Турции И.А. Зиновьев о «мусульманском вопросе» // Родина. 2006. № 12. С. 62–64.

Арапов Д.Ю. Этническое и конфессиональное в российском «мусульманстве»: исламская политика государства в XX–XXI веках // Вестник Евразии. 2007. № 3. С. 58–67.

Арапов Д.Ю. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917 гг.) // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 253–266.

Арапов Д.Ю. П.А. Столыпин и ислам // Российская история. 2012. № 2. С. 121–126.

Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов, на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. Отг. из «Живой старины», вып. 3 и 4, 1894 г. – СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1895. – 96 с.

Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке традиции и инновации. – Караганда: Полиграфия, 1993. – 331с.

Асанкулова Б.С., Калымбетова Н.П. Педагогическое наследие казахских просветителей XIX века // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 1–2 / 1. P. 128–133 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-nasledie-kazahskih-prosvetiteley-xix-veka#ixzz3xg6sGHWg>

Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. – Алма-Ата – М.: Казахстанское краевое изд-во, 1936. – 150 с.

Атласов Х.М. История Сибири (опубл. в 1911 г.) / Пер. с татар. яз. А.И. Бадюгиной. – Казань, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://protatar.narod.ru/Kitaplar/HadiAtlasi/SibHis.html>

Ахадов А.Ф. Ислам в погоне за веком. – М.: Политиздат, 1988. – 80 с.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. – 198 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. – М.: Наука, 1963. – 1024 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. – М.: Наука, 1966. – 785 с.

Батунский М.А. О некоторых тенденциях в современном западном исламоведении // Религия и общественная мысль народов Востока. – М., 1971. – С. 207–240.

Батунский М.А. Православие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX–XX веков // Общественные науки и современность. 1996. №2. С. 81–90.

Батунский М.А. Россия и ислам: в 3-х т. Т. II. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 596 с.

Баязитов А. Отношение ислама к науке и иноверам. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. – 102 с.

Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – Алма-Ата: АН СССР, 1957. – 337 с.

Бекмаханов Е.Б. Очерки истории Казахстана. XIX в.: Пособие для учителей. – Алма-Ата: Мектеп, 1966. – 191 с.

Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. – Алматы, 1994. – 416 с.

Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Северной Киргизии в эпоху капитализма. – М.: Наука, 1986. – 246 с.

Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. – М.: Институт российской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 240 с.

Блинов А.В. Западно-Сибирский учебный округ [Электронный ресурс]. URL: <http://russiasib.ru/zapadno-sibirskij-uchebnyj-okrug/>

Блинов А.В. Организация училищных советов в рамках Западно-Сибирского учебного округа (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 13 (115). С. 35–39.

Блинов А.В. Оформление административно-территориальных границ образовательного пространства Западной Сибири (1803–1885) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 6–13.

Бляхер Л.Е. Империя как парадигма политологического рассуждения: проблема «оборачивания» в политической науке // Полития. 2008. № 4 (51). С. 163–171.

Бобохонов Р. Джадидизм – как школа модернизации ислама в Центральной Азии // Информационный портал «Центральная Азия» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1424558880>

Богуславский М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 5–21.

Болотин И.С. Тупики клерикального национализма. – М.: Политиздат, 1987. – 110 с.

Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 74–93.

Буктугутова Р.С. Вклад российской интеллигенции в развитие образования среди казахского населения Степного края в начале XX в. // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 29–37.

Буктугутова Р.С. Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX начале XX вв. – Кокшетау, 2006. – 296 с.

Бурдина Е.Л. Позиция российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX века // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 278–287.

Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века). Научная монография / Под. ред В.А. Моисеева. – Барнаул: АзБука, 2003. – 168 с.

Бырбаева Г.Б., Сужиков Б.М. Концептуальное пространство истории Казахстана: контуры зарубежной историографии нового и новейшего времени [Электронный ресурс]. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/375>

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. – 432 с.

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 461 с.

Васильев Д.В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Интернет-журнал «Науковедение». Вып. 5 (24). 2014. С. 1–23 [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/168EVN514.pdf>

Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-хаир хана (1748–1765 г.). Т. 1. – Уфа: Губ. тип., 1853. – 231 с.

Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-хаир хана (1748–1765 г.). Т. 2. – Уфа: Губ. тип., 1855. – 64 с.

Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – СПб.: Типография Безобразова, 1873. – 575 с.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / Пер. с англ. Н. Мишаковой, М. Долбилова, Е. Зуевой и автора; научный ред. перевода М. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.

Войтеховская М.П. Развитие начального образования в Западно-Сибирском учебном округе в связи с планами введения всеобщего обучения // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4(16). С. 134–140.

Волкова Л.А., Рубанова И.В. Национальная школа Удмуртии в начале XX века (в контексте русско-японской войны и Первой русской революции) // Былые годы. 2015. № 25. С. 116–123.

Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 624 с.

Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. – СПб.: издание Я.А. Исакова, 1868. – 373 с.

Галузо П.Г. Троцкистско-колониаторская концепция истории Туркестана-колонии. Сборник статей. М. – Ташкент: САОГИЗ, 1933. – 63 с.

Галузо П.Г. Туркестан-колония: очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. 2-е изд., испр. и доп. – Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1935. – 222 с.

Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. / Под редакцией доктора исторических наук профессора С.М. Дубровского. – Алма-Ата: Издательство «Наука», 1965. – 344 с.

Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. – М.: Учпедгиз, 1954. – 304 с.

Гатин А. «Бюрократия нас уничтожит, сотрет нашу религию и нацию...» (Проблема образования татар в дискуссиях в начале XX в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/10/10_5/

Гафаров А.А., Гафаров А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман российской империи // Вестник Казахстанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 7. С. 296–303.

Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? // Логос. № 1 (58). 2007. С. 218–238.

Голикова О.А. Формирование инспекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2010. № 4/3 (68). С. 50–53.

Голикова О.А. Управление начальными народными училищами Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2011. № 4/2 (72). С. 70–73.

Голикова О.А. Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа: автореф. дис. ... канд.ист.наук: 07.00.02 / Голикова Ольга Александровна. – Кемерово, 2012. – 32 с.

Голикова О.А. Развитие школьной сети Западно-Сибирского учебного округа в последней четверти XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–2 (59). С. 153–156.

Гренков А.И. Церковь и школа. Исторический очерк западно-европейских идей по вопросу отделения школы от церкви // Православный собеседник. 1875. Ч. 3. С. 300–353.

Григорьев В.В. Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1876. – 575 с.

Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1983. – 309 с.

Дамешек Л.М. Национальная и окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX века) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сб. мат. регион. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск, 2007. – С. 35–40.

Дамешек И.Л. Сибирь в российском имперском регионализме: (1822–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Дамешек Ирина Львовна. – Иркутск, 2006. – 222 с. РГБ ОД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.uar.ru.net/diss/cont/172816.html>

Дандыбаева Г.Т. Вклад А.Е. Алекторова в создание учебников и учебных пособий для русско-казахских школ // Вестник Карагандинского государственного университета. Раздел: История. 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/5248>

Джалилов З.Г. Ислам и общество в современном Казахстане. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 204 с.

Джумабаев Т., Шафиро Ш. Формирование казахского пролетариата. – Алматы: Казкрайгосиздат, 1930. – 40 с.

Долбилов М., Сталюнас Д. Введение к форуму «Алфавит, язык и национальная идентичность в Российской империи» // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 123–134.

Драницын Д. Колонизационные задачи в Закаспийской области // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 117–139.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 39–53.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб.: ЛИСС, 1998. – 1000 с.

Ергин Ю.В. Первый исследователь мусульманских школ Уфимской губернии (к 135-летию М.И. Обухова) // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. № 1 (2). С. 109–120.

Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. – М.: Свято-Тихоновский университет, 2007. – 688 с.

Жолдасбекова А.Н. Казахстан и Россия: проблемы и перспективы международного сотрудничества: автореф. дис. ... канд.полит.наук: 23.00.04 / Жолдасбекова Акбота Ниязовна. – М., 2005. – 24 с.

Забиров К.Г. Колониальная политика царизма и аграрные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис.... канд.ист. наук. – Фрунзе, 1958. – 16 с.

Загидуллин И.К. Исмаил Гаспринский о школьной политике правительства в отношении мусульман Поволжья и Приуралья во второй половине XIX века // Издательский дом «Медина» [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/pedagog_zagidullin.htm#_ftnref8

Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. – Алма-Ата: АН КазССР, 1958. – 293 с.

Знаменский С. Средняя школа за последние года. – М.: Изд-во М.Б. Вульфа, 1909. – 294 с.

Изобретение империи: Языки и практики / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. – М.: Новое издательство, 2011. – 326 с.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. / Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапова. – М.: Наталис, 2006. – 480 с.

Искандер-Мурза. Русские школы для мусульман в Туркестане // Восточной обозрение. 1883. № 36. С. 11–12.

Искандер-Мурза. Русские школы для мусульман в Туркестане (продолжение) // Восточной обозрение. 1883. № 38. С. 9–10.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том. 3. / Под ред. К.С. Алдажуманова, М.Х. Асылбекова, Ж.К. Касымбаева, М.К. Козыбаева. – Алматы: «Атамұра», 2000. – 768 с.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Том VII: Потанин Г.Н. Исследования и материалы / Под ред. И.Н. Тасмагамбетов. – Алматы: Дайка-Пресс, 2006. – 600 с.

Исхан Б.Ж., Даутова С.Б., Оспанова Б.Р. Языковая политика и казахский алфавит // Успехи современного естествознания. 2014. № 9–1. С. 136–140 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34205>

Ищенко О.В. Развитие общего и профессионального образования в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 13. С. 22–28.

Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.

Казахская Советская Социалистическая Республика / Под ред. Мустафина Б. Тимофеева Н. – Алма-Ата: Партиздат ЦК КП (б) К, 1938. – 100 с.

Казахская Советская социалистическая Республика: Издание 2-ое, исправленное и дополненное / Под ред. Н. Тимофеева. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1939. – 126 с.

Казиев С.Ш. Национально-просветительское движение и проекты национализма в Казахстане в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/2 (84). С. 128–133.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С. Червонная. – М.: Традиция, 2000. – 344 с.

Каптерев П.Ф. Новая русская педагогика, ее главнейшие идеи, направления и деятели. – СПб.: Ред. журн. «Рус.шк.», 1897. – 146 с.

Каптерев П.Ф. История русской педагогики. – Пг.: Земля, 1915. – 746 с.

Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 320 с.

Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). – М.: Наука, 1980. – 120 с.

Катков М.Н. Идеология охранительства / Сост., предисл. и коммент.: Климаков Ю.В.; отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 800 с.

Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб.: Общественная Польза, 1905. – 444 с.

Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 91–99.

Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом / Всемир. Выставка 1900 г. в Париже, Ком. Сиб. ж. д. – СПб.: издание Канцелярии Комитета Министров, 1900. – 374 с.

Крапоткина И.Е. Казанский учебный округ в конце XIX – начале XX в. – М.:ФЛИНТА: Наука, 2011. – 160 с.

Краснобаева Н.Л. Население Казахстана в конце XIX – первой четверти XX века. – Усть-Каменогорск: Либриус, 2011. – 252 с.

Крылов И.А. Начальное, среднее образование в Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.protown.ru/information/hidden/6629.html>

Крысько В.Г. Этническая психология. 4-е изд. – М.: Академия, 2008. – 320 с.

Кудряшев В.Н. Национальные окраины Российской империи в русской общественно-политической мысли второй половины XIX в. – Saarbrücken, 2013. – 348 с.

Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1983. – 126 с.

Курбанов А.А., Кузьмин О.Д. Очерки по истории развития педагогической мысли в Туркестане (1886–1941 гг.). Ч. 1. – Ашхабад: Туркменистан, 1972. – 107 с.

Латышина Д.И. История педагогики. Воспитание и образование в России (X – начало XX века): Учебное пособие. – М.: Издательский Дом «ФОРУМ», 1998. – 584 с.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (репринтное издание монографии 1832 г., СПб.) / Под общ. ред. акад. М.К. Козыбаева. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.

Ле Шателье А. Ислам в XIX веке / Пер. с фр. изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 112 с.

Липкин А. К вопросу о понятиях национальной общности и национального культурного ядра // Вестник российской нации. 2012. № 4–5. С. 155–176.

Липник В.Н. Школьные реформы в России. Характеристика реформ школы в дореволюционной России // Образование. 2003. № 4. С. 46–54.

Липник В.Н. Школьные реформы в России. Характеристика реформ школы в дореволюционной России (продолжение) // Образование. 2003. № 5. С. 43–49.

Лукиянов С.А. Роль и место МВД дореволюционной России в механизме регулирования религиозных отношений, 1802–1917 гг.: автореф. дисс... на соискание ученой степени канд. юр. наук: 12.00.01 / Лукьянов Сергей Александрович. – М., 2000. – 25 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=89036>

Лурье С.В. Историческая этнология. 1-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.

Лысенко Ю.А. «Отчеты об Алтайской и Киргизской миссии» как источник по истории миссионерской деятельности Русской Православной церкви в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. // Макарьевские чтения:

материалы пятой междунар. конф. (21–22 нояб. 2006 г.) / Отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – С. 43–48.

Лысенко Ю.А. Образ России в представлении казахской политической элиты и интеллигенции XVIII–XIX вв. // Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI в.): мат. междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2007. – С. 39–43.

Лысенко Ю.А. Церковно-школьное строительство в Казахстане в XIX – начале XX в. как фактор повышения имиджа империи // Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны): мат. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2008. – С. 107–112.

Лысенко Ю.А. Степень исламизации казахского общества на рубеже XIX–XX вв. в оценке миссионеров Киргизской духовной миссии // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2008. №4/3. С. 149–156.

Лысенко Ю.А. Структура, цели и задачи деятельности Киргизских миссий Оренбургской и Омской епархий (сравнительный анализ) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2009. №4/4. С. 150–157.

Лысенко Ю.А. Православное и исламское миссионерство в казахской степи: сравнительный анализ организации и методов деятельности (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: История. 2010. №2. С. 36–40.

Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 195 с.

Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). – Барнаул: АЗБУКА, 2011. – 156 с.

Лысенко Ю.А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Лысенко Юлия Александровна. – Барнаул, 2011. – 51 с.

Лысенко Ю.А. Причины и формы участия народов центральноазиатских окраин Российской империи в мусульманском движении начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: исторические науки и археология. 2016. № 4/2 (92). С. 94–100.

Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. Экономическая политика Российской империи в Степном крае и место казахов в системе межэтнического разделения труда // Востоковедные исследования на Алтае / сост. И.В. Анисимова; под ред. Д.А. Глазунова. Вып. VIII. – Барнаул, 2014. – С. 75–95.

Лысенко Ю.А. [и др.] Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Монография / коллектив авторов: Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 272 с.

Лысенко Ю.А., Куликова М.В. (Стурова М.В.) Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/1 (80). С. 181–188.

Лысенко Ю.А., Стурова М.В. Роль и место православных миссионерских школ в образовательной системе Казахстана (XIX – начало XX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2012. № 4/1 (76). С. 153–158.

Мавлютов Р.Р. Ислам. – М.: Политиздат, 1969. – 159 с.

Мажитов С.Ф. Страницы борьбы казахского народа за государственный суверенитет и независимость // Отечественная история (Отан тарихы). Алматы. 2006. № 4. С. 5–17.

Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России (социокультурный аспект). – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 332 с.

Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 27–

28 марта 2008 г. / Под ред. И.В. Анисимовой, Ю.А. Лысенко. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 432 с.

Макаров В.Г. Партийное руководство культурным строительством в Казахстане в первые годы советской власти (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1970. – 28 с.

Мартынова М.Ю. Школьное образование и идентичность: Отечественные и зарубежные концептуальные подходы к национальной (общегосударственной) интеграции и культурному многообразию общества / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 234. – М.: ИЭА РАН, 2013. – 50 с.

Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С. 263–287.

Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. – СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1896. – 237 с.

Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. – СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1897. – 375 с.

Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. – СПб.: Издание журнала «Мир Божий», 1901–1903. – 436 с.

Миронов Б.Н. Историческая социология России. – СПб.: Издательский дом С.-Петербургского гос. ун-та; Интерсоцис, 2009. – 536 с.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – 896 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр., доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. – 548 с.; Т. 2. – 583 с.

Миропиев М.А. О положении русских инородцев. – СПб.: Синодальная типография, 1901. – 519 с.

Миропольский С.И. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Изд. 2-е. – СПб.: Тип. Глазунова, 1910. – 222 с.

Моисеев В.А. Взаимоотношения цинского Китая и России с Джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 43–55.

Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. – М.: Наука, 1983. – 150 с.

Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX – 1917 г.). – Барнаул: Аз Бука, 2003. – 346 с.

Мусабалина Г.Т. Военные губернаторы степных областей в иерархии властных структур Российской империи во второй половине XIX века [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/conf2011/mussabalina-gt.htm>

Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век / Отв. ред. Д.Ю. Арапов. – М.: Институт Африки РАН, 2004. – 282 с.

Мухаметшин Р., Исхаков Д. Идеологические разногласия между представителями кадимизма и джадидизма // Научно-документальный журнал «Эхо веков». 2007. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_2/05/05_3/&searched=1

Мушкетов И.В. Собрание сочинений. Вып. 2: Путешествие на Алтай и Памир в 1877 году. – СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1912. – 107 с.

Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: Атамур, 2003. – 256 с.

Найденова Е.А. Поликультурное образование как средство воспитания межэтнической толерантности. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 172. – М., 2004. – 29 с.

Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь: Этнографические очерки о тюрко-монгольском населении Туркестанского края. Изд-е 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 146 с.

Нации и национализм / Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. [и др.]; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.

Никольский В.И. О русском национальном самоопределении. Очерк. – СПб., 1907. – 120 с.

Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. – Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. – 657 с.

Нурбаев Ж.Е. Факторы и особенности развития ислама в Северном Казахстане // Отечественная история (Отан тарихы). Алматы. 2008. № 3. С. 96–108.

О религии: основные вопросы методологии истории религии и антирелигиозной политики рабочего класса: статьи и отрывки из произв. Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, К. Каутского, П. Лафарга и Г. Кунова / сост. В.А. Десницкий. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 240 с.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Психология национальности. – Пг.: Время, 1922. – 38 с.

Орлов. Ходаческое движение, водворение переселенцев и связанные с ним мероприятия в Азиатской России в 1909 году // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 3–33.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. – первая половина XIX в. / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. – М.: Педагогика, 1973. – 599 с.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Ш.И. Ганелин, Л.Д. Глубоковских, П.В. Горостаев [и др.], НИИ общей педагогики АПН СССР; Отв. ред. А.И. Пискунов. – М.: Педагогика, 1976. – 595 с.

Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Павлова Алевтина Николаевна. – Чебоксары, 2002. – 28 с.

Перминов А.В. Мусульманские школы в Казахстане в XIX – начале XX веков [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-234038.html>

Плахотник Т.Ю. Деятельность администрации Степного края в сфере начального образования казахского населения в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Плахотник Тамара Юрьевна. – Омск, 2007. – 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/302784.html>

Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. – М., 2002. – С. 146–168.

Побережников И.В. Законы и правила в языке и обществе // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация / Материалы VIII международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2006. – С. 161–165.

Побережников И.В. Модернизация и цивилизация: концепция культурно-цивилизационного изменения П. Штомпки // Воспитательный потенциал исторического образования (XII всероссийские историко-педагогические чтения). Ч. II. – Екатеринбург, 2008. – С. 405–410.

Побережников И.В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С. 191–203.

Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России: Научные труды. Вып. 346. Ч. 2. / Под ред. П.А. Ковалева, А.М. Ташмухамедова, Г.Л. Дмитриева. – Ташкент: Изд-во Ташкентск. гос. ун-та, 1970. – 126 с.

Пыпин А.Н. Русская народность в Сибири // Вестник Европы. 1892. № 1. С. 276–323.

Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 1. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1890. – 434 с.

Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 2. – СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1891. – 452 с.

Раздыкова Г.М. Этнический компонент в мусульманском образовании казахов степного края в конце XIX-начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Раздыкова Гульназ Максutowна. – Павлодар, 2007. – 203 с. [Электронный ресурс]. URL: www.dissertcat.com/content/etnicheskii-komponent-v-musulmanskom-obrazovanii-kazakhov-stepnogo-kрая-v-kontse-xix-nachal

Раздыкова Г.М. История мусульманского образования в Казахстане. – Павлодар: Кереку, 2010. – 150 с. [Электронный ресурс]. URL: // <https://refdb.ru/look/1478529-pall.html>

Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI в.): сб. ст. Всероссийской научной конференции «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века)» (г. Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 года) / Под науч. ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. – Оренбург, 2012. – 520 с.

Рейснер М.А. Духовная полиция в России: Религиозно-нравственное попечение и церковный надзор. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 112 с.

Религия и общественная мысль народов Востока / Отв. ред. Гафуров Б.Г. – М.: Наука, ГРВЛ, 1971. – 265 с.

Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX — начале XX веков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaimka.ru/power/remnev3.shtml>

Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.) / Ред. П.И. Савельев. – М.: Первый печатный Двор, 1997. С. 52–66.

Ремнев А.В. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). – М.: РОССПЭН, 2010 – 511 с.

Ремнев А.В. Татары в казахской степи: соратники и соперники российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–31.

Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab imperio*. 2011. № 1. С. 169–205.

Ремнев А.В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века / А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – 248 с.

Ремнев А., Суворова Н. Управление миграционными процессами в позднеимперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2012. С. 27–92.

Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 гг. – СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. – 735 с.

Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое издательство, 2005. – 696 с.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. 18. Киргизский край. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1903. – 499 с.

Россия – Средняя Азия / Авт. коллектив: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Б.М. Бабаджанов, В.А. Германов, В.А. Иванов, Ф.М. Мухаметшин, Р.Н. Шигабдинов. Т. 1: Политика и ислам в конце XVIII – начале XX вв. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 476 с.

Ряднин М. Казахстан на путях к социалистическому строительству: Ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу. – Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1928. – 86 с.

Сабитов Н. Мектебы и медресе у казахов (историко-педагогический очерк). – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1950. – 44 с.

Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX в.). – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – 345 с.

Садвокасова З.Т. Исследование духовной экспансии в контексте колониальной политики царизма в Казахстане как научная проблема // Отечественная история (Отан тарихы). Алматы. 2007. № 3. С. 55–66.

Садвокасова З.Т. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов // Отечественная история (Отан тарихы). Алматы. 2008. № 1. С. 90–99.

Садыков А.С. Культурные связи Хивы с Россией (конец XIX– начало XX вв.) // Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России: Научные труды. Вып. 346. Ч. 2. / Под ред. П.А. Ковалева, А.М. Ташмухамедова, Г.Л. Дмитриева. – Ташкент: Изд-во Ташкентск. гос. ун-та, 1970. – С. 44–64.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. – М.: Русский мир, 2006. – 636 с.

Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. – М.: Наука, 1980. – 145 с.

Сборник Русского Исторического общества. Т. 5 (153). Россия и Средняя Азия в XVIII–XX вв. / Под ред. Д.Ю. Арапова. – М.: Русская панорама, 2002. – 336 с.

Сборник Русского Исторического общества. Т. 7 (155). Россия и мусульманский мир / Под ред. Д.Ю. Арапова. – М.: Русская панорама, 2003. – 328 с.

Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX вв. – Алматы, 1996.

Сегизбаев О.А. Традиции свободомыслия и атеизма в духовной культуре казахского народа. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1973. – 167 с.

Семенов П.П. Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть европейской России. – СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1900. – 288 с.

Сорокин А.П. Акмолинские военные губернаторы: штрихи к социокультурному облику сибирских военных рубежа XIX–XX вв. // Катанаевские чтения: Сб. науч. трудов, посв. Г.Е. Катанаеву. Материалы докл. третьей и четвертой всеросс. научно-пр. конференций 1999–2000. – Омск: ОмГПУ, 2003. С.11–13 [Электронный ресурс]. URL: <http://kulgor.narod.ru/sorokin6.html>

Сословные и социокультурные трансформации Азиатской России (XVII начало XX века): Сб. мат. всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель; Институт истории СО РАН, 2014. – 314 с.

Сосунцов Е.Ф. Основы национального русского воспитания. – Казань: Центральная Типография, 1915. – 46 с.

Софронов В.Ю. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (конец XVII - начало XX вв.). Часть I. – Тобольск: Изд-во ТГПИ, 2005. – 144 с.

Сперанский Н. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. – М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1970. – 239.

Стурова М.В. Образовательная политика Российской империи в Степном крае (вторая половина XIX – начало XX в.): к постановке проблемы // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2012. № 4/1 (76). С. 210–213.

Стурова М.В. Законодательство в области образования в Степном генерал-губернаторстве (1881–1917 гг.) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XXXIX научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 9. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С.54–56.

Стурова М.В. Государственное регулирование коммуникации «русские-казахи» в образовательном пространстве Степного генерал-губернаторства (1881–1917 гг.) // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Пятые научные чтения памяти

Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции 27 апреля 2012 г. / Под общ. ред. А.В. Старцева. – Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 71–75.

Стурова М.В. Взаимодействие светского и религиозного компонентов в образовательном пространстве Омского Прииртышья (вторая половина XIX – начало XX в.) // Первые Ядринцевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894) (Омск, 30–31 октября 2012 г.) / под ред. П.П. Вибе, Е.М. Бежан. Омск: ОГИК музей, 2012. С. 83–85.

Стурова М.В. «Иностранная школа» в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Алтай в истории российской государственности. Материалы научно-практической конференции, Барнаул, 10–11 сентября 2012 г. / Под ред. Е.В. Демчик, Ю.М. Гончарова. Барнаул: изд-во АлтГУ. – 2012. С. 174–177.

Стурова М.В. О состоянии учебной части в казахской степи во второй половине XIX в. // Тобольск научный – 2013: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тобольск, Россия, 25–26 октября 2013 г.) – Тобольск: Тобольская типография филиала ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. С. 326–329.

Стурова М.В. Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50-е – 80-е гг. XIX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/2 (80). С. 198–202.

Стурова М.В. Степной край в составе Западно-Сибирского учебного округа: особенности управления (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 28–31.

Стурова М.В. Приоритетные направления в материальном обеспечении учебных заведений Степного генерал-губернаторства на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: Девятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник материалов научной конференции (3–4 октября 2013 г., г. Барнаул) / Отв. Ред. В.А. Скубневский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 98–99.

Стурова М.В. К вопросу о формировании культурно-цивилизационных особенностей взаимовосприятия России и Казахстана (на примере образовательной политики Российской империи в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Шелковый путь: развитие отношений в условиях глобализации и интеграции. Материалы международной научно-практической конференции в 2-х томах. Т. 1. / под ред. Ш.А. Курманбаевой. – Семей, 2014. – С. 145–148.

Стурова М.В. Мусульманские школы Степного генерал-губернаторства: вопросы корректировки содержания образования для казахского населения в 80-х гг. XIX – начале XX в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы XLI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 11. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С.68–72.

Стурова М.В. Конфессиональная доминанта в интеграции славянского населения: церковно-школьное строительство в Степном крае (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2014. № 4/2 (84). С. 212–216.

Стурова М.В. Закон 1874 г. о передаче мусульманских школ Российской империи в ведение Министерства народного просвещения: бездействие или стратегия продуманного управления? // Востоковедные исследования на Алтае: материалы регионального научного семинара с международным участием «Азиатская Россия, Центральная Азия и Китай: история и перспективы взаимодействия» / сост. И.В. Анисимова; под ред. Д.А. Глазунова. Вып. VIII. Барнаул, 2014. С. 95–97.

Стурова М.В. К вопросу о практике управления казахской степью во второй половине XIX – начале XX в. Этноконфессиональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Конференции, симпозиумы, семинары. 2015. № 4/2 (88). С. 177–181.

Стурова М.В., Бобров Д.С. Г.К. Гинс об образе казахской степи и оценке этнокультурного потенциала региона в практике государствовроительства начала XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия:

Исторические науки и археология. Конференции, симпозиумы, семинары. 2015. № 4/2 (88). С. 182–186.

Суворова Н.Г. Сословные практики интеграции степного населения в колонизационных проектах имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сословные и социокультурные трансформации Азиатской России (XVII начало XX века): Сб. мат. всерос. науч. конф. / Отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск. Институт истории СО РАН, 2014. – С. 135–149.

Сужиков М. Социально-экономические проблемы национальной консолидации: Из опыта перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1968. – 380 с.

Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. (1867–1907 гг.). – Алма-Ата: Академии Наук Казахской ССР, 1963. – 411 с.

Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов: История строительства советской культуры Казахстана. 1917–1965 гг. – Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1967. – 424 с.

Сулимов В.С. Светская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX веков: воспитание учащихся. – Тобольск: ТИД, 2015. – 316 с.

Султангалиева А. Религия как часть социальных изменений в восприятии населения Казахстана // Социальный портрет современного казахстанского общества: Сб. статей, Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента РК – Лидера нации. – Астана – Алматы, 2015. С. 77–104.

Сыдыков Е.Б. Шакарим. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 351 с.

Тажирбаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. – Алма-Ата: КГИ, 1962. – 507 с.

Тарасова Е.В. Миграционный обмен с Россией как фактор формирования этнического состава населения Казахстана (XVIII - начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Тарасова Елена Владимировна. – М., 2004. – 135 с.

Тарасова Е.В. Влияние переселенческого движения на земельные отношения в Степном крае и Туркестане в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: история, политология. 2013. № 4/2 (80). С. 203–206.

Тебаев Д.Б. Казахские жузы и российская политика на территории Степного края во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.00, 07.00.03 / Тебаев, Данияр Болатович. – Москва, 2009. – 189 с. [Электронный ресурс]. URL: www.dissercat.com/content/kazakhskie-zhuzy-i-rossiiskaya-politika-na-territorii-stepnogo-kрая-vo-vtoroi-polovine-xviii

Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. Изд. 2-е испр. и доп. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 368 с.

Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 51. – М.: ИЭА РАН, 1993. – 24 с.

Тишков В.А. Двадцать лет спустя: Опыт переосмысления теории и практики межнациональных отношений / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 200. – М.: ИЭА РАН, 2008. – 47 с.

Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края Западной Сибири: переселенческое движение и государственная политика (XIX – начало XX в.) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. (часть 1).

Тумайкина В.В. Основные направления военно-политической и административной деятельности Г.А. Колпаковского: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тумайкина Валерия Викторовна. – Барнаул, 2010. – 238 с.

Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского движения в Казахстане. – Алма-Ата: Изд. и тип. Изд-ва Акад. наук Казах. ССР, 1950. – 102 с.

Тынышпаев М.Т. Материалы к истории киргиз-казахского народа (Генеалогия киргиз-казахских родов). – Ташкент: изд-во Узбекистан, 1925. – 34 с.

Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. 1906–1917 гг.: автореф. дисс. ...д.ист.наук: 07.00.02 / Усманова Диляра Миркасымовна. – Казань, 2004. – 56 с.

Успанова К.Ж. Идеи народной педагогики в развитии образования и в творчестве казахских просветителей в период присоединения Казахстана к России (первая половина XVIII – середина XIX века): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Успанова Клавдия Жаркеновна. – Тюмень, 2002. – 171 с. РГБ ОД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/118053.html>

Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / Под ред. А.И. Кастелянского. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. – 821 с.

Фурсов К.А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток. 2010. № 6. С. 28–44.

Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868 гг.). – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 272 с.

Харузин А.Н. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). – М.: Типография А.А. Левенсон, 1888. – 192 с.

Харузин А.Н. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и кара-киргизов // Этнографическое обозрение. М., 1891. Кн. IX. Прибавления. С. 1–68.

Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред.: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.

Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. – Л.: Наука, 1978. – 248 с.

Чуркина Н.И. Социокультурный образ региона в составе воспитанников педагогических учебных заведений Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции. Барнаул, 29

апреля 2010 г. – Вып. II / Под ред. А.В. Старцева. – Барнаул: Азбука, 2010. С. 226–232.

Шаблей П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественно-политической и религиозной жизни населения Казахских степных областей (1788–1868 гг.): автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шаблей Павел Сергеевич. – Челябинск, 2013. – 36 с.

Шерстова Л.И. Алтай-кижи в конце XIX – начале XX в. (История формирования этноконфессиональной общности): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.

Шерстова Л.И. Тайна долины Теренг. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1997. – 192 с.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 312 с.

Шершнева Е.А. Положение мусульманских общин Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шершнева Елена Александровна. – Барнаул, 2013. – 23 с.

Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 341–359.

Шоинбаев Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. – Алма-Ата: Казахстан, 1973. – 248 с.

Штурба В.А. Образование как элемент окультуривания горских народов Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 3 (5). С. 5–14.

Щапов А.П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Репринт. Изд. 2-е, испр. – М.: КРАСАНД, 2010. – 344 с.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

Элиашевич И.Я. Религия в борьбе за рабочую молодежь. – Л.: Прибой, 1928. – 75 с.

Этническая история народов Севера / Отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1982. – 269 с.

Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. Исследования по прикладной и неотложной этнологии / О.И. Брусина. Д.А Митина; ред. группа: Тишков В.А. (отв. ред.) [и др.]. Вып. 94. – М., 1996. – 32 с.

Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А Тишков, В.А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 650 с.

Этносы и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса: Сб. статей. / Отв. ред. В.А. Попов. – М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. – 344 с.

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 560 с.